ISSN 0131-6117

Русская речь

RUSSIAN SPEECH

МОСКВА, 2020

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phiL., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: http://russkayarech.ru/

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

© Российская академия наук

© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2020

ISSN 0131-6117

ISSN 0131-6117

Russian Speech

RUSSKAYA RECH'

MOSCOW, 2020

5

SEPTEMBER–OCTOBER

Founded in January 1967

6 issues per year

Russian Speech

No. 05 | 2020

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: http://russkayarech.ru/

ISSN 0131-6117

Содержание

Проблемы современного русского языка

7..... *А. А. Алешина.* Символ *соль* и его отражение в русской фразеологии

18..... *А. В. Вешнякова.* Функционирование наименований современной модной обуви: от художественной литературы до интернет-мемов

27..... *М. М. Вознесенская.* Интертекстуальный тезаурус литературного персонажа (на материале романа Валерия Залотухи «Свечка»)

39..... *О. П. Ермакова.* О двух активных семантических процессах в сфере конкретно-предметной лексики

48..... *М. Л. Каленчук.* Орфоэпия и письмо

55..... *Т. С. Сулимова.* *Определить нельзя помиловать!* Функционирование единицы *в смысле* в русской устной речи (в зеркале теории переходности)

70..... *А. Э. Цумарев.* Толкование единиц религиозной лексики в общем толковом словаре русского языка

Из истории русского языка

85..... *Л. В. Недоступова.* Обработка конопли, прядение и некоторые элементы ткачества в первой половине XX в. (на примере говора с. Подгорное Воронежской области)

99..... *Е. Я. Шмелева.* История слова *интервенция* в русском языке

Язык художественной литературы

111..... *Н. В. Капустин.* Союз «но» как спутник чеховского героя (на материале рассказа «Дама с собачкой»)

Наука в лицах

120..... Замечательный школьный учитель Михаил Викторович Панов

124..... Памяти Леонида Леонидовича Касаткина (1926–2020)

Contents

Issues of Modern Russian Language

7..... *Anna A. Aleshina.* The Symbol *Salt* and Its Reflection in the Russian Phraseology

18..... *Anastasiya V. Veshnyakova.* Names of Modern Fashionable Footwear: from Fiction to the Internet Memes

27..... *Maria M. Voznesenskaya.* Intertextual Vocabulary of a Literary Character (Based on the Novel "Candle" by Valery Zalotukha)

39..... *Olga P. Ermakova.* Two Active Semantic Processes in Concrete Vocabulary

48..... *Maria L. Kalenchuk.* Orthoepy and Writing

55..... *Tatiana S. Sulimova.* *A Definition is Impossible, Pardon! / A Pardon is Impossible, Define!* The Functioning of the Unit *v Smysle* in Russian Oral Speech (in Terms of Transitivity Theory)

70..... *Alexei E. Tsumarev.* Interpretation of Religious Vocabulary Units in the General Explanatory Dictionary of the Russian Language

From the History of the Russian Language

85..... *Lyubov V. Nedostupova.* Hemp Processing, Spinning and Some Elements of Weaving in the First Half of the 20th c. (On the Example of a Sub-dialect of Podgornoe Village in Voronezh Region)

99..... *Elena Ya. Shmeleva.* The History of the Word *Interventsiya* in Russian

The Language of Fiction

111..... *Nikolai V. Kapustin.* Conjunction "But" as a Speech Characteristic of Chekhov's Character (Based on the Material of the Story "The Lady with the Dog")

Science and Persons

120..... Wonderful School Teacher Mikhail V. Panov

124..... In Memory of Leonid L. Kasatkin (1926–2020)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 07–17

Проблемы современного русского языка

Символ *соль* и его отражение в русской фразеологии

Анна Андреевна Алешина, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Россия, Орел), batie08@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012124-5

АННОТАЦИЯ: Соль представляет собой культурологически и прагматически значимый предмет, физические свойства которого и ассоциативные связи с которым отражены в многочисленных языковых номинациях. Многозначная лексема *соль* обладает огромным фразеологическим потенциалом. В статье рассматривается фрагмент обширного фразеологического гнезда с вершиной-лексемой *соль* в ее первичном, основном значении ‘белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище’. Фразеологизмы с компонентом *соль* в данном значении в общей сложности покрывают объемное семантическое пространство и в целом показывают, какие свойства соли, реально существующие в действительности или приписываемые ей, являются актуальными для носителей языка, приобретают символьные значения и становятся основой для создания фразеологизмов. В статье выявляются фразеологические единицы, отражающие важность соли как символа гостеприимства, достатка, постоянства и верности, благословения и благодарности, как своеобразного оберега; фразеологизмы, демонстрирующие важность соли для человека в целом, а также единицы, актуализирующие вред избыточного количества соли и отражающие восприятие соли как символа проклятья. Выявляются факторы фразеообразовательной активности существительного *соль*. Материалом статьи послужили фразеологизмы различных типов, в том числе пословицы и поговорки русского народа, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русского литературного языка,

словарей народных говоров и интернет-источников, отражающих разговорную речь носителей языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: значение, лексема, символ, фразеообразование, фразеологические единицы с компонентом *соль*, фразеологическое гнездо

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алешина А. А. Символ *соль* и его отражение в русской фразеологии // Русская речь. 2020. № 5. С. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170012124-5.

Issues of Modern Russian Language

The Symbol *Salt* and Its Reflection in the Russian Phraseology

Anna A. Aleshina, Orel State University named after I. S. Turgenev (Russia, Orel), batie08@mail.ru

ABSTRACT: Salt is a culturological, pragmatically important notion, hence its physical characteristics and associative bonds are reflected in numerous linguistic means of naming. Polysemantic lexeme *salt* has a huge phraseological potential. The article deals with a fragment of the wide phraseological cluster with the initial word in its first meaning "white crystalline substance with sharp, specific taste that is used especially to season or preserve food" in the national Russian language. Phraseological units with the component 'salt' in this meaning cover big semantic space. They reveal what characteristics of salt, real or attributed, are topical for native speakers, develop symbolic meanings and become a basis of creating new phraseological units. The paper shows phraseological units that reflect the importance of salt as a symbol of hospitality, wealth, constancy and fidelity. Salt is also viewed as an amulet and a symbol of blessing and thankfulness.

The article also contains phraseological units that demonstrate the importance of salt for a person in general, the units that emphasize the harmfulness of the excessive amount of salt or view it as a symbol of curse. The article considers the factors of phrase creation activity of the word salt. The material of analysis is phraseological units of different types including proverbs and sayings extracted by continuous sampling method from dictionaries of

literary language, dialect dictionaries and from the Internet resources that reflect the colloquial speech of native speakers.
KEYWORDS: meaning, lexeme, symbol, phrase creation, phraseological items with the component *salt,* phraseological cluster
FOR CITATION: Aleshina A. A. The Symbol *Salt* and Its Reflection in the Russian Phraseology. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170012124-5.

В русском языке существуют лексические единицы, обозначающие жизненно важные реалии и оказывающие заметное влияние на лексический и фразеологический уровень языка. Такие слова развивают полисемию, на их основе выстраиваются объемные словообразовательные и фразеологические гнезда, которые насчитывают сотни единиц. Одной из подобных лексем является существительное *соль*, которое находится в активной фазе своего «жизненного цикла» [Поликарпов 2007: 37], имеет 12 значений в русском языке (в литературном языке, в народных говорах, в профессиональной сфере, в сфере жаргона), что является богатым источником словообразовательных и фразеообразовательных возможностей.

Так, словообразовательное гнездо слова *соль* насчитывает 555 лексических единиц, фразеологическое гнедо — 193 единицы. В настоящей работе мы придерживаемся широкого понимания фразеологии, т. е. наравне с «собственно» фразеологизмами были исследованы пословицы и поговорки, поскольку они не менее (если не более) культурологически значимы и не в меньшей степени раскрывают концепт «Соль».

Прямое значение слова *соль* 'белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище' [Ожегов 1985: 648] развивает богатую систему фразеологических ассоциаций. Фразеообразовательный потенциал слова именно в этом значении прежде всего обусловлен актуальностью соли для человека. Наивысшая продуктивность фразеообразования слова *соль* в данном значении обусловлена наличием всех факторов, в особенности экстралингвистических [Попова 2013: 45]. Во-первых, люди знакомы с солью с древних времен и ее значимость как приправы к пище не вызывает сомнения. Соль использовалась в различных ритуалах, обрядах, жертвоприношениях и выступала как оберег. Упоминание о ней встречается в сказках и художественной

литературе. Войны за соль происходили в разные эпохи: люди сражались за соль не только в первобытнообщинном, но и рабовладельческом, а затем и в феодальном обществе. Вероятно, географический фактор также сыграл свою роль: добыча соли осуществлялась на всей территории России. Во-вторых, первичное значение слова *соль* является общеупотребительным и входит в состав литературного языка. В-третьих, слово в этом значении является свободным в употреблении и характеризуется широчайшей сочетаемостью.

Фразеологическое гнездо с вершиной *соль* составляют единицы, своим значением указывающие на то, какие именно свойства соли актуальны для носителей языка, приобретают значение символа и потому положены в основу создания фразеологизмов.

1. Одну из самых значительных групп составляют фразеологизмы, отражающие важность соли как символа гостеприимства.

Наши предки полагали, что любого вошедшего в дом человека, даже если он незнакомый, нужно радушно встретить, напоить и накормить, чтобы гость ни на что не обиделся и не смог навредить домочадцам. Радушие, гостеприимство русского человека было отражено в памятнике русской культуры «Домострое». Здесь приводятся рекомендации хозяину и хозяйке дома, как следует встречать гостей [Платонов (отв. ред.) 2014: 108–109, 111–114]. Н. М. Карамзин в своем труде «История государства Российского» отмечал гостеприимство как типичную черту русского характера. Он писал, что для славян любой путешественник был «как бы священным»: хозяин отвечал за его безопасность, за угощение, за радушный прием, а если хозяин был слишком беден и не мог позволить себе роскошного приема, то ему позволялось украсть все необходимое у богатого соседа — настолько важен был долг гостеприимства [Карамзин]. Гостеприимство отражено и в художественной литературе. Так, в комедии «Горе от ума» Александр Сергеевич Грибоедов устами Фамусова высмеивает неразборчивое гостеприимство русского дворянства: «…Возьмите вы хлеб-соль: Кто хочет к нам пожаловать — изволь, Дверь отперта для званых и незваных, Особенно из иностранных» [Грибоедов 1974].

Поскольку гостеприимство является национальной русской чертой, отражающая его подгруппа фразеологизмов весьма значительна. Необходимо отметить, что соль в сознании человека неразрывно связана с хлебом: *русский человек хлеб-соль водит* [Даль 1984, т. 2: 17]; *хлеб-соль ешь, а правду режь* (или: *правду-матку режь*); *хлеб-соль кушай, а правду слушай* [Даль 1984, т. 1: 372]; *челом бьем на хлебе да на соли* [Даль 1984, т. 3: 221]; *поднести хлеба-соли*; *встретить хлебом-солью*; *просим милости, откушать зелена вина, отведать хлеба-соли* [Даль 1984, т. 3: 218] и др. Следует

отметить, что в Древней Руси пожелание приятного аппетита звучало как *«Хлеб соль!»* или *«Хлеб да соль!»*, что нашло свое отражение в современных словарях [Молотков (ред.) 1968: 506–507; Федоров 2008: 722; Ларионова 2014: 438–439].

2. В сознании человека соль воспринимается как символ достатка, что находит отражение и в художественной литературе, и во фразеологии.

Например, у И. С. Тургенева в стихотворении в прозе «Щи» помещица навещает вдову-крестьянку, у которой умер единственный сын, и видит, что она ест щи. Барыня поражается черствости крестьянки, а та ей отвечает, что щам нельзя пропасть, «ведь они посоленные».

В древние времена соль была очень дорогим продуктом: позволить себе иметь на столе солонку могли только состоятельные люди. Безусловно, это не могло не найти отражения во фразеологии: *отец мой жил не ровно: хлеб есть — так соли нет*; *соль есть — так хлеба нет*; *а я, добрый молодец, живу ровно: ни хлеба, ни соли* [Даль 1984, т. 1: 490]; *в людях чванится, а дома соли нет* [Пословицы и поговорки о соли].

Будучи дорогим продуктом, соль требовала бережного обращения. В древности хозяин сам солил общую еду. Также разрешалось отсыпать себе немного соли на скатерть, но ни в коем случае не обмакивать хлеб в солонку [Захарова 2012: 8] (ср. *грех куском макать в соль* [Пословицы и поговорки о соли]).

Рассмотренная ранее фразеологическая единица *хлеб да соль* в значении пожелания приятного аппетита также использовалась и для пожелания достатка, богатства хозяевам.

Соль на Руси использовалась и в различных обрядах для того, чтобы «привлечь» в дом богатство. Так, например, хлеб и солонка украшали свадебный стол: *хлеб-соль примаем, а вас под образа сажаем*; *от добрых людей хлеб-соль примаем, а молодца на придачу* [Даль 1984, т. 3: 239].

Кроме того, некоторые фразеологизмы подчеркивают важность, необходимость усердного труда для получения материального достатка, воплощением которого является соль: *лень без соли обедает*; *лень добра не делает, без соли обедает*; *лень и щи без соли хлебает* [Пословицы и поговорки о соли].

3. Обширную группу составляют фразеологизмы, свидетельствующие о важности соли как символа постоянства и верности. Считалось, что общая трапеза, приправленная солью, гарантировала дружбу между людьми, поскольку они делили самое ценное, жизненно необходимое. Например, выражение *съесть пуд соли с кем-либо* означает ‘прожить долгое время вместе, часто общаться’ [Молотков (ред.) 1968: 467], а также ‘хорошо узнать человека и доверять ему’ [Дубовская 2015: 48]. Похожая идея нашла отражение и в других фразеологизмах: *изведан друг, куль соли вместе*

съевши [Даль 1984, т. 3: 268]; *друга узнать — вместе пуд (куль) соли съесть*; *надо пуд соли вместе съесть, чтобы друга узнать* [Пословицы и поговорки о соли].

В «Домострое» сказано, что нужно напоить и накормить недруга хлебом-солью, чтобы прекратить вражду: «…недруга напоити и накормити хлебом и солью, ино вместо вражды дружба» [Платонов (отв. ред.) 2014: 145] (ср. *хлеб-соль разбойника побеждает (убивает/смиряет)* [Даль 1984, т. 3: 282]).

4. В сознании носителей языка соль мыслится как оберег, символ благословения. Считалось, что начать еду следовало с куска хлеба с солью, так же нужно было и закончить трапезу. По поверью, человек, который следует этой традиции, будет счастливым [Фурсина 2018] (ср. *хлеб-соль конец обеду* [Даль 1984, т. 3: 282]).

Более того, встречать гостя *«хлебом-солью»* значило призвать на него Божью милость и пожелать ему добра и мира.

В качестве магического талисмана соль защищала от «дурного глаза», отвращала потустороннее, «чужое» влияние, с которым человек сталкивался в обыденной жизни: *соль тобе в очи* — «говорят, чтобы избавиться от действия дурного глаза, когда кто-либо смотрит на что-либо с завистью или сильно хвалит какую-либо вещь» [Сороколетов (гл. ред.) 2005: 308].

Согласно народным верованиям, соль не пропустит нечистую силу в дом: соль насыпали под печку, в каждый угол избы, при постройке которой эту приправу часто клали на матицу (балку, которая держит потолок), а пороги дверей обмывали соленой водой [Соль. История и факты] — *хлеб-соль не попустит врага сотворить зла* [Даль 1984, т. 3: 253].

5. Поскольку соль являлась ценным, дорогим продуктом, в народном сознании она стала мерилом благодарности. Тема благодарности во фразеологизмах неразрывно связана с гостеприимством: *За хлеб за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость вашу (т. е. благодарим)* [Даль 1984, т. 1: 253].

Самый больший упрек, какой только можно было высказать человеку, — в том, что он забыл хлеб-соль. Так, *забывать (забыть) хлеб-соль — разг., неодобр.* ‘проявлять неблагодарность к кому-либо, чьим расположением пользовался’ [Ларионова 2014: 165]. Русские пословицы *хлеб-соль — заемное дело* [Даль 1984, т. 3: 325]; *помяни соль, чтоб дали хлеба* [Пословицы и поговорки о соли]; *хлеб-соль платежом красна* [Даль 1984, т. 3: 325]; *кинь хлеб-соль назади, очутится впереди* [Даль 1984, т. 1: 254]; *за хлеб за соль, за щи — спляшем, за винцо — песенку споем* [Даль 1984, т. 1: 253] подчеркивают необходимость обязательств, налагаемых гостеприимством хозяев. Способность быть благодарным — один из критериев оценки человека: *хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто*

хлеб-соль помнит [Пословицы и поговорки о соли]; *спаси Бог того, кто поит и кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит* [Даль 1984, т. 1: 252].

С другой стороны, во фразеологизмах подчеркивается бескорыстность русского гостеприимства: *за хлеб-соль не платят, кроме спасиба* [Даль 1984, т. 3: 282].

6. В русском языке существуют фразеологизмы, которые отражают важность соли для человека в целом.

Действительно, значение соли в жизни человека трудно переоценить. Ее отсутствие делает пищу пресной и безвкусной, а ее нехватка негативно сказывается на всем организме.

Значимость соли переосмысливается в сознании носителей языка и, как свидетельствуют устойчивые сравнения, переносится на другие объекты самого разного рода:

волю — *без воли — силы нет, без соли — вкуса нет*; *без соли — что без воли: жизнь не проживешь* [Пословицы и поговорки о соли];

скромность — *женщина без стыдливости, что пища без соли* [Пословицы и поговорки о соли];

деньги: *без денег торговать, как без соли хлебать* [Пословицы и поговорки о соли]

и даже духовный чин — *без попа, что без соли. Без попа не приход* [Даль 1984, т. 3: 120].

7. Рассмотренные выше фразеологизмы отражают, скорее, позитивное символьное восприятие соли человеком; однако же некоторые единицы указывают и на переосмысление соли как символа негативного.

Так, образ избыточного количества соли во фразеологии трактуется отрицательно. Несмотря на то, что соль является ценной добавкой к пище и усиливает, улучшает ее вкусовые качества, излишек данной приправы может ее испортить: *добра соль, а переложить — рот воротит*; *еде нужна соль, но в меру*; *лишняя соль портит пищу, лишнее слово — речь* [Пословицы и поговорки о соли].

Кроме того, соль выступает символом проклятья, что находит отражение в русской фразеологии: *насыпать соли на (под) хвост* — ‘сделать неприятность, сильно досадить’ [Молотков (ред.) 1968: 269]. Действительно, носителями языка соль воспринимается не только как символ добра, благополучия, достатка, но и зла — данная «субстанция амбивалентна, т. е. двойственна» [Дубовская 2015: 47]. Так, наговоренная соль использовалась с целью нанесения вреда врагу. Согласно суеверным представлениям, «лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались “порче”» [Виноградов 1977: 163].

Общеизвестно, что Библия, являясь прецедентным текстом, представляет собой богатейший источник возникновения различных пословиц

и поговорок. Однако точное цитирование Библии не характерно для народного творчества: «обычно в той или иной мере сама книжная форма перестраивается: изречение становится лаконичнее, иногда приобретает ритмичность, а порой и рифму» [Адрианова-Перетц 1971: 9], происходит лексическая, структурная трансформация, переосмысление религиозных понятий, суждений, идей и т. д. [Галиева 2019: 501]. Так, выражение *Иуда брал соль щепотью; поэтому щепотью креститься грех* [Даль 1984, т. 1: 74] берет начало в Евангелии: «О́нъ же отвѣща́въ рече́: омочи́вый со мно́ю въ соли́ло ру́ку, то́й мя́ преда́стъ» (Мф. 26:23), — переосмысливается с сохранением лишь общей идеи соотнесенности Иуды и соли.

Негативная символика закреплена во фразеологизме *отправляться за солью,* т. е. ‘умирать’ [Сороколетов (гл. ред.) 2005: 308]. Часто, чтобы наполнить солонку, людям приходилось совершать целое путешествие, и не всегда безопасное, поскольку, как пишет историк Александр Панюков, «…нападения на соляные конторы были вполне обычным явлением — производство соли приносило немалые барыши, и на запах денег слетались разбойники всех мастей» [Панюков].

Рассмотренные фразеологизмы принадлежат литературному языку (*пуд соли съесть* с кем-л., *водить хлеб-соль* с кем-л.) и различным народным говорам (*садиться на соль* (Амур.), *соль взяла* что-л. (р. Урал)), что еще раз свидетельствует о закрепленной в русском языке огромной значимости данной реалии для человека. Сама лексема *соль* чрезвычайно актуальна, частотна, востребована, употребительна и в повседневной речи, и в художественных текстах и помимо основного значения развивает значения производные, которые также служат базой для фразеообразования. Например, значение ‘то, что придает особый интерес, остроту чему-н.’ [Ожегов 1985: 648] порождает фразеологизмы *аттическая соль* — «тонкое, изящное остроумие, изящная шутка; насмешка» [Молотков (ред.) 1968: 445], *с солью и с перцем* — «едкий и остроумный. О словах, выступлении, статье, пьесе и т. п.» [Федоров 2008: 642]; значение ‘о лучших представителях какого-н. общества, общественной группы’ [Ожегов 1985: 648] — фразеологизм *соль земли* — «самое главное, самое ценное, самое важное. О людях» [Молотков (ред.) 1968: 445] и др.

В народном сознании соль воспринимается как нечто важное, ценное, поэтому большинство фразеологизмов имеет положительную коннотацию. Богатый материал свидетельствует о культурологической значимости фразеологизмов, в которых отражены традиции, ритуалы, обычаи русского народа. Анализ комплекса фразеологизмов с компонентом *соль* дает возможность выявить систему ассоциаций, особенности восприятия данного предмета, который осознается не только как материальный объект, но и становится многомерным, многофункциональным символом.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Библейские афоризмы и русские пословицы // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVI. / Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1971. С. 8–12.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / отв. ред. В. Г. Костомаров. М.: Наука, 1977. С. 162–189.

Галиева М. Р. Этимологическая классификация религиозно-маркированных пословиц // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 3. С. 498–504.

Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Горе от ума. Сухово-Кобылин А. В. Пьесы. Островский А. Н. Пьесы. (Библиотека всемирной литературы. Т. 79). М.: Художественная литература, 1974. С. 35–138 [Электронный ресурс]. URL: https://ilibrary.ru/text/5/index.html (дата обращения: 18.06.2018).

Даль В. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. Т. 1–3. М.: Русская книга: Полиграфресурсы, 1984.

Дубовская А. В. Концепт «соль» и его когнитивная сущность // Университетские чтения — 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2015. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 46–52 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pglu.ru/upload/iblock/a4e/dubovskaya-a.v.-_-kontsept-_sol_-i-ego-kognitivnaya-sushchnost-_i_.pdf (дата обращения: 18.06.2018).

Захарова О. Российское церемониальное застолье. Старинные меню и рецепты императорской кухни Ливадийского дворца. М.: Центрполиграф, 2012. 189 с. [Электронный ресурс]. URL: https://bookz.ru/authors/oksana-zaharova/rossiisk_431.html (дата обращения: 18.06.2018).

Карамзин Н. М. История государства Российского [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/istorija-gosudarstva-rossijskogo/1 (дата обращения: 18.06.2018).

Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. 7000 выражений и словосочетаний. М.: Аделант, 2014. 512 с.

Молотков А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков и др. М.: Советская энциклопедия, 1968. 544 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 797 с.

Панюков А. За солью — как за смертью // Трибуна. 19.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tribuna.nad.ru/za-solyu-kak-za-smertyu/ (дата обращения: 18.06.2018).

Платонов О. А. (отв. ред.). Домострой. Поучения и наставления всякому христианину // Сост., вступит. ст. и коммент. В. В. Колесова. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 448 с. [Электронный ресурс]. URL: http://rusinst.ru/docs/books/Domostroi.pdf (дата обращения: 13.10.2019).

Поликарпов А. А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. Т. 1. Смоленск: Маджента, 2007. С. 35–59.

Попова А. Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: дис. … док. филол. наук / Орловский гос. ун-т. Орел, 2013. 537 с.

Пословицы и поговорки о соли [Электронный ресурс]. URL: http://www.ermak.su/pogovorki/o_soli.htm (дата обращения: 18.06.2018).

Соль. История и факты [Электронный ресурс]. URL: https://www.o-soli.ru/ (дата обращения: 28.05.2019).

Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 362 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.

Фурсина Н. О. Добрый хлеб — кормилец наш! // Автор Дона. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://avtor-dona.ru/kazachij-kuren/traditsii-chaepitiya-na-donu/dobryj-khleb-kormilets-nash (дата обращения: 13.10.2019).

References

Adrianova-Peretts V. P. [Bible aphorisms and Russian proverbs]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of Old Russian literature department]. Vol. XXVI. Ed. D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 8–12. (In Russ.)

Dal' V. *Poslovitsy Russkogo naroda. Sbornik V. Dalya v trekh tomakh* [Proverbs of Russian. Collections of V. Dal in three volumes]. Vol. 1–3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1984.

Dubovskaya A. V. [Concept "salt" and its cognitive essence]. *Universitetskie chteniya – 2015. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii PGLU. 2015* [University Readings — 2015. Proc. of scientific and methodical readings of Pyatigorsk St. Univ. 2015]. Pyatigorsk, Pyatigorsk St. Univ. Publ., 2015, pp. 46–52. (In Russ.) Available at: https://www.pglu.ru/upload/iblock/a4e/dubovskaya-a.v.-_-kontsept-_sol_-i-ego-kognitivnaya-sushchnost-_i_.pdf (accessed 18.06.2018).

Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. Okolo 13000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of the literary Russian language. About 13000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ. 878 p.

Fursina N. O. [Good bread is our provider]. *Avtor Dona* [The author from Don]. 2018. (In Russ.) Available at: http://avtor-dona.ru/kazachij-kuren/traditsii-chaepitiya-na-donu/dobryj-khleb-kormilets-nash (accessed 13.10.2019).

Galieva M. R. [Etymological classification of religiously marked proverbs]. *Byulleten' nauki i praktiki*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 498–504. (In Russ.)

Griboedov A. S. [Woe from Wit]. *Griboedov A. S. Gore ot uma. Sukhovo-Kobylin A. V. P'esy. Ostrovskii A. N. P'esy. (Biblioteka vsemirnoi literatury. T. 79)* [Griboedov A. S. Woe from Wit.

Sukhovo-Kobylin A. V. Plays. Ostrovsky A. N. Plays (World Literature Library. Vol. 79)]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1974, pp. 35–138. (In Russ.) Available at: https://ilibrary.ru/text/5/index.html (accessed 18.06.2018).

Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [The history of Russian state]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/istorija-gosudarstva-rossijskogo/1 (accessed 18.06.2018).

Larionova Yu. A. *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 7000 vyrazhenii i slovosochetanii* [Phraseological dictionary of the Russian language. 7000 Expressions and word combinations]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 512 p.

Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the literary Russian language]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1968. 544 p.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 17-th stereotype edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 797 p.

Panyukov A. [For salt — as for death]. *Tribuna*. 19.09.2014 [Tribune. 19.09.2014]. (In Russ.) Available at: http://www.tribuna.nad.ru/za-solyu-kak-za-smertyu/ (accessed 18.06.2018).

Platonov O. A. (ed.). *Domostroi. Poucheniya i nastavleniya vsyakomu khristianinu* [Household book. Lectures and sermons for any Christian]. Comp., intr. article and comm. by V. V. Kolesov. Moscow, Institut Russkoi Tsivilizatsii Publ., Rodnaya Strana Publ., 2014. 448 p. Available at: http://rusinst.ru/docs/books/Domostroi.pdf (accessed 13.10.2019).

Polikarpov A. A. [System quantitative approach in linguistics]. *Vestnik Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta.* Series: Philology. Vol. 1. Smolensk, Madzhenta Publ., 2007, pp. 35–59. (In Russ.)

Popova A. R. *Leksiko-frazeologicheskii kompleks kak rezul'tat realizatsii kreativnogo potentsiala leksicheskoi edinitsy. Dis. dokt. filol. nauk* [Lexical and phraseological complex as the result of realization of creative potential of the lexical item. Dr. philol. sci. diss.]. Orel, 2013. 537 p.

Poslovitsy i pogovorki o soli [Proverbs and saying about salt]. Available at: http://www.ermak.su/pogovorki/o_soli.htm (accessed 18.06.2018).

Sol'. Istoriya i fakty [Salt. History and facts]. Available at: https://www.o-soli.ru/ (accessed 28.05.2019).

Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian dialects]. Vol. 39. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1979. 362 p.

Vinogradov V. V. [The main types of lexical meanings of words]. *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Vinogradov V. V. Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Ed. V. G. Kostomarov. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 162–189. (In Russ)

Zakharova O. *Rossiiskoe tseremonial'noe zastol'e. Starinnye menyu i retsepty imperatorskoi kukhni Livadiiskogo dvortsa* [Russian ceremonial feast. Old menu and recipe of imperial cuisine of Livadia palace]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012. 189 p. Available at: https://bookz.ru/authors/oksana-zaharova/rossiisk_431.html (accessed 18.06.2018).

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 18–26

Проблемы современного русского языка

Функционирование наименований современной модной обуви: от художественной литературы до интернет-мемов

Анастасия Владимировна Вешнякова, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Россия, Санкт-Петербург), anastation.14@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012125-6

АННОТАЦИЯ: В статье представлены актуальные наименования обуви, которые активно функционируют в современном русском языке в различных источниках: в маркетинговой сфере, в магазинах обуви и в интернет-магазинах, включая посреднические торговые интернет-площадки (маркетплейсы типа WildBerries.ru, Беру.ру, Lamoda.ru и мн. др.), в рекламе, в передачах на телевидении, посвященных моде, в фильмах, в Интернете, в социальных сетях известных фотомоделей, в модных журналах и газетах, в интернет-блогах о моде, в художественной литературе — и по-разному обыгрываются или критикуются в интернет-мемах. Наименования обуви активно распространяются с помощью незамысловатых уловок продавцов как среди обычных потребителей, так и среди заинтересованной аудитории. Такой подход позволяет словам переходить в разряд общеупотребительной лексики. Большинство из них оказались лексическими заимствованиями, что обусловлено стремительным развитием международной индустрии моды. Некоторые названия обуви продолжают функционировать как дублетные или параллельные наименования, потому что носители языка не вполне различают похожие модели обуви. При этом во всех указанных

источниках самыми распространенными наименованиями обуви оказались *оксфорды, лоферы, броги, эспадрильи, мюли, дерби, сабо, бабуши*, что говорит об их усвоении в языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: названия обуви, новые слова, функционирование слов, современный русский язык, разговорная речь, заимствованная лексика, интернет-мем

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вешнякова А. В. Функционирование наименований современной модной обуви: от художественной литературы до интернет-мемов // Русская речь. 2020. № 5. С. 18–26. DOI: 10.31857/S013161170012125-6.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Лексико-семантическая неология в русском языке XXI века» № 19-012-00494.

Issues of Modern Russian Language

Names of Modern Fashionable Footwear: from Fiction to the Internet Memes

Anastasiya V. Veshnyakova, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint-Petersburg), anastation.14@mail.ru

ABSTRACT: The article presents the actual names of shoes which are actively used in modern Russian in various sources: in the field of marketing, in shoe stores and in online stores, including marketplaces such as WildBerries.ru, Беру.ру, Lamoda.ru, in advertising, on television, in fashion shows, in films, on the internet, in social networks of famous models, in fashion magazines and newspapers, in fashion blogs, in literature and internet memes. Names of shoes become more and more common among the common consumers and target audience. This allows words to move into the category of common vocabulary. Most of them turned out to be lexical borrowings, which is due to the development of the international fashion industry. Some shoe names

continue to function as double or parallel names, because native speakers do not quite distinguish between similar shoe models. Moreover, in all these sources, the most common shoe names were *oxfords, loafers, brogues, espadrilles, mules, derby, clogs*, which means that they are assimilated in the language.

KEYWORDS: shoe names, new words, functioning of words, modern Russian, speaking, borrowed vocabulary, internet memes

FOR CITATION: Veshnyakova A. V. Names of Modern Fashionable Footwear: from Fiction to the Internet Memes. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 18–26. DOI: 10.31857/S013161170012125-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant from Russian Science Foundation, project "Lexico-semantic neology in the Russian language of the XXI century" № 19-012-00494.

В начале XXI века значительно увеличивается количество наименований обуви, что в целом обусловлено развитием международной индустрии моды. А за последнее десятилетие наименования обуви употребляются активнее, чем в предыдущие периоды.

Сегодня новые наименования обуви обнаруживаются преимущественно в маркетинговой сфере. Обувная лексика используется магазинами для того, чтобы привлекать внимание целевой аудитории и обычных покупателей. Магазины модной обуви стараются расширять ассортимент наименований моделей, не ограничиваясь словами (гиперонимами) типа *туфли, ботинки, ботильо/ё/ны, кроссовки, сапоги* и пр. Хотя, например, известное слово *ботильоны* — это конкретное наименование определенной модели обуви, которое уже прижилось в языке и вытесняет слово *полуботинки/полусапоги*. *Ботильоны* — это полуботинки, представляющие собой нечто среднее между туфлями и сапогами (англ. ankle boots — ботинки до щиколоток).

Чтобы привлечь внимание покупателя, магазины при входе или на заметном месте размещают баннеры с изображением обуви и ее названием, при этом они прибегают к помощи специалистов в области моды, известных дизайнеров и стилистов, экспертов в области модной обуви, чтобы реальным названием обозначить продаваемую вещь и чтобы усилить влияние на покупателей с помощью модного красивого слова, которое они тоже «продают»: *лоферы, броги, оксфорды, эспадрильи, дезерты,*

мюли, сабо, челси, дерби, тимберленды, вансы, кроксы, бинкерштоки, винклпикер, джоггеры, казаки, крипесы, слипоны, слипперы, топ-сайдеры и мн. др. Следовательно, такая лексика начинает использоваться все чаще и тем самым постепенно входит в общее употребление. Совершенно справедливо говорит о подобных ситуациях И. Б. Левонтина: «На первый взгляд кажется, что происходит “засорение” языка, что заимствуются совершенно ненужные единицы, что возникают смешные и уродливые новации. Однако более внимательное изучение новых явлений показывает, что те из них, которые легко приживаются, заполняют смысловые лакуны, возникшие в русском языке в последнее время — время перемен» [Левонтина 2012: 565].

Современные наименования обуви часто встречаются и на сайтах многих модных интернет-магазинов, например в известных российских магазинах Mascotte и Rendez-vous. На сайте Rendez-vous товар рассортирован по родо-видовому принципу: сначала в разделе «тип обуви» представлены известные гиперонимы обувных наименований (*балетки, босоножки, ботильоны, мокасины*, *ботфорты, кеды*), а затем магазин сортирует товар по видовому и подвидовому принципу: ботинки — *чакка*, *челси, казаки*; кроссовки — *кроссовки-носки* (новинка весны 2019 года, в мире английской моды их называют *хайтопы* или *снокеры*, но эти слова в рекламе пока что не встречаются, только в бьюти-блогах, на сайтах известных стилистов и пр.); полуботинки — *дерби, лоферы, монки, оксфорды, слиперы*; шлёпанцы — *мюли*, *сабо, бабуши*; далее наименования приводятся отдельно — *угги, топсайдеры, сникерсы, эспадрильи* и др. В магазине Mascotte аналогичное представление товара, при этом показательно, что большинство наименований находится в разделе «мужчинам». Также Mascotte предлагает купить свои товары на известных маркетплейсах (торговые посреднические интернет-площадки, которые предлагают купить товары у магазинов-партнеров) типа WildBerries.ru или Lamoda.ru. Следовательно, наименования обуви все активнее распространяются среди своих потребителей и среди заинтересованной в интернет-покупках аудитории, которая с помощью этих сервисов сможет узнать как об обуви, так и о слове.

Зачастую обувные названия появляются и в рекламе магазинов известных марок обуви. Например, магазин Zenden еще в 2017 году запустил видеорекламу по телевизору на популярных развлекательных каналах с моделями обуви, выделив на весь экран актуальные слова и их цену: *В коллекции вы найдете все тренды нового сезона: элегантные* ***слиперы*** *599 ₽, эффектные* ***лоферы*** *за 999 ₽, модные* ***дерби*** *1199 ₽, стильные* ***броги*** *1599 ₽, мужские модные полуботинки 1199 ₽.*

Новые наименования обуви звучат также с экранов телевизоров, в речи известных телеведущих. Например, в программе «Модный приговор» на Первом канале Александр Васильев и Эвелина Хромченко дают модные советы и всегда делают акцент на названии обуви. Такое функционирование обувной лексики в телевизионном формате также позволяет носителям языка узнавать и брать на вооружение новые названия определенной модели обуви.

Наименования обуви встречаются не только в фильмах о моде, но и в шпионских триллерах. Например, в знаменитом фильме режиссера Мэттью Вона о шпионах-джентльменах, вышедшем в 2015 и в 2017 гг. по комиксам Marvel «Kingsman: Секретная служба» (2015) и «Kingsman: Золотое кольцо» (2017), агент Галахад несколько раз на протяжении фильма говорит своему преемнику Эггси, когда обучает его искусству шпионажа: *Запомни, Эггси:* ***оксфорды****, но не* ***броги****!* Эти две модели обуви и, как следствие, два слова стали очень популярными и употребительными благодаря этому фильму.

Наиболее часто новые наименования обуви используются в модных журналах. В настоящее время их существует огромное количество, но некоторые имеют давнюю историю: «VOGUE», «COSMOPOLITAN», «ELLE», «BAZAR», «MARIE CLAIRE» и мн. др. Способ представления модной обувной лексики в них различный и зависит от замысла автора статьи, например, это может быть интервью со знаменитостями об их гардеробе. В этом случае автор будет уделять особое внимание словам для правильного обозначения вещи или, как это обычно для модных журналов, представлять модную лексику списком, а также рекламировать какой-либо бренд с помощью фотографии (образа) модели и указания на стоимость вещи: *На Ирине:* ***свитшот*** *Vans 8000 рублей,* ***гловлеты*** *Hapinness 4000 рублей,* ***чиносы*** *от Burberry 38000 рублей, бельгийские* ***лоферы*** *от Armani 47000 рублей*. Здесь наименования обуви функционируют очень активно и адресованы просвещенному читателю. Известные фотомодели, по просьбе бренда или модного журнала, дают подобным образом рекламу в своих социальных сетях, особенно популярна сеть «Instagram». Поклонники/подписчики/фолловеры этих известных фотомоделей из глянцевых журналов узнают о наименованиях обуви, а затем начинают воспроизводить их в речи, тем самым увеличивая употребление новой обувной лексики.

Также местом активного употребления наименований обуви являются модные блоги, газеты и интернет-сайты о моде. Здесь часто можно найти рекомендации по подбору гардероба (что с чем носить и как это называется). Едва ли можно уследить за количеством статей в этих источниках: каждый день появляется огромное число новых публикаций

разного рода — от небольшого поста в «Инстаграме» до подробной статьи в газете. Таким образом, существование этой группы «модных советов» в разных источниках нельзя отрицать. Приведем несколько примеров из таких статей:

К ним надевает кроссовки, кеды или удобные ***лоферы*** (Полина Морозова. Что подарить на 8 Марта // Русский репортер. 2014);

Монки *и* ***дерби*** *глубокого синего, черного или коричневого цвета из гладкой телячьей кожи или бархатистой замши станут отличными компаньонами как строгим классическим, так и более расслабленным «лукам»* (Потребление // Эксперт. 2015);

Все они сильно отличаются друг от друга, не похожи на ***классические кроксы****, но все эти башмаки дают неповторимые ощущения, по которым можно угадать — кроксы это или нет:) Так говорит производитель* (Дмитрий Росс. Кроксы — Блогеры-ньюсмейкеры меняют репутацию резиновых башмаков // publicity.ru. 2012).

Если обратиться к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), можно обнаружить перечисленные наименования обуви в прозаических произведениях и в поэзии. Например, первым упоминанием слова *дерби* в значении обуви, а не английских лошадиных скачек, можно обнаружить у персонажа Федора Протасова в произведении Л. Н. Толстого «Живой труп» (1900), который говорит: *Ну постойте, я вас помирю.* ***Дерби*** *кто взял?*

Слово *дерби* встречается и в стихотворении «Эпиграмма в терцинах» О. Э. Мандельштама (1931):

Кто может знать, как одевался Барбий?
Ведь англичанина не спросит внук,
Как говорилось: «*дерби*» или «*дарби*»...
А Вермель влез в Барбеевый сюртук.

Слово *сабо*, по данным НКРЯ, встречалось в поэзии с 1940 года и до 1970-х гг. было очень популярным (как модель обуви, так и слово). Например, у Е. Г. Полонской в стихотворении «В Польше» (1940):

Ничего, друзья мои, ничего!
Франция вся ходила в *сабо*.
Луи Капет был роскошным мужчиной —
Все это кончилось гильотиной.

Как правило, лексика художественной литературы фиксируется толковыми словарями. Однако в отечественной лексикографии наименования обуви и модной одежды встречаются относительно редко, в отличие от зарубежной лингвистики, где такая лексика описывалась давно

и достаточно хорошо изучена. Интерес к этой лексике в России стал заметно проявляться в 90-е гг. XX века. В. В. Губина отмечает, что современный язык моды интересует российских лингвистов в основном «с точки зрения фиксации происхождения лексики данной сферы с акцентом на большой процент заимствований в ее составе из французского и английского языков, выявления особенностей освоения и употребления заимствованной лексики и уточнения ее значения» [Губина 2015: 30].

Некоторые названия обуви, которые были популярны в литературе советского периода, обнаруживаются в Малом академическом словаре: *«**МОКАСИ́НЫ***, -си́н, *мн.* (*ед.* **мокаси́н**, -а, *м.*). **1.** Мягкая, без твердой подошвы, кожаная обувь североамериканских индейцев, часто украшенная узорами. **2.** Обувь из мягкой кожи с особым раскроем верха и носка. *Он покосился на Тулина: белая рубашка с закатанными рукавами, черные узенькие брюки, остроносые мокасины.* Гранин, Иду на грозу. [Англ. moccasin из алгонкинск.]» или *«**САБО́**, нескл., мн., м. и ср. Башмаки на деревянных подошвах или выдолбленные из дерева.* [Франц. sabot]» [Евгеньева (ред.) 1999]. С правильным и наглядным толкованием, с указанием на происхождение значительная часть новых наименований обуви представлена в словаре Алекса Ньюмена и Заки Шерифа «Мода от А до Я (иллюстрированный словарь)», переведенном В. Степановой в 2010 году [Ньюмен, Шериф 2010].

Функционирование наименований обуви можно обнаружить в интернет-мемах, и это не случайно, т. к. в интернет-меме есть текст и изображение: вербальные и невербальные компоненты соединяются и образуют единое целое для понимания и восприятия [Вешнякова 2016: 35]. Наименования обуви в интернет-мемах, как и многие новые лексические заимствования, воспринимаются создателем и аудиторией негативно или иронично. В основном обувные названия в интернет-мемах обыгрываются в виде диалога, а изобразительная часть не всегда важна:

История о том, как я штаны себе покупал.
— Девушка, можно мне померить вот эти брюки?
*— Это **чинос**.*
— Что?
*— Ну вы про эти **слаксы**?*
— А?
*— Ладно, меряйте. Хотите подобрать к ним **эспадрильи**?*
— Знаете, девушка, я, наверное, пойду (2018 г.).

Отношение создателя интернет-мема к постоянному появлению в речи новых наименований одежды в целом в следующем примере представлено в виде монолога: *До сих пор не понимаю различие между **кардиганом, свитшотом, бомбером, толстовкой, пуловером, джемпером** и **худи**. Это всё «**кофта**», ребят!* (2019 г.).

Следующий диалог о функционировании наименований обуви имеет ироническую окраску (о широком употреблении в языке наименований вышедшей из обихода обуви с иронической окраской см. работу Э. Д. Хаустовой [Хаустова 2006: 51]):

— *Мам, купи мне какую-нибудь хайповую обувь!*

— ***Чиривички****)))*

— *Это* ***бабуши****, мам…* (орфография интернет-мема сохранена, 2019). Интернет-мем в таком случае обязательно сопровождается фотографией (здесь — атласные остроносые *бабуши* в древнерусском стиле с расписными узорами). Черевички — это женские узконосые тапочки или ботинки. «Происхождение связано с “черевием” — кожей с “чрева” — брюха животного» [Вахрос 1959: 192].

Рассмотренные наименования обуви позволяют говорить об их активном употреблении в различных сферах коммуникации и, как следствие, о появлении их в речи носителей языка. Некоторые названия обуви продолжают функционировать параллельно из-за особенностей восприятия денотата: похожие модели обуви не соотнесены еще до конца с понятийным содержанием (сигнификатом), что говорит о проблеме усвоения обувной лексики (*мокасины/лоферы/топ-сайдеры*; *оксфорды/броги/дерби, сабо/мюли* и др.).

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru

Литература

Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Ч. 1. Древнейшие наименования, до петровской эпохи. Хельсинки: [б.и.], 1959. 271 с.

Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4. С. 34–39.

Губина В. В. Топология современного русскоязычного дискурса моды в аспекте перевода с английского на русский язык: дис. … д. филол. наук / Мос. гос. ун-т. Москва, 2015. 275 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т., изд. 4-е, т. 2. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.

Каргина Н. Г. Наименования обуви в русском языке // Русская речь. 2000. № 6. С. 72–75.

Левонтина И. Б. Язык потребления (о некоторых новых явлениях в русском языке) // Константы и переменные русской языковой картины мира / под. ред. А. А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 565–571.

Ньюмен А., Шериф З. Мода от А до Я (иллюстрированный словарь) / перевод Степановой В. / под ред. Розановой Е. М. М.: АСТ, 2010. 256 с.

Хаустова Э. Д. Употребление устаревших наименований обуви в современном русском языке как пример проблемы «слова и вещи» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. С. 51–57.

References

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. V. 2. 4nd edition, vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk — Poligrafresursy Publ., 1999. 736 p.

Gubina V. V. *Topologiya sovremennogo russkoyazychnogo diskursa mody v aspekte perevoda s angliiskogo na russkii yazyk*. Diss. dokt. philol. nauk [The topology of modern Russian-language fashion discourse in the aspect of translation from English into Russian. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 275 p.

Kargina N. G. *Naimenovaniya obuvi v russkom yazyke* [Names of shoes in Russian]. Russkaya rech'. 2000. № 6. Pp. 72–75. (In Russ.)

Khaustova E. D. [The use of obsolete shoes in modern Russian as an example of the problem of "words and things"]. Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya". 2006, pp. 51–57. (In Russ.)

Levontina I. B. [Consumption language (about some new phenomena in Russian)]. [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012, pp. 565–571. (In Russ.)

N'yumen A., Sherif Z. *Moda ot A do Ya (illyustrirovannyi slovar')*. [The fashion from A to Ya]. Russ. ed.: Stepanova V., ed. by Rozanova E. M. Moscow: AST, 2010. 256 p.

Vakhros I. S. *Naimenovaniya obuvi v russkom yazyke. Ch. 1. Drevneishie naimenovaniya, do petrovskoi epokhi* [Names of shoes in Russian. Part 1. The oldest names, before the Petrine era]. Helsinki: [b.i.], 1959. 271 p.

Veshniakova A. V. [Linguistic and creative aspect of internet memes]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh I estestvennykh nauk*, 2016, no. 4. pp. 34–39. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 27–38

Проблемы современного русского языка

Интертекстуальный тезаурус литературного персонажа (на материале романа Валерия Залотухи «Свечка»)

Мария Марковна Вознесенская, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), voznes-masha@yandex.com

DOI: 10.31857/S013161170012126-7

АННОТАЦИЯ: В статье описывается одна из составляющих языковой личности главного героя романа Валерия Залотухи «Свечка» — его интертекстуальный тезаурус. Рассматриваются источники интертекстуальных единиц, графические маркеры и операторы ввода «чужого слова», а также текстовые позиции и функции интертекстуальных фрагментов. Интертекстуальный тезаурус главного героя Евгения Золоторотова имеет ярко выраженный литературоцентричный характер. Бóльшая часть интертекстуальных включений отсылает к русской литературе. Это цитаты (явные и скрытые, точные и трансформированные) из произведений русских и советских авторов, названия самих этих произведений, имена персонажей, пересказ эпизодов, апелляция к различным идеям и высказываниям писателей и поэтов. Помимо литературной составляющей интертекстуальный тезаурус главного героя романа «Свечка» содержит различные интертекстуальные включения, имеющие своими источниками кинофильмы, мультфильмы, песни, анекдоты, язык рекламы, высказывания исторических личностей, политический дискурс и пр. Существенную часть интертекстуального тезауруса Евгения Золоторотова составляют единицы, отсылающие к семейно-дружескому, личному, общению. Это цитаты из речи его родных и близких (матери, жены, дочери, лучшего друга), упоминание различных семейных

прозвищ, каламбуров, случаев языковой игры. Графическими маркерами интертекстуальных включений служат кавычки, курсив, прописные буквы. Среди операторов ввода особый интерес представляют так называемые «научные» отсылки к источникам, а также вопросительные конструкции, показывающие неуверенность говорящего в точности или самой цитаты, или ее атрибуции. Употребляемые главным героем интертекстуальные единицы практически всегда являются стимулом для его дальнейшей рефлексии — он соглашается или не соглашается с высказанной идеей или мыслью, комментирует и развивает ее. В ряде случаев интертекстуальный элемент, неоднократно повторяясь в тексте, обозначает определенную сквозную тему и становится лейтмотивом. Полученные данные позволяют реконструировать один из аспектов языковой личности Евгения Золоторотова и тем самым охарактеризовать образ главного героя романа «Свечка».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая поэтика, роман Валерия Залотухи «Свечка», интертекстуальный тезаурус литературного персонажа, языковая личность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вознесенская М. М. Интертекстуальный тезаурус литературного персонажа (на материале романа Валерия Залотухи «Свечка») // Русская речь. 2020. № 5. С. 27–38. DOI: 10.31857/S013161170012126-7.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-012-00396.

Issues of Modern Russian Language

Intertextual Vocabulary of a Literary Character (Based on the Novel “Candle” by Valery Zalotukha)

Maria M. Voznesenskaya, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), voznes-masha@yandex.com

ABSTRACT: The article studies intertextual vocabulary as one of the components of the main character's linguistic identity. The research is based on the novel "Candle" by Valery Zolotukha. The paper considers sources of intertextual units, graphic markers and input operators of someone else's words, as well as text positions and functions of intertextual fragments. The intertextual vocabulary of the protagonist Yevgeny Zolotorotov has a pronounced literary-centric character. Most of the intertextual inclusions refer to Russian literature. These quotes can be explicit or hidden, exact or transformed. The quotes refer to the works of Russian and Soviet authors, the names of these works themselves, the names of characters, the retelling of episodes as well as to various other ideas and statements of writers and poets.

In addition, the intertextual vocabulary of the main character of the novel "Candle" contains various intertextual inclusions from films, animation, songs, anecdotes, advertising language, statements of historical figures, political discourse, etc. A significant part of Yevgeny Zolotorotov's intertextual vocabulary includes units that refer to family-friendly personal communication. These are quotes from the speech of his relatives and friends (mother, wife, daughter, best friend), mentions of various family nicknames, puns, cases of wordplay. The graphic markers for intertextual inclusions are quotation marks, italics, and capital letters. Among input operators, the so-called 'scientific' references to sources are of particular interest, as well as interrogative constructions that show the speaker's uncertainty about the accuracy of either the quote itself or its attribution.

The intertextual units used by the main character are almost always an incentive for his further reflection — he agrees or does not agree with an expressed idea or thought, comments on it and develops it. In some cases, an intertextual element, repeated several times in the text, denotes a certain cross-cutting theme and becomes a leitmotif. The obtained data allow us to reconstruct one of the aspects of the linguistic identity of Yevgeny Zolotorotov and thereby characterize the image of the protagonist of the novel "Candle".

KEYWORDS: linguistic poetics, Valery Zalotukha's novel "Candle", intertextual vocabulary of a literary character, linguistic identity

FOR CITATION: Voznesenskaya M. Intertextual Vocabulary of a Literary Character (Based on the Novel "Candle" by Valery Zalotukha). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 27–38. DOI: 10.31857/S013161170012126-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant from the RFBR 19-012-00396.

Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада.
Неумолкаемость ей свойственна.

(Осип Мандельштам «Разговор о Данте»)

Одна из возможностей лингвопоэтического анализа образа литературного персонажа — это реконструкция его «языковой личности», заключающаяся в изучении особенностей его словоупотребления (подробнее см. в [Караулов 2010]). В прозаических художественных произведениях речевой план («дискурс») персонажа может быть представлен в различных видах: это прямая, косвенная и несобственно-прямая речь героя, его внутренние монологи (часто диалогизированные), а также несобственно-авторское повествование, ориентированное на точку зрения персонажа «в плане фразеологии» (Б. А. Успенский). Особое место среди возможных реализаций речи литературного персонажа занимает повествование от первого лица («Ich-Erzählung»), когда рассказчик одновременно является участником описываемых событий. Именно этот тип повествования характеризует первую часть («Три дня и три ночи, или За други своя») романа Валерия Залотухи «Свечка», представляющую собой исповедь, внутренний диалогизированный монолог главного героя Евгения Золоторотова, включающий в себя описание событий, случившихся с ним в течение последних трех дней и трех ночей, а также воспоминания о различных эпизодах прошлого и рассуждения на самые разнообразные темы[1]. Подобная повествовательная организация содержит обширный речевой материал, позволяющий воссоздать различные стороны языковой личности главного героя и тем самым получить представление о его образе. Предмет исследования настоящей статьи — одна из составляющих языковой личности Евгения Золоторотова — ее интертекстуальный тезаурус. Интертекстуальность речи главного героя романа является, если воспользоваться термином Т. М. Николаевой, важнейшим «диагносцирующим пятном»: она насыщена различного рода цитатами (как явными, так и скрытыми, точными и неточными, атрибутированными и нет) из литературных произведений, фильмов, песен, анекдотов, отсылками к прецедентным текстам и ситуациям, упоминаниями разнообразных прецедентных имен и пр. Рассмотрим структуру интертекстуального тезауруса главного героя романа «Свечка» Евгения Золоторотова более подробно.

[1] О типах повествования в романе Валерия Залотухи «Свечка» см. в [Вознесенская 2016].

Начнем описание с обзора источников интертекстуальных единиц, употребляемых главным героем. Первое, что обращает на себя внимание, это «литературоцентричность» интертекстуального тезауруса Евгения Золоторотова, бóльшую часть которого составляют интертекстуальные феномены, отсылающие к различным литературным произведениям. Это цитаты (явные и скрытые, точные и трансформированные), названия произведений, имена персонажей, пересказ эпизодов, упоминание имен писателей и поэтов, апелляция к их идеям и высказываниям. Приведем некоторые примеры литературных интертекстуальных включений[2]: *Вот-вот! В этом и заключается русский бизнес: выигрывает тот, кто кидает последним.* ***Русский бизнес — бессмысленный и беспощадный*** («Не приведи бог увидеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный», А. С. Пушкин «Капитанская дочка»); *Это* ***Лермонтов****, я сразу вспомнил то стихотворение, хотя наизусть его не знаю и не знал никогда, там первые строки:* ***«Когда волнуется желтеющая нива…»***; *Однако какой тщеславный! Это у* ***Гоголя*** *герой был или у* ***Чехова****? Газетной заметкой про себя все восхищался.* ***Кучер Селифан?*** *Или все-таки у* ***Чехова****?*; *Он: А адвокат?* ***Хороший адвокат нынче дорог…*** *Откуда это?* ***Островский? «Волки и овцы»****?*; *На одной из остановок иностранец наконец-то вышел, и до следующей остановки мы ехали без него,* ***униженные и оскорбленные****. Настроение было отвратительное* (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»); *Мое положение напомнило мне* ***положение Николеньки Ростова под Аустерлицем, когда его чуть не затоптал и не унес с собой полк кавалергардов*** (Л. Н. Толстой «Война и мир»); *Согласно классификации* ***Л. Н. Толстого****,* ***любовь бывает трех типов: Любовь красивая. Любовь самоотверженная. Любовь деятельная*** (Л. Н. Толстой «Юность»); *Но я даже рад, что Гера поднял меня на смех, подверг иронии мою* ***драму на рыбалке****, благодаря ему я сам стал смотреть на происшествие с иронией и сейчас вспоминаю об этом с улыбкой* (А. П. Чехов «Драма на охоте»); *Лоб здоровый такой… в сапогах… в кирзовых, разумеется, в* ***«смазных»****, как* ***Бунин в «Антоновских яблоках»*** *писал…*; *Как там у классиков?* ***«На широком невспаханном лбу Шуры прорезалась первая борозда»?*** Пожалуй, я прав — ***Шура Балаганов****. А еще мне нравится у* ***Ильфа с Петровым****, кажется, это уже в* ***«Золотом теленке», там ко всяким дурацким объявлениям добавлялись еще более дурацкие приложения. А в одном последнем: «Приложения: без приложений»*** (И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»); *Как говорил, кажется,* ***Воланд, подобное лечат подобным****, и сегодня же, еще не заходя домой, я куплю в булочной булку с изюмом и прямо на улице ее съем!* (М. А. Булгаков «Мастер

[2] Здесь и далее в скобках после примера указывается источник интертекстуальной единицы, если он отсутствует в иллюстративном контексте, а также исходный вариант в случае трансформированной цитаты.

и Маргарита»); *Мент просыпается окончательно, буравит затылок парня маленькими злыми глазками и стучит по трубе громче: бух! бух! бух! а она отзывается гулко и протяжно: у-ух... у-ух... у-ух... Вот вам и* ***«ноктюрн на флейте»... водопроводных труб...*** *в исполнении злого сонного мента. (Когда-то я любил* ***Маяковского****. Интересно, люблю ли я его сейчас? Надо бы перечитать.)* (В. Маяковский «А вы могли бы?»); ***«Кожа тоже ведь человек, с впечатленьями, голосами...»*** *Это* ***Вознесенский****? Да, кажется,* ***Вознесенский****, надо бы перечитать...* (А. Вознесенский «Тишины!»); *— А вас за что посадили? — спрашивает он, и я смотрю на него, улыбаясь, не зная, что ответить. Как там у* ***Анатолия Жигулина****?* ***«Ни за что!»*** *Хотя вряд ли он знает* ***Анатолия Жигулина*** (А. Жигулин «Кострожоги»); *Увидимся ли мы когда-нибудь? Возможно, хотя вряд ли. Да и нужно ли? Эта красивая, я бы даже сказал — поэтическая теория (****«Я знаю — есть мальчишка где-то» —*** *это ведь тоже о двойнике!)* (Е. Евтушенко «Зависть»); *В* ***«Городах и годах»****, на второй странице, я был тогда мальчишкой, мне было лет двенадцать-тринадцать, и мама дала мне том* ***Константина Федина*** *— я прочитал* ***про собачку, которую хозяин не пускает в дом, и она скребется своими лапками, скребется; зима, вьюга, мороз, снег, и на снегу — кровавые отпечатки ее лапок. Константин Федин*** *употребил там редкое и точное слово, которое я впервые тогда прочитал, и оно меня потрясло, да и сейчас потрясает:* ***РАСКРОВЯНИЛА****!*

Иногда в одном текстовом фрагменте содержится отсылка сразу к нескольким литературным источникам. Так, в следующем отрывке: *Но это с одной стороны, и вообще... А с другой и в частности, я давно хотел в этот московский храм попасть, потому что ровно за сто двадцать пять лет до моего рождения, день в день, в нем венчался* ***Александр Сергеевич Пушкин****, который лично для меня* ***даже больше, чем всё****. Мне всегда хотелось увидеть, а может быть, даже и постоять на том самом месте, где стоял ОН —* ***«солнце русской поэзии****», чернявый, смешливый, на пять сантиметров ниже меня, а рядом она —* ***«гений чистой красоты»****, юная глупышка ростом с мою Женьку...* — представлены трансформированная цитата Аполлона Григорьева *«Пушкин — наше все»,* точная цитата *«солнце русской поэзии»* из извещения о смерти Пушкина, традиционно приписываемого А. А. Краевскому, и цитата самого Пушкина *«гений чистой красоты»* из стихотворения «Я помню чудное мгновенье...».

Основная часть литературных источников интертекстуальных элементов относится к русской и советской литературе. В речи Евгения Золоторотова сравнительно мало отсылок к зарубежной литературе: *Несомненно, мама — гениальный педагог: вовремя заметив эти* ***«страдания юного Вертера»****, она сказала: «Когда мне трудно, когда мне плохо, когда хочется упасть, я вспоминаю об отце и иду дальше»* (И. В. Гете «Страдания

юного Вертера»); *Готов был от счастья* ***по крышам*** *бегать.* ***Как Карлсон.*** (Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше»); *Но ты здорово, гениально, красиво все придумал, почти* ***как граф Монте-Кристо****!* (А. Дюма «Граф Монте-Кристо»); ***«Страх и трепет» Кьеркегора****, хотя не уверен, что пойму, но давно хочу ее купить и прочитать, даже не знаю почему, из-за названия, наверное*.

Помимо литературной составляющей интертекстуальный тезаурус главного героя романа «Свечка» содержит различные интертекстуальные включения, отсылающие к кинофильмам, мультфильмам, песням, анекдотам, языку рекламы, высказываниям исторических личностей, политическому дискурсу и пр.: ***«— Это любовь с первого взгляда? — А разве бывает другая любовь?»*** *Ну и что, что из* ***«Человека-амфибии»****, зато какие прекрасные слова!; Я вспомнил в тот момент прекрасный фильм* ***режиссера Михаила Ромма «Девять дней одного года»****, где один из героев бьет по какой-то сломавшейся электронной штуковине кулаком и она начинает работать*; ***«Когда мы были молодые»…*** *В те достопамятные времена наше социалистическое общество дружно боролось с пьянством, а мы лежали на траве в скверике напротив китайского посольства и пили портвейн* (песня Сергея и Татьяны Никитиных «Когда мы были молодые»); *«Небо в крупную клеточку»? Кто сказал? Может быть, тоже* ***Юз Алешковский?*** *Это ведь он, оказывается, написал* ***«Товарищ Сталин, вы большой ученый»****. (А я думал — народная.)*; *Армянское радио спрашивают: «Кто такой Леонид Ильич Брежнев?» Армянское радио отвечает: «Мелкий тиран эпохи Аллы Пугачевой». Ха-ха!*; *Что же курят славные наследники графа Лаврентия Берии?* ***«Ява» явская — «Наш ответ Америке»*** (реклама сигарет «Ява»); *А мент уходит… Уходит, уходит, уходит.* ***«Врешь — не уйдешь!»*** *— кажется, так* ***Чапаев*** *кричал?*; *Как сказал товарищ* ***Сталин: «Других писателей у меня для вас нэт»***; *Как говаривал президент* ***Рейган, «есть дела поважнее мира»***.

Кроме перечисленных выше интертекстуальных элементов, восходящих к известным (в большей или меньшей степени) в данном лингвокультурном обществе феноменам, в речи Евгения Золоторотова представлены интертекстуальные включения, имеющие своим источником семейно-дружеское, личное, общение. Это цитаты из речи его родных и близких, упоминание различных семейных прозвищ, каламбуров, случаев языковой игры. (Подробнее о языке семьи см. в [Занадворова 2003]). Наиболее часто цитируемым оказывается Герман Штильмарк — Гера, лучший друг главного героя: *Ты,* ***Герка****, всегда был везунчик. И я, конечно, буду молчать, пока ты, скотина, не смоешься,* ***как ты говоришь, «из Рашки»****…*; *Честь в наше время не в чести,* ***извиняюсь за каламбурчик, как Гера говорит***; *Все эти Мавроди, «Хопры», все эти жулики, награбившие у простых людей миллиарды, гуляют на свободе (и как гуляют!), а за ними, через*

прессу и телевидение вся страна наблюдает! Как в щелочку... ***Зырит, как Гера говорит****...*; ***«Если бы я их платил, то ходил бы сейчас без штанов». «Этому государству — ни копейки!» — Герман Штильмарк. «Не было в этой стране порядка и никогда не будет» — это тоже ты.*** Также Евгений Золоторотов апеллирует к высказываниям своей матери, жены Женьки и дочки Алиски: *Я не знаток и не любитель этого,* ***как мама говорит, упадочного искусства****, тут я не во всем с ней согласен, но, как и она, романсы не люблю*; *Кстати,* ***мама*** *эту проблему гораздо короче и проще* ***сформулировала: «Читать чужие письма подло»***; *Первый импульс, первая мысль была — сказать правду. Но как совершенно справедливо* ***говорит Женька: «Кому нужна твоя правда?»***; ***А верность, как верно подметила однажды Женька, понятие растяжимое***; ***В технике, как говорит Женька, я — ноль****, а* ***как Алиска говорит — «минус единица»****, и это правда, тут ни отнять, ни прибавить...*; ***Как Алиска говорит****, принося из школы приличную отметку,* ***«его величество случай»***; *И как только я это подумал, до меня наконец дошло! (****«Как до жирафа» — Женька.*** *«****Как до утки, на четвертые сутки» — Алиска.*** *Вы правы, мои родные, вы совершенно правы!)*; *Раз не отвечаю, значит, сплю. (****Спу, как говорит Алиска****.)*

В ряде случаев Евгений Золоторотов подробно рассказывает об истории возникновения слов и выражений, используемых в семейном общении: *Я даже, помню, однажды посылал на радио одно Алискино изречение, года три ей было или четыре, когда она подошла ко мне, грустная такая, и говорит: «А в этом году грибов не будет». Я очень удивился, почему, Алисуш, спрашиваю.* ***А она отвечает: «Потому что год лесокосный. Лес будут косить»****. А год был как раз* ***високосный****, она слышала, но по-своему поняла, по-детски.* ***Високосный — лесокосный****, надо же такое придумать!* Интересно появление прозвищ, занимающих важное место среди семейных номинаций. Так, в следующем контексте объясняется возникновение прозвища главного героя «*козел отпущения*», которое обыгрывает известный библейский фразеологизм: *С этим «козлом» вот какая история приключилась: года три назад я решил отпустить бороду — чтобы солиднее выглядеть и меня, наконец, перестали называть пареньком, но борода росла медленно и жидко, и однажды вечером я посмотрел в зеркало и вслух прокомментировал эту нелицеприятную картину: — Хо-ши-мин! Женька в этот момент пришла откуда-то и проходила мимо. (Как сейчас помню — курила.) Остановившись напротив открытой двери ванной, она выпустила дым — пф-ф-ф — и выдала свой вариант: — А по-моему, просто* ***козел****! Меня это ужасно развеселило, и, отсмеявшись, я стал убеждать ее, что козел — вполне достойное и полезное животное. (Чуть не сказал «общественно-полезное».) Дальше Женька поинтересовалась, где Алиска, и я сказал, что отпустил ее на дискотеку. — Тогда ты* ***не просто козел, а козел отпущения****, — сказала*

Женька. Дальше мы немного поссорились (из-за Алиски), и бороду я в тот вечер сбрил. А прозвище осталось. Не то чтобы оно стало моим постоянным семейным прозвищем, но в какие-то моменты всплывает…

Вообще, языковая игра с интертекстуальными единицами, представленная в предыдущем примере, чрезвычайно характерна для речи Евгения Золоторотова.

Встречаются трансформации цитат путем замены одного из компонентов — из Пушкина: ***Что за прелесть <u>этот «Hummer»!</u>*** (*ср.: «Что за прелесть эти сказки!»*); ***Ай да <u>Сокрушилин</u>, ай да сукин сын!*** (*ср.: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»*). Перифразируются, обыгрываются крылатые выражения — из басен Крылова: *Ты еще не понял, о какой детали я говорю? Тотошка! Что же ты о нем ни слова не сказал? Не заметил? Рыжего хама разглядел,* ***а Тотошку «не приметил»****?* (*ср.: «Слона-то я и не приметил»*); *Ты понял?* ***Нет, ты понял, как просто раскрывается ларчик? (Который, кстати, я сам и закрыл.)*** (*ср.: «А ларчик просто открывался»*). Здесь можно увидеть и переосмысление, основанное на созвучии, и далее замену «по смежности» (*Я: Так вот… У него две машины: «Ягуар» новый, красный, шикарный и…* ***«Опель-Кадет»****, он уже старенький, и* ***мы в шутку называем его «Опель-эсэр», или просто «эсэр»****. Он:* ***«Эсэр»? Социал-революционер?*** *Остроумно*).

Рассмотрев основные источники интертекстуальных включений в речи главного героя романа «Свечка», кратко остановимся на сигналах, по которым опознается интертекстуальная единица — графических маркерах и операторах ввода. Так как мы имеем дело с письменной фиксацией монолога главного героя, то «чужое слово» может выделяться графически при помощи кавычек, курсива и прописных букв, иногда одновременно присутствует два вида графических маркеров[3]: А эпиграф я давно уже подобрал: <u>«ВСЁ, ЧТО У НАС ЕСТЬ — ЭТО ЛЮБОВЬ»</u> — тут не поспоришь, с Эразмом Роттердамским не поспоришь, это ведь он сказал, человек, похваливший глупость (Эразм Роттердамский «Похвала глупости»); Этот <u>*настоящий полковник*</u> тяжело подошел к столу, неловко, боком пристроился на стул и, наклонившись и тупо глядя перед собой, стал шарить в столе рукой (песня «Настоящий полковник», слова Ю. Исакова, музыка А. Пугачевой); А утром: <u>«Наша служба и опасна и трудна»!</u> (первые строки из песни «Незримый бой», слова А. Горохова, музыка М. Минкова).

Операторы ввода интертекстуальных элементов обычно содержат глаголы речи или письма (*как говорил кто-то, как писал такой-то*), отсылающие к источнику (автору и/или названию произведения). Как видно из

[3] Для точной передачи графических особенностей оригинала приведенные в этом абзаце примеры даются прямым шрифтом и не берутся в кавычки. Иллюстрируемые явления выделяются подчеркиванием.

вышеприведенных контекстов, во многих случаях Евгений Золоторотов использует подобный способ. Вместе с тем его речи присущи некоторые особенности метатекстового ввода «чужого слова».

Во-первых, для него характерны «научные» способы отсылок к источнику: ***Прямо по Булату Шалвовичу…***; ***Согласно классификации Л. Н. Толстого…***; ***…по аналогии с романом Коллинза…***; ***И еще по этому поводу, из Геры…***; *…и на следующий день я с удивлением обнаружил лежащую на моем письменном столе тоненькую брошюрку синего больничного цвета. У нее было два автора:* ***И. И. Райхельштокк и Т. В. Нефедкина. Издательство медицинской литературы, 1971 год.*** *Называлась она коротко и страшно:* ***«О вреде онанизма»***; *Форма обращения показательная: то на ты, то на вы, что характеризует у говорящего неуверенность в себе. —* ***Селивестров М. В. «Основы человеческой психологии. Для студентов ветеринарных вузов»****.*

Во-вторых, операторы ввода, употребляющиеся главным героем, часто представляют собой вопросительные конструкции, что свидетельствует о неуверенности в точности как самой цитаты, так и ее атрибуции: *Глаза — зеркало души.* ***Кто сказал? Не знаю, и знать не хочу!***; *Всё ясно. «Казачок-то засланный оказался».* ***Откуда эта фраза? Из «Неуловимых мстителей»?***; *Три товарища, три мушкетера, три богатыря — похожи…* ***Как их там звали?***; *Говорили, что в том монастыре Достоевский видел того отрицательного монаха, которого классик в «Братьях Карамазовых» описал,* ***как-то его звали? Ферапонт, кажется****, я эти смешные церковные имена с трудом запоминаю*; *Человека убили, Человека убили…* ***Как же все-таки дальше?***

Также отметим, что в речи Евгения Золоторотова присутствует большое количество скрытых интертекстуальных включений. Обычно это широко известные выражения, не требующие каких-либо дополнительных «опознавательных» маркеров: *Моя Женька! Нет, все-таки удивительная она у меня: сколько лет с ней живу и не перестаю удивляться. И восхищаться…* ***Моя тамбовская казначейша*** (М. Ю. Лермонтов «Тамбовская казначейша»)*, мой идеал женщины,* ***мой гений чистой красоты****!* (А. С. Пушкин «К***»). Часто скрытые цитаты подвергаются игровой трансформации: *Думаю о том, что, наверное, я бабник. Даже, наверное, еще больше, чем Гера. Гера что — Гера простой потребитель.* ***Пришел, увидел, потребил*** («Пришел, увидел, победил», — Гай Юлий Цезарь).

Говоря о функционировании интертекстуальных включений в речи Евгения Золоторотова, нельзя не упомянуть одну характерную особенность: практически все интертекстуальные единицы служат стимулом для дальнейших размышлений героя, он соглашается или не соглашается с высказанной идеей или мыслью, комментирует и развивает ее, высказывает свое мнение об авторе: *Помнишь, как я предлагал тебе встретиться — пивка попить, а ты: «Не могу, старик, извини, идут живые деньги». «Идут*

*живые деньги». Они идут, а ты уже мечтаешь, как будешь их тратить. Разве это не мечта? Мечта! (**Никогда не смогу понять, как деньги могут быть живыми? Книги, я понимаю, — живые, а эти жалкие замусоленные бумажки с цифрами? Нет, никогда не смогу я этого понять!**)*; *А помнишь, как ты мне проиграл бутылку французского коньяка? Ты утверждал, что у Пушкина: «Мечты, мечты, в чем ваша сладость?» А я — что «где». «Мечты, мечты, ГДЕ ваша сладость?»* ***Разумеется, я оказался прав. Но вот какая мысль родилась сейчас: если следовать Пушкину, получается что наши мечты существуют отдельно от удовольствия, ими доставляемого? И довольно далеко! «Где»? И где, кстати, проспоренный коньяк?***

В заключение остановимся на текстовой функции интертекстуальных включений. Часто неоднократно повторяющийся интертекстуальный элемент обозначает некоторую сквозную тему, тем самым выполняя роль лейтмотива. Так, подобную функцию в первой части романа приобретает библеизм *«за други своя»*, являющийся одним из названий этой части («Три дня и три ночи, или За други своя») и встречающийся в тексте девять раз: первый раз с неправильной атрибуцией (*Откуда это? Не важно — откуда, важно — за кого! «Слово о полку Игореве»? Может, и оно*), второй раз сопровождаемый оператором неуверенности (*Но откуда же это? Не помню*), еще один раз с правильным указанием источника (*Библия — точно! А я все мучаюсь — откуда это? А это, точно, из Библии…*) и остальные шесть раз вообще без отсылки к источнику.

Таким образом, в первой части романа «Свечка» посредством повествования от лица главного героя не только рассказывается о происходящих событиях и действующих лицах (т. е. осуществляется повествовательная функция), но и формируется представление о самом герое через особенности его речи. Анализ интертекстуального тезауруса Евгения Золоторотова дал возможность воссоздать один из аспектов его языковой личности, что позволяет охарактеризовать некоторые черты образа главного героя романа «Свечка». Это образованный начитанный человек, которому присуща литературная, иногда наукообразная, речь. Его отличает уважение к слову, умение творчески владеть им. Он любит свою семью и друзей, внимателен к ним, часто апеллирует к их словам. Главный герой — человек думающий, имеющий свое мнение по самым разным вопросам, но вместе с тем он человек сомневающийся, не всегда уверенный в себе. Безусловно, он интеллигентный человек, и не случайно черты его языковой личности во многом совпадают с результатами исследований социально-речевого портрета интеллигента [Крысин 2003]. Представляется, что дальнейшее изучение речевых особенностей Евгения Золоторотова позволит выявить и другие стороны его языковой личности и тем самым полнее раскрыть образ главного героя романа Валерия Залотухи «Свечка».

Источники

Залотуха В. А. Свечка: роман в четырех частях с приложением и эпилогом: в 2 т. 2-е изд., испр. М.: Время, 2016. Т. 1. 832 с.

Литература

Вознесенская М. М. Об особенностях повествовательной структуры романа В. Залотухи «Свечка» // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. С. 117–120.

Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых групп. Часть II, глава 5 // Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277–340.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Крысин Л. П. Речевой портрет интеллигента. Часть IV, глава 1. // Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 483–495.

References

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. 7th ed. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 264 p.

Krysin L. P. [Speech portrait of a member of the intelligentsia. Part IV, Chapter 1]. *Sovremennyi russkii yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya, otv. red. L. P. Krysin* [Modern Russian language. Social and functional differentiation. Ed. by L. P. Krysin]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2003, pp. 483–495. (In Russ.)

Voznesenskaya M. M. [On structure of narration in Valery Zalotukha's novel "Candle"]. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proc. 4th Int. Conf. "Stylistics Today and Tomorrow"]. Moscow, Faculty of Journalism MGU, 2016, pp. 117–120. (In Russ.)

Zanadvorova A. V. [Reflection of the social differentiation of language in the communication of small social groups. Part II, Chapter 5]. *Sovremennyi russkii yazyk. Sotsial'naya I funktsional'naya differentsiatsiya, otv. red. L. P. Krysin* [Modern Russian language. Social and functional differentiation. Ed. by L. P. Krysin]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2003, pp. 277–340. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 39–47

Проблемы современного русского языка

О двух активных семантических процессах в сфере конкретно-предметной лексики

Ольга Павловна Ермакова, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского (Россия, Калуга), olga_ermakova.kaluga@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012127-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются два семантических процесса в сфере конкретно-предметной лексики. Один — активизация так называемых безóбразных метафор, возникающих на основе реальных признаков предмета и порождающих, в отличие от коннотативных метафор, открытые семантические структуры (*кирпич* — ‘предмет в форме кирпича’ и т. п.). Отмечается идентифицирующий характер таких метафор, из-за чего составители словарей не считают их значения переносными.

Автор статьи обращает внимание на то, что значения этого типа могут быть в определенной степени предсказуемы. Так, если в основе переносов названий лежит один определенный признак, то, как правило, другие новые значения будут включать этот признак в качестве обязательного компонента.

Второй процесс — это замена одного гипонима другим (*койка* — ‘кровать’, *больница* — ‘поликлиника’), нередко приводящая к вытеснению из устной непринужденной речи одного из гипонимов и, тем самым, — к обеднению языка. При этом имеется в виду не употребление «отдельных временных номинаций» [Капанадзе 1973: 458], а активный процесс, в определенной степени влияющий на состав русской лексики.

Оба рассматриваемых процесса свойственны разным типам непринужденной русской речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конкретно-предметная лексика, безóбразные метафоры, открытые семантические структуры, предсказуемость значений, гипонимы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ермакова О. П. О двух активных семантических процессах в сфере конкретно-предметной лексики // Русская речь. 2020. № 5. С. 39–47. DOI: 10.31857/S013161170012127-8.

Issues of Modern Russian Language

Two Active Semantic Processes in Concrete Vocabulary

Olga P. Ermakova, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski (Russia, Kaluga),
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

ABSTRACT: The article considers two semantic processes in concrete lexis. One of them is called an activation of so called ‘unadorned metaphors’, which appear on the basis of real features of the object. As opposed to connotative metaphors, unadorned metaphors create open semantic structures (a brick — an object in a shape of a brick, etc.) Interestingly, these metaphors possess identificational nature, that is why the lexicographers do not consider these meanings to be figurative.

The author draws your attention to the fact that the meanings of this type can be predictable to a certain extent. If the transfer of the names is based on a certain feature, new meanings, as a rule, will include this feature as a key component.

The second process is changing one hyponym for another (*bed* — bunk, *hospital* — polyclinic), which often leads to the disappearance of one of the hyponyms from the colloquial speech and, therefore, leads to impoverishment of language. We do not mean the use of certain temporary nominations, but an active process affecting the lexis of Russian language. Both processes are peculiar to different types of colloquial Russian speech.

KEYWORDS: concrete lexis, unadorned metaphors, open semantic structures, predictable meanings, hyponyms
FOR CITATION: Ermakova O. P. Two Active Semantic Processes in Concrete Vocabulary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 39–47. DOI: 10.31857/S013161170012127-8.

Один из рассматриваемых в статье процессов связан с явлением открытости семантической структуры слова, поэтому кратко коснусь этого явления.

В лингвистических работах отмечалось, что существуют слова, у которых «вместимость» разных значений ограничена (в данном случае мы не имеем в виду научные и другие термины). Ограничения, как правило, заключаются в самой природе слов. Так, оценочные наименования лиц и предметов, как производные, так и непроизводные, — типа *добряк, подлец, дрянь, прелесть, чепуха* — обречены на однозначность.

У них не ограничено поле референтности и применение к разным объектам не образует новое значение. Исключение составляет явление **энантиосемии** — образование противоположных, но тоже оценочных значений.

Многие производные и непроизводные слова способны вмещать в себя значения, количество которых определяется потребностью переноса наименования.

Эта открытость, в частности, происходит за счет так называемых **безóбразных** переносов [Гак 1998: 31; Скляревская 2004: 43, 44] в сфере предметной лексики.

Таковы, например, слова *кирпич, игла, диск, хвост, колбаска, шпилька, мост, узел, башня, кольцо, шлейф* и др.

Ср.: *кирпич* — 1. Прямоугольный брусок; 2. Дорожный знак в форме кирпича; 3. Буханка хлеба в форме кирпича; 4. О разных предметах в форме кирпича. Четвертое толкование — это указание на открытость структуры: список предметов в форме кирпича не ограничен.

Значения таких слов представляют собой переносы названий **с предмета на предмет** не на основе коннотаций, а на основе **реальных признаков объектов — по форме, по цвету,** иногда — **по функциям**. В них, как правило, нет оценочности, поскольку **перенос не на человека**.

Что касается их **безóбразности**, то, думаю, термин носит несколько условный характер: как в любом переносном значении, в них **сквозь**

переносное просвечивает прямое. В живых метафорах это обязательно. А рассматриваемые значения — **метафоры** (перенос по сходству), хотя и носят **идентифицирующий характер**, за что словари не снабжают их пометой «*перен.*».

Признаки таких безóбразных переносов отмечены Г. Н. Скляревской [Скляревская 2004: 43, 44].

Значения этого типа, входящие в структуру, могут быть в определенной степени предсказуемы. Так, если в основе переносов названий лежит один определенный признак, то, как правило, новые значения будут также включать этот признак в качестве компонента.

Приведу один пример. Слово *зебра* называет, как известно, *полосатую* лошадь. В отличие от слов *конь* и *лошадь* в русском языке никаких коннотаций с этим словом не связано. Других признаков зебры в нашем бытовом сознании нет. Поэтому известное переносное значение ‘раскрашенное полосами место пешеходного перехода’ и базируется на этом признаке. Других значений этого слова в толковых словарях литературного языка не отмечено. Но такие значения **могут быть**, и **они будут обозначать нечто полосатое**. И оказывается, что в жаргоне и арго есть такие значения — все они называют нечто полосатое: 1. Жалюзи; 2. Роба арестанта; 3. Штрих-код и др.

Из передачи о морских глубинах узнаем о существовании **рыбы-зебры**. Рыба, конечно, полосатая.

А вот примеры распространенного и индивидуального употребления *зебры* в современных текстах. *У нас тоже есть* ***зебра*** *освоенных и неосвоенных земель* (Знание — сила. 2009); *А если держать гребенку стоймя, то стакан, казалось, наполнялся прелестной* ***полосатой*** *жидкостью, каким-то коктейлем* ***«зебра»*** (Звезда. 2009); *Близкий родственник рыбы-камня — рыба «****Зебра****»* (В. Мезенцев. Чудеса).

Вряд ли можно представить себе употребление слова *зебра* по отношению к чему-то, не имеющему *полос*. Возможностью предсказуемости значений безóбразные переносы отличаются от коннотативных метафор. Сами коннотации, за исключением интернациональных, энциклопедических, непредсказуемы, а мотивированные ими значения тем более.

Разумеется, какой именно «полосатый» предмет будет называть новое употребление слова *зебра*, неизвестно, но это обязательно будет нечто полосатое.

Чем меньше у предмета признаков, актуальных для носителей языка или просто известных обычному человеку (не ученому, специалисту и т. п.), тем более предсказуемы новые значения.

Канарейка известна тем, что это певчая птица, которая имеет желтое оперение. И только эти признаки птицы могут породить переносные

значения по сходству. Ср. название романа Д. Рубиной «Русская канарейка» о певце с удивительно красивым и редким голосом (у него контратенор). Перенос на человека — это коннотативная, образная, оценочная метафора, а в арго — ‘милицейская машина желтого цвета’ — так называемая — безóбразная, ср.: *Сзади завыла сирена и патрульные «**канарейки**» намертво перекрыли путь к отступлению* (Криминальная хроника. 24.07.2003).

Обозначение этим словом певца может войти в ряд «птичьих» метафор: *соловей, кукушка* (о человеке), но открытую структуру это употребление не образует. А перенос на основе желтого цвета образует: мало ли существует предметов желтого цвета. И вот — некоторые примеры. Ср.: *На дежурстве наши сестры ходят в желтых халатах, и их называют **канарейками*** (Л. Браун. Кот, который разговаривал с приведениями. Пер. с англ. Е. Кисельниковой). Известно, что во Франции один из футбольных *клубов* носит название «*Канарейка*» из-за желтых маек футболистов. Пока мне не встретились другие названия предметов по желтому цвету, но они, вероятно, есть и могут появиться в будущем.

Количество зафиксированных значений такого типа у разных слов может быть небольшим, а может превышать десяток. Главное, что это открытый ряд, который может пополняться и пополняться. Таким образом, переносы этого типа служат источником обогащения языка в сфере конкретно-предметной лексики.

Другой активный семантический процесс — это употребление одного **гипонима** вместо другого.

Это явление также распространено в разных сферах функционирования русского языка.

О некоторых случаях такого употребления в разное время писали как о типичной особенности разговорной речи [Капанадзе 1973], как об одной из особенностей молодежного жаргона и просторечия [Ермакова 1984: 137 и др.].

Л. А. Капанадзе приводит примеры замены: *подставка — постамент, чадра — вуалетка, противень — поднос* и др. Она пишет: «Это временные номинации, возникающие в процессе речи и не вошедшие в словарь литературной разговорной речи» [Капанадзе 1973: 458].

Я имею в виду не отдельные временные номинации, а активный процесс, в определенной степени влияющий на состав русской лексики.

Вот некоторые примеры из разных сфер языка и разных тематических групп, о которых подробнее — немного ниже.

Кепка — фуражка.

Койка — кровать.

Больница — поликлиника.

Кабак — ресторан и т. д.

В данном случае мне представляется существенным показать, что это не отдельные примеры, а явление, характерное для городской устной речи. Явление, очевидно, требующее наблюдения и анализа.

Что это за феномен? Можно ли его рассматривать в ряду переносов названий, прежде всего метафоры и метонимии?

Ведь любой перенос — это употребление одного слова вместо другого — *заяц* вместо *трус*; *бочка* вместо *толстуха*; *защита* вместо *защитник* и т. д.

На наш взгляд, замена одного гипонима другим — это особое семантическое явление, которое, однако, можно рассматривать в ряду классических переносов.

Тематические группы в гипонимической замене не очень разнообразны, однако они в известной степени отражают картину мира в сознании некоторых категорий людей. При этом направление переносов в значительной мере аналогично традиционно метафорическим.

1. С помещения на помещение. Преимущественно — с одного нежилого помещения на другое.

Погреб — подвал.

Кабак — ресторан, кафе.

2. С части жилого помещения на другую.

Веранда — терраса.

3. С одного лечебного учреждения на другое.

Больница — поликлиника.

4. С одного вида оружия на другой.

Пушка — пистолет, автомат.

5. С предмета на предмет: в сфере одежды, обуви, посуды и других предметов быта.

Капот — халат.

Валенки — сапоги.

Баклажка — фляга.

Блюдо — миска.

Рюмки — стопки.

Блюдце — розетка.

Мочалка — губка.

Кепка — фуражка.

Кушетка — тахта.

Койка — кровать.

6. С одного действия на другое.

Жарить — печь.

Крошить — резать.

Купаться — мыться.

Мыть — стирать.

7. С одного вида изделий из теста на другое.

Булка — батон.

Булка — плюшка.

Шарлотка — пирог с яблоком.

В некоторых случаях наблюдается взаимозамена гипонимов. Безразлично могут употребляться: *веранда — терраса*, *кушетка — тахта*, *койка — кровать* и др.

Но обычно не называют *больницу поликлиникой, рюмки — стопками.*

Теперь сделаю некоторые замечания о распространенности гипонимических замен.

Если попытаться установить, в какой социальной среде отмечены эти примеры, то, думаю, лишь в некоторых случаях можно с уверенностью назвать сферу употребления приведенных слов.

Неслучайно, как уже говорилось, одни лингвисты в свое время рассматривали некоторые примеры, близкие к гипонимической замене, как типичную особенность жаргона, другие — как просторечия или разговорной речи.

Конечно, не все гипонимические пары в равной мере характерны для всех некодифицированных сфер языка, но существенно, как мне представляется, то, что замена одного гипонима другим — явление, не закрепленное за одной из этих сфер, а встречается во всех.

На наш взгляд, причин этого явления может быть, по крайней мере, три, а то и больше.

1. Неточное знание признаков, различающих те или иные реалии.
2. Безразличие к выбору обозначения (часто показное).
3. Выражение пренебрежения к миру вещей и тем самым к миру «не своих» людей.
4. Нередко употребление одного гипонима вместо другого в быту определяется традициями семьи: «У нас никогда не говорили **розетка**, только **блюдечко**; не **половник**, а **поварешка** или **разливательная ложка**, только **шкаф**, а не **гардероб**. Сроду не употребляли слова **стопки**, только **рюмки**. По-моему, точно называть — это занудство». Это говорит доктор филологических наук.

Приведу текстовые примеры из записей устной речи и некоторых художественных произведений.

— *Надень* ***фуражку****! — Это не* ***фуражка****, а* ***кепка****. — Какая разница?*;

— *Почему Петрова нет? — Он в* ***больнице****. — Как? Что это с ним случилось? — Простудился, пошел к врачу. — А, в* ***поликлинику***;

— *Вчера ходили в классный* ***кабак*** *(ресторан)* (Записи устной речи);

И стоит пригожий дом сороконожий. Сушатся пеленки, ***жарится*** *пирог* (В. Инбер. У сороконожки народились крошки);

Отвечала молодая девушка, видимо, сестра Олега. Чижов поздоровался.

— Если можно, позовите, пожалуйста, Олега к телефону.

— Он ***купается****, — сообщила девушка.*

— Он сейчас дома, — понял Чижов. — Передайте ему, пожалуйста, что говорят с его работы. Мы едем к нему, пусть он нас ждет;

— Нужно было ему позвонить.

— Мы звонили. Он ***купался****. Мы просили сказать ему, чтобы он не выходил из дома* (Ч. Абдуллаев. Совесть негодяев);

— Кто-то днем плескался в ванной. Я сказала, кто же это задумал ***мыться*** *среди дня. — А кто* ***купался****? И в какой именно ванной?* (А. Кристи. Зло под солнцем. Пер. Н. Уманец, С. Никоненко);

— А ***пушку*** *дома оставишь?* [пистолет. — *О. Е.*] (Е. и А. Грановские. Последняя загадка парфюмера);

— Допустим, ночью ***пистолет*** *пропасть не мог. Но Стас понял, что пистолет пропал именно ночью…*

— Сдается мне, что Воробьев знает, кто увел у него ***пушку —*** *сообщил Стас* (Г. Куликова. Правила вождения за нос).

Раиса Иосифовна Розина сообщила мне, что одна ее знакомая называет любую обувь (в том числе сандалии) **ботинками**, **курицей** — мясо и курицы, и индейки.

Может быть, и традиции семьи, и другие причины приводят к тому, что какие-то слова из состава гипонимов постепенно теряются, а их жалко.

Слово *больница* в настоящее время все чаще употребляется вместо слова *поликлиника,* и не только в речи неграмотных старушек, но и в речи молодежи.

Многие молодые люди не знают слова *миска*, уверены, что *койка* и *кровать* не имеют различий в употреблении (я имею в виду их номинативные традиционные значения, а не значение «постель»).

Эти два кратко рассмотренных нами процесса различны по активности и по тому, что, так сказать, приносят языку и что от них можно ждать.

Если первый процесс порождает неограниченное количество новых значений, то второй, очевидно, способствует некоторому обеднению языка в сфере конкретно-предметной лексики.

Литература

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Ермакова О. П. Номинации в просторечии // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 130–140.

Капанадзе Л. А. Номинации // Русская разговорная речь. М.: Наука. 1973. С. 403–461.
Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.

References

Ermakova O. P. [Nominations in vernacular]. *Gorodskoe prostorechie. Problemy izucheniya* [Urban vernacular. Learning problems]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 130–140. (In Russ.)
Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow, Shkola Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1998. 768 p.
Kapanadze L. A. [Nominations]. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 403–461. (In Russ.)
Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Filologicheskii fakul'tet SPBGU, Sankt-Petersburg, 2004. 166 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 48–54

Проблемы современного русского языка

Орфоэпия и письмо

Мария Леонидовна Каленчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), mkalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170012129-0

АННОТАЦИЯ: Принято считать, что орфоэпия занимается вариантами произношения, когда при одинаковой фонетической позиции варьируется фонемный или звуковой состав морфемы (*бу́ло*[ш]*ная* и *бу́ло*[ч’]*ная*; *п*[о]*э́т* и *п*[а]*эт*). Категория вариантности — основная категория орфоэпии, но при этом она весьма неоднородна и включает разные явления: 1) случаи, когда одни и те же морфемы или словоформы могут произноситься по-разному; 2) случаи, когда в конкретных словах отсутствует возможность различного произношения, но имеются сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах при одних и тех же фонетических условиях; 3) случаи, когда в слове имеются буквы, обычное значение которых в данной позиции не соответствует произношению в слове. И что общего между тремя разными ситуациями, которые лингвисты традиционно, основываясь на своей интуиции, объединяют под одной «орфоэпической крышей»? Есть фактор, позволяющий связать все три вышеуказанных типа, — все морфемы, которым приписывается орфоэпическая вариантность и которые в связи с этим нуждаются в орфоэпическом комментировании, передаются на письме одинаково, несмотря на то, что допускают различия в фонемном и фонетическом составе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфоэпия, фонетика, фонетическая позиция, орфоэпический вариант, письмо

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каленчук М. Л. Орфоэпия и письмо // Русская речь. 2020. № 5. С. 48–54. DOI: 10.31857/S013161170012129-0.

Issues of Modern Russian Language

Orthoepy and Writing

Maria L. Kalenchuk, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), mkalenchuk@yandex.ru

ABSTRACT: It is considered that orthoepy deals with pronunciation variants, where having the same phonetic position, the phonemic or sound composition of the morpheme varies, e.g. bulo[sh]naya — bulo[ch]naya; p[o]et — p[u]et. The category of variation is the main category of orthoepy. However, it is very heterogeneous and includes different phenomena: 1) cases when the same morphemes or word forms can be pronounced differently; 2) cases when there is no possibility of different pronunciation in specific words, but there are combinations of letters that can be pronounced differently in different words under the same phonetic conditions; 3) cases when the word has letters whose usual meaning in this position does not correspond to the pronunciation of the word. So, what do three different situations that linguists traditionally, based on their intuition, combine under one "orthoepical roof" have in common? There is a factor that allows you to link all three of the above mentioned situations — all morphemes that are attributed to orthoepic variation and therefore need orthoepic commentary are written in the same way, despite the fact that they allow differences in phonemic and phonetic composition.

KEYWORDS: orthoepy, phonetics, phonetic position, orthoepic variant, writing
FOR CITATION: Kalenchuk M. L. Orthoepy and Writing. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 48–54. DOI: 10.31857/S013161170012129-0.

Известно, что на звуковом ярусе языка функционируют два разных типа правил — фонетические и орфоэпические. В работах современных ученых можно обнаружить два основных подхода к определению фонетики и орфоэпии. Одни лингвисты традиционно считают, что оба раздела науки о звучащей речи *изучают один и тот же языковой материал, но под разным углом зрения*. Другими же предпринимаются попытки разграничить зоны ответственности фонетики и орфоэпии, показав, что они *оперируют в принципе разными звуковыми фактами*. В наше время широко распространен именно второй подход, согласно которому фонетика ведает безысключительными правилами позиционных чередований звуков, которые происходят в одной и той же морфеме под воздействием разных фонетических позиций ([с]*уме́ть* — [з]*гоня́ть*; *м*[о́]*ре* — *м*[аъ]*рско́й*). А орфоэпия занимается вариантами произношения, когда при одинаковой фонетической позиции варьируется фонемный или звуковой состав морфемы (*бу́ло*[ш]*ная* и *бу́ло*[ч’]*ная*; *п*[о]*э́т* и *п*[а]*э́т*).

Несмотря на то, что понятием вариантности произношения широко пользуются в современной лингвистике, необходимо отметить, что эта категория весьма неоднородна и включает в себя различные явления.

(1) Категория вариантности очевидна в тех случаях, когда одни и те же морфемы или словоформы могут произноситься по-разному: *бу́лочная* — *бу́ло*[ч’]*ная* и *бу́ло*[ш]*ная*; *дека́н* — [д’и^е^]*ка́н* и [ды^э^]*ка́н*; *дро́жжи* — *дро́*[ж’ж’]*и* и *дро́*[жж]*и*; *жаке́т* — *ж*[а]*ке́т* и *ж*[ы^э^]*ке́т*; *милиционе́р* — *милиц*[ыа]*не́р* и *милиц*[а]*не́р* и т. д.

(2) Но к орфоэпической вариантности относят и те факты, когда в конкретных словах отсутствует возможность различного произношения, но имеются сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах при одних и тех же фонетических условиях, например: *не́что* — *не́*[ч’т]*о*, *ничто́* — *ни*[шт]*о́*; *отли́чник* — *отли́*[ч’н’]*ик*, *дво́ечник* — *дво́е*[шн’]*ик*; *отягча́ть* — *отя*[кч’]*а́ть*, *умягча́ть* — *умя*[хч’]*а́ть*; *рие́лтор* — *р*[иэ́]*лтор*, *клие́нт* — *кл*[иjэ́]*нт*; *кварте́т* — *квар*[т’е́]*т*, *корте́ж* — *кор*[тэ́]*ж*.

(3) Относят к орфоэпической вариантности и случаи, когда в слове имеются буквы, обычное значение которых в данной позиции не соответствует произношению в слове, например: *помо́щник* — *помо́*[ш]*ник*; *семьсо́т* — *се*[м]*со́т*; *близ* — *бли*[з’] *го́рода*.

Можно ли вообще говорить о вариантности по отношению ко второму и третьему случаю, когда вариантов произношения конкретных слов или морфем нет в принципе? И что общего между тремя разными ситуациями,

которые лингвисты традиционно, основываясь на своей интуиции, объединяют под одной «орфоэпической крышей»? Есть фактор, позволяющий связать все три вышеуказанных типа, — все морфемы, которым приписывается орфоэпическая вариантность и которые в связи с этим нуждаются в орфоэпическом комментировании, передаются на письме одинаково, несмотря на то, что допускают различия в фонемном и фонетическом составе.

Одни исследователи принципиально отказываются видеть какую-либо связь между орфоэпией и письмом — «…орфоэпия существует в языке независимо от отсутствия или наличия письма, и правила орфоэпии можно формулировать безотносительно к написанию слов» [Моисеев 1980: 94].

Другие лингвисты, устанавливая связь между орфоэпией и написанием, обычно сводят орфоэпию или только какую-то ее часть к правилам чтения: «Вспомогательным разделом орфоэпии служат так называемые правила чтения, т. е. произносительные указания к чтению букв и их сочетаний в тех случаях, когда письмо и язык не соответствуют друг другу» [Реформатский 1967: 225]. «Орфоэпия опирается на фонетические процессы и правила чтения отдельных буквосочетаний» [Кодухов 1987: 128]. «Строго понимая устную и письменную формы языка как два автономных языковых уровня, необходимо выделять два свода правил: правила о том, как передавать единицы устной речи единицами письменной речи (то, чем должна быть орфография), и правила о том, как передавать единицы письменной речи единицами устной речи (то, чем должна быть орфоэпия) [Николаева 1964: 89].

Представляется, что и Р. И. Аванесов считал, что орфоэпия сводится к переводу письменной речи в звучащую, когда писал о своей книге «Русское литературное произношение» следующее: «Объем вопросов, рассматриваемых в этой книге, лучше всего уясняется следующим образом: представим себе написанный текст с проставленными ударениями: вопрос о том, как он должен произноситься в пределах каждого слова… и является предметом настоящего пособия» [Аванесов 1984: 17].

В ОС орфоэпия определяется как совокупность «специфических норм устной речи, недостаточно отражающихся на письме» [Аванесов (ред.) 1989: 659].

А что имеется в виду, когда говорят о расхождении между произношением и письмом, о недостаточной степени отражения на письме звучащей речи? Почему никогда не снабжается орфоэпическим комментарием произношение слов типа *вода, дуб, сказка*, несмотря на то, что их произношение и написание явно не совпадают — *в*[а]*дá*, *ду*[п], *скá*[с]*ка*? Очевидно, что в тех случаях, когда письмо отражает фонемный состав слов и морфем, когда соблюдается фонематический принцип графики и ор-

фографии, орфоэпия не действует — действует фонетика, то есть правило перехода от буквы к звуку универсально и всегда предсказуемо. Произношение звука на месте буквы *б* в слове *дуб* устанавливается по его написанию следующим образом — буква *б* обозначает на письме фонему /б/, которая в позиции конца знаменательного слова перед паузой по строгому фонетическому закону всегда реализуется глухим звуком [п]. Но подобная процедура невозможна, если одному и тому же написанию может соответствовать разное фонемное или звуковое значение, то есть тогда, когда действует орфоэпическая вариантность разных типов.

В связи с этим можно допустить, что орфоэпия при переходе от письменной записи к звучащей речи выполняет в какой-то мере те же функции, что и орфография при переходе от звучащей речи к письменной. В ве́дении орфографии находятся только те случаи, когда одному и тому же произношению могут соответствовать разные написания. Например, слово произносящееся как [саъпо́к] могло бы быть записано по-разному — *сАпог, сОпог, сапоК, сапоГ*, произношение слова ни при одном из написаний не изменилось бы. Звучанию [раъма́н] может соответствовать и *Роман*, и *роман* и т. д. В ве́дении же орфоэпии, как представляется, находятся только те случаи, когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение: *пОэт* — *п*[а]*э́т* и *п*[о]*э́т*, *порядоЧный* — *поря́до*[ш]*ный* и *поря́до*[ч’]*ный*, *еСли* — *е́*[с’]*ли* и *е́*[с]*ли*, *жАсми́н* — *ж*[аъ]*сми́н* и *ж*[ыъ]*сми́н* и т. д. Остальная часть языкового материала, нуждающаяся в перекодировке *звучащая речь* — *письмо* или *письмо* — *звучащая речь*, регламентируется правилами графики и фонетики, а не орфографии и орфоэпии. Этим объясняется и особая практическая направленность орфографии и орфоэпии — обе они кодификационные дисциплины, устанавливающие норму, поскольку проблема нормы есть только тогда, когда имеется ситуация выбора (написания или произношения в нашем случае) [Каленчук 1993].

То, что русское письмо, призванное отражать фонемный состав слов и морфем, игнорирует различия между орфоэпическими вариантами, передавая их единообразно, служит еще одним доказательством того, что орфоэпия оперирует специфическими звуковыми закономерностями, воспринимающимися носителями языка не так, как фонетические законы.

Но существуют некоторые факты, традиционно рассматриваемые как орфоэпические, несмотря на то, что в них не выдерживается сформулированный выше принцип отражения на письме морфем с орфоэпической вариантностью: речь идет о случаях типа *ноль* — *нуль, строгать* — *стругать, шкап* — *шкаф* и т. д. Такие явления иногда рассматривают отдельно от орфоэпических и называют то фонематическими [Горбачевич 1978: 123], то фонетическими [Шанский 1981: 27–28] вариантами слова.

К. С. Горбачевич зафиксировал в современном языке около 200 подобных фактов. В таких случаях различия в фонемном составе морфем равно безразличны и для фонетики, и для орфоэпии — они не нарушают никаких фонетических законов и, являясь фактом оформления конкретных корневых морфем, в большинстве случаев не выходят за рамки единичных, индивидуальных изменений в произношении, ср. [Панов 1967: 321].

Как представляется, проведенный анализ позволяет внести в определение орфоэпического варианта новый компонент — орфоэпия занимается случаями, когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических позиций.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. М. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова / Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1989. 703 с.

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978. 237 с.

Каленчук М. Л. Орфоэпическая система русского литературного языка: дисс. … доктора филол. наук. М., 1993. 417 с.

Кодухов В. И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1987. 288 с.

Моисеев А. И. Русский язык: Фонетика. Морфология. Орфография. М.: Просвещение, 1980. 213 с.

Николаева Т. М. [Рец.]: М. В.Панов. И все-таки она хорошая // Русский язык в национальной школе. 1964. № 3. С. 88–92.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. 262 с.

Шанский Н. М. Лексика // Н. М. Шанский, В. В. Иванов. Современный русский язык, ч. 1. М.: Просвещение, 1981. 192 с.

References

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.

Avanesov (ed.). *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. M. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. 5th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 703 p.

Gorbachevich K. S. *Variantnost' slova i yazykovaya norma* [Variability of the word and language norm]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 237 p.

Kalenchuk M. L. *Orfoehpicheskaya sistema russkogo literaturnogo yazyka: diss. ... doktora filol. nauk* [The orthoepic system of the Russian literary language]. Moscow, 1993. 417 p.

Kodukhov V. I. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1987. 288 p.

Moiseev A. I. *Russkii yazyk: Fonetika. Morfologiya. Orfografiya* [Russian language: Phonetics. Morphology. Spelling]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980. 213 p.

Nikolaeva T. M. [Rev.]: *M. V. Panov. I vse-taki ona khoroshaya* [M. V. Panov. Still, it's a good one]. Russkii yazyk v natsional'noi shkole. 1964. № 3. Pp. 88–92. (In Russ.)

Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 438 p.

Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow, 1967. 262 p.

Shanskii N. M. *Leksika* [Lexis]. In book: N. M. Shanskii, V. V. Ivanov. Sovremennyi russkii yazyk, vol. 1. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 192 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 55–69

Проблемы современного русского языка

Определить нельзя помиловать! Функционирование единицы *в смысле* в русской устной речи (в зеркале теории переходности)

Татьяна Сергеевна Сулимова, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), spb.sulimova@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170012130-2

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется функционирование единицы *в смысле* в русской устной повседневной речи. Исследование проведено на материале пользовательского подкорпуса (137 контекстов), источником которого стал звуковой корпус «Один речевой день». Корпусный анализ позволил выявить, наряду со словарными (*предложно-падежная форма существительного, пояснительный союз, производный предлог*), некоторые неканонические случаи употребления формы *в смысле* (*прагматический маркер, переспрос, квазипереспрос*), а также особые переходные случаи, когда однозначно установить статус единицы не представляется возможным. Однако количественное распределение обнаруженных типов употребления единицы *в смысле* по пользовательскому подкорпусу показывает, что переходные формы встречаются ничуть не реже «обычных» (практически треть от общего количества случаев). Одним из способов описания формирования значений и функций у подобных единиц является *шкала переходности*, которая позволяет выделить стадии изменений и демонстрирует тесную связь между ними и динамику. На примере единицы *в смысле* можно наблюдать, с одной стороны, как постепенно происходит языковое развитие в *живой* устной речи, с другой — как сложен и уникален путь каждой единицы в этом процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская речь, звуковой корпус, переходные явления, прагматический маркер, лексикографическое портретирование
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сулимова Т. С. *Определить нельзя помиловать!* Функционирование единицы *в смысле* в русской устной речи (в зеркале теории переходности) // Русская речь. 2020. № 5. С. 55–69. DOI: 10.31857/S013161170012130-2.

Issues of Modern Russian Language

A Definition is Impossible, Pardon! / A Pardon is Impossible, Define! The Functioning of the Unit *v Smysle* in Russian Oral Speech (in Terms of Transitivity Theory)

Tatiana S. Sulimova, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg),
spb.sulimova@gmail.com

ABSTRACT: The article analyzes the functioning of the unit *v smysle* in Russian oral everyday speech. The research is carried out on the user subcorpus (137 contexts), which was based on the speech corpus "One Speaker's Day". The analysis shows, that along with the dictionary cases of use (*prepositional-case form of a noun, an explanatory union, a derivative preposition*), there are some non-canonical cases of use of the form *v smysle* (*pragmatic marker, re-ask, quasi-re-ask*) and special transitional cases when it is not possible to unambiguously establish its status. However, the quantitative distribution of these types in the user subcorpus shows that transitional forms are found no less often than the "ordinary" ones (almost a third of the total number of cases). One of the ways to describe the formation of meanings and functions of such units is the scale of transitivity, which allows to highlight the stages of changes and demonstrates a close connection between them and

dynamics. The example of unit *v smysle* lets observe how linguistic evolution gradually occurs in the *vivid* oral speech and, on the contrary, how complex and unique the path of each unit in this process is.

KEYWORDS: Russian speech, speech corpus, transient phenomena, pragmatic marker, lexicographic portraying

FOR CITATION: Sulimova T. S. *A Definition is Impossible, Pardon! / A Pardon is Impossible, Define!* The Functioning of the Unit *v Smysle* in Russian Oral Speech (in Terms of Transitivity Theory). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 55–69. DOI: 10.31857/S013161170012130-2.

Устная повседневная речь оказывается все более и более привлекательным объектом для современных лингвистических исследований[1]. Одно из направлений таких исследований тесно связано с явлением *прагматикализации* как процесса, в результате которого обыкновенные полноценные слова (например: *вот, значит, как бы, там, так* и др.) переходят на прагматический уровень и утрачивают, полностью или частично, прежние — лексическое и грамматическое — *значения*, а взамен приобретают *функцию* [Bogdanova-Beglarian, Filyasova 2018]. Такие необычные (при этом хорошо знакомые и даже необходимые каждому носителю языка в устной коммуникации) условно-речевые единицы будем называть, вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, *прагматическими маркерами* (ПМ) [Богданова-Бегларян 2014а].

Специфика большинства ПМ — а базовых таких единиц более 50 [Богданова-Бегларян и др. 2019: 78] — заключается в отсутствии статусной константности. Иными словами, в случае с такими единицами необходимо иметь в виду наличие *переходности*: невозможно «закрепить» за единицей тот или иной окончательный статус ПМ, неизбежно встречаются контексты, когда «нельзя квалифицировать по принципу "или-или", а надо отмечать "как то, так и другое"» [Бабайцева 1983: 37]. Установление границы между «стадиями» прагматикализации того или иного слова усложняется его *памятью* о «своих корнях». Целесообразнее поэтому представлять эти единицы на *шкале переходности*, которая демонстрирует плавное их «преображение».

[1] Например, XIII Шмелевские чтения (2020 г.) были полностью посвящены повседневной речи как объекту наблюдений и лексикографирования.

Одной такой единицей «с памятью» о прошлом своем статусе является форма *в смысле*. В настоящем исследовании анализируется функционирование этой формы в русской устной спонтанной речи в зеркале такой переходности. Цель работы — построение своеобразной *шкалы* изменений этой единицы, что может быть весьма полезно в рамках ее лексикографического портретирования[2]. Материалом для исследования послужил пользовательский подкорпус, который включает 137 употреблений единицы *в смысле* в различных контекстах. Источником материала стал корпус «Один речевой день» (ОРД), созданный на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета по методике 24-часовой записи [Русский язык… 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2016a, 2016b].

Непосредственному анализу корпусного материала предшествовала работа с данными словарей. Так, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) лексема *смысл* имеет три основных лексико-семантических варианта (ЛСВ): (1) ‘Разум, рассудок’, (2) ‘Внутреннее логическое содержание, значение чего-л., постигаемое разумом’, (3) ‘Разумное основание, назначение, цель’ [Евгеньева (ред.) 1988: 160]. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС) ЛСВ лексемы *смысл* в целом очень близки тем, что обозначены в МАС: (1) ‘Общее логическое содержание, не сводимое к значениям составляющих его частей; основная мысль, суть, сущность чего-л.’ и (2) ‘Разумное основание; предназначение, цель чего-либо’ [Кузнецов (ред.) 1998: 1220]. Между тем оба словаря определяют форму *в смысле* как предлог (в смысле *чего*), управляющий родительным падежом. Кроме того, в БТС обнаруживаем пояснительный союз *в том смысле что*[3] [БТС 1998: 1220], а в МАС — особую форму-конструкцию *в (каком) смысле* [МАС 1988: 161].

Корпусный анализ материала устной повседневной речи подтверждает данные словарей. Так, в пользовательском подкорпусе настоящего

---

[2] Современные исследователи все чаще приходят к идее создания «портретов» изучаемых единиц [Баранов и др. 1993; Апресян и др. 2003]. Принцип лексикографического портретирования был обоснован в монографии Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика», в которой автор исходит из убеждения, что «каждая лексема предстает как автономный и неповторимо своеобразный мир, который хотелось бы описать во всем его богатстве» [Апресян 1995].

[3] «Рождение» предлога *в смысле* и союза *в том смысле что* можно с уверенностью признать следствием действия другого важного для языковой эволюции процесса — *грамматикализации*, а в частном случае с союзом — *конъюнкционализации*. Ср. другие (как известные, так и обнаруженные на материале ОРД) аналогичные пары <предлог → союз>: *несмотря на → несмотря на то что*; *невзирая на → невзирая на то что*; *не говоря о →не говоря о том что/чтобы/сколько…* — которые прошли такой же двухступенчатый путь грамматикализации. О последней паре из этой серии см., например: [*Звуковой корпус…* 2013: 78–89].

исследования действительно встретились употребления *в смысле* как предложно-падежной формы существительного:

1) *прекрасный / это очень (…) красивый / да? пре… **в смысле** (…) превосходить / да? но превосходный этот тот / кто пере… восходит / правда? поэтому пре…* (И123).

В примере (1) говорящий пытается объяснить значение приставки *пре-* в слове *прекрасный* (см. метакоммуникативные самопереспросы *да?*), а потому здесь очень показательно употребление существительного *смысл* в значении ‘логическое содержание’, которое фиксируют оба упомянутых словаря. Обратимся к следующим примерам:

2) *я постараюсь / значит вот / (э-э) со звуком… (э-э) как мне представляется (э-э) рассказать / как он устроен // (э-э) **в смысле** оцифровки // (э-э) **в смысле** (э) использования* (И117);
3) *а вот здесь нужно понимать что спортивная не **в смысле что** она ходит в трениках и кедах… да / что почему-то сразу возникает в голове у большинства людей… нет спортивная это значит очень подвижная* (И121).

В примере (2) дважды употреблена форма *в смысле* в качестве предлога, который действительно управляет именем в Род. п. (*в смысле оцифровки / использования*). Рассмотренные случаи, безусловно, относятся к каноническим для исследуемой единицы. Но уже в примере (3) наблюдаем «отголосок» тех изменений, которыми так богат и привлекателен устный повседневный дискурс: союз *в том смысле что* предстает в «свернутом», с формальной точки зрения, виде. Однако идея пояснительности (говорящий испытывает необходимость пояснить тот смысл, что он вкладывает в прилагательное *спортивный*) сохраняется и даже усложняется отрицанием (методом «от противного»); при этом дальше, после вставного комментария, посвященного господствующим стереотипам, говорящий возвращается к прилагательному и уже использует альтернативный способ пояснения через глагол *значить*. Между тем гораздо чаще[4] в русской устной речи встречается еще более укороченная форма:

4) И69: *тяжело с ним работать //*
   М3: *почему?*
   И69: *ну такой странный человек // ну **в смысле** я же с ним вместе сдавал это деловое общение //*
   М3: *угу //*
   И69: *вместе делали презентацию… необычно*[5];

---

[4] О количественном распределении выявленных типов употребления единицы в пользовательском подкорпусе см. ниже.

[5] В случаях, когда контекст представляет собой речь информанта и его коммуникантов, в атрибуции к примеру указывается и этот собеседник: мужчина (М1, М2…) или женщина (Ж1, Ж2…).

5) *а / вы куда-то далеко хотите уехать что ли? ну / **в смысле** в другую страну // на море куда-нибудь* (И96).

В примерах (4) и (5) форма *в смысле* (а начиная с этого этапа нередко и *ну в смысле*, о чем см. ниже) функционирует практически так же, как словарный канонический союз *в том смысле что* (который в полной форме не встретился в пользовательском подкорпусе ни разу): оформляет конструкцию с двумя компонентами, где первый (левый; X) требует пояснения, которое содержится во втором (правом; Y). Пояснения может требовать как целое утверждение (*ну такой странный человек*), так и его часть, какое-нибудь слово (*далеко*). Интересно, что в примере (4), с точки зрения прагматики, Y (собственно пояснение) необходим говорящему для того, чтобы снизить *категоричность* своего первого высказывания (X; чему способствует еще и употребление маркера изобразительности *такой*, см. о нем: [Шклярук 2019]). В целом функционирование в устной речи пояснительного союза *в смысле* именно в таком виде представляется вполне объяснимым следствием действия закона экономии речевых усилий — см. об этом: [Мартине 1960; Поливанов 1981; Богданова-Бегларян 2014б]). Обратимся к следующим контекстам:

6) *у меня есть две книги / которые тебе необходимо прочитать // **в смысле** / которые я считаю / что очень необходимо прочитать / потому что я их / ну / я их советую прочитать* (И78);
7) *нет / ну ничего себе / пять лет прошло / выводы не делает / **в смысле** пять раз / ладно / не пять лет / да не пять лет / я оговорилась / я говорю пять раз / пять раз* (И130);
8) *видите / эта прозрачная штука она тут сетка // **в смысле** каркас такая* (И45);
9) И125: *а кто тебе мешает?*
   Ж1: *платные ПТУ-то ой **в смысле** фу ты корпус кадетский*.

Рассмотрим пример (6). С одной стороны, как и в контексте (4), здесь налицо постепенное смягчение категоричности высказывания (*тебе необходимо — я считаю, что очень необходимо — я советую прочитать*), с другой — это смягчение выходит на первый план: говорящий не ощущает необходимости именно *пояснить* свои слова, его цель — снизить императивность своего первого высказывания (X). Прагматическая составляющая начинает доминировать, с этого момента единица *в смысле* соединяет в себе прагматическую функцию *самокоррекции* (в данном случае для смягчения категоричности высказывания) и, тем не менее, не теряет своих *союзных способностей* (например, тоже организует высказывание). Однако уже в следующих примерах (7)–(9) эти союзные способности ослабевают: информанты *оговариваются* (*пять лет, сетка, ПТУ*) и, осознав это, исправляются. Если союз *в смысле* во всех упомянутых

ранее контекстах присоединял клаузу (в примере (5), очевидно, предложение неполное), то маркер самокоррекции *в смысле*, ничего не оформляя, лишь участвует в контекстах типа X… *(ну) в смысле* Y, где X — неверная номинация (в терминах В. И. Подлесской — *репарандум*, фрагмент, подлежащий исправлению), а Y — исправленная номинация (в терминах В. И. Подлесской — *репаранс*, откорректированный коррелят) [Подлесская и др. 2019]. Любопытно, что самокоррекция может проходить как весьма эмоционально (см. множественные повторения корректной номинации *пять раз* (7) и дополнительные формулы *признания* собственной оговорки — междометия *ой, фу ты* (9)), так и вполне спокойно (8). Представляется, что в последнем случае самокоррекция в принципе связана с поиском подходящего слова, и тогда маркер *в смысле* получает дополнительный «налет» хезитативности. В дальнейшем уже эта хезитативная функция маркера *в смысле* получает самостоятельное воплощение в определенных контекстах, ср.:

10) *только (э-э) (н-н) нам надо сюда товару завезти / и / а так тут сто лет эта / ну / в смысле* / ***аптека*** / *поэтому люди уже знают эту аптеку* (И78)[6];
11) *он говорит да / но я ее должен та… довести как говорится (э) до… ну в смысле до… ну вот* ***чтобы продать*** / ***чтобы продать и в другое место*** (И117).

В примерах (10)–(11) цепочка однофункциональных (функционально синонимичных) маркеров притягивает, подобно «черной дыре», исследуемый маркер и отрывочно или целиком заполняет паузу, во время которой осуществляется поиск нужного слова. Этот поиск может быть как удачным (*аптека* найдена), так и неудачным, как в примере (11), когда говорящий отказывается продолжать поиск и формулирует свою мысль иначе (см. дважды повторенный предлог *до*, «приготовленный», очевидно, для существительного, и конечное придаточное *чтобы продать*…). Важно пояснить, почему именно цепочка *втягивает* в себя маркер: при анализе корпусных данных не встретилось случаев употребления одиночного хезитативного маркера *в смысле*, что позволяет сделать предположение об обусловленности такого типа употреблений исследуемой единицы контекстом, когда, по выражению Н. В. Богдановой-Бегларян, «короля делает свита» [Богданова-Бегларян 2019]. Рассмотрим еще один пример:

12) *ого если…* ***ну в смысле*** *если я приглашаю я плачу за… за него / если он приглашает он за меня / ну или напополам платим* (И125).

---

[6] В примерах (10)–(12) подчеркнуты хезитационные цепочки, а жирным шрифтом выделено найденное высказывание (или, в случае неудачного поиска, его замена).

Позиция формы *в смысле* во фразе и отсутствие первого компонента X (оговорки или мысли, требующей пояснения) подсказывают еще одну прагматическую функцию исследуемой единицы — разграничительную, а именно стартовую: говорящий, оборвав начатое высказывание, снова начинает свою мысль (*если … если*). Заметим, что именно в качестве хезитативного и разграничительного маркеров форма *в смысле* окончательно утрачивает свою *память*, остается только функция, наступает финальная стадия прагматикализации единицы.

Здесь уместно еще раз отметить структурный вариант исследуемой единицы — *ну в смысле*. В соответствии с гипотезой А. Д. Шмелева, «общая идея частицы *ну* связана с “вынужденным говорением”. *Ну* уместно, когда развитие коммуникативной ситуации *заставляет* говорящего сказать нечто (курсив мой. — *Т. С.*)» [Шмелев 1998: 152]. Думается, что приведенные примеры — (4)–(5) и (10)–(12) — вполне подтверждают эту гипотезу: говорящий использует единицу *ну в смысле* не только как маркер «вынужденного» пояснения или такой же «вынужденной» самокоррекции, но и как стартовый или навигационный разграничительный маркер, который помогает ему (как правило, после некоторого колебания) либо начать реплику, либо продвинуть вперед начатый речевой фрагмент — во всех случаях налицо именно «вынужденное говорение».

Обратимся еще к одному весьма частотному типу употреблений формы *в смысле* в русской устной речи, ср.:

13) И60: *он так близко не видит //*
Ж2: ***в смысле?*** *почему?*
И60: *у них вообще зрение четыре процента //* ;

14) И131: *а когда будете смотреть (э)* <u>*интерьер детской*</u>*?*
Ж1: ***в смысле мебель****?*
И131: *ну да.*

Закономерно, что, оформляя пояснение, единица *в смысле* участвует и в запросе на это пояснение. Как и в случае с союзом, употребления более краткой формы переспроса *в смысле?* преобладают в устной речи. Полный вариант *в каком смысле?* встречается в одиннадцать раз реже, что тоже можно объяснить действием закона экономии речевых усилий. При этом сам переспрашивающий может предложить своему собеседнику некую подсказку, как в примере (14). Между тем, если подлинная коммуникативная цель такого переспроса — уточнение информации, то собеседник это легко опознает и дает ответ. В то же время встречаются в корпусном материале и квазипереспросы *в смысле?*, на которые ответ и не ожидается, поскольку говорящий отвечает сам, ср.:

15) И89: *где ты?*
Ж1: ***в смысле где я?*** *я на севере.*

Видно, что переспрашивающий весьма уверенно продолжает беседу (*где ты? — я на севере*), это говорит о том, что в уточнении информации он вовсе не нуждался. В таких случаях, когда не требуется ответ, формула[7] *в смысле?* служит, скорее, для выражения эмоции: удивления и/или неприятия сказанного собеседником[8].

Таковы типы употребления единицы *в смысле*, которые встретились в пользовательском подкорпусе. На рис. 1 представлено их количественное распределение.

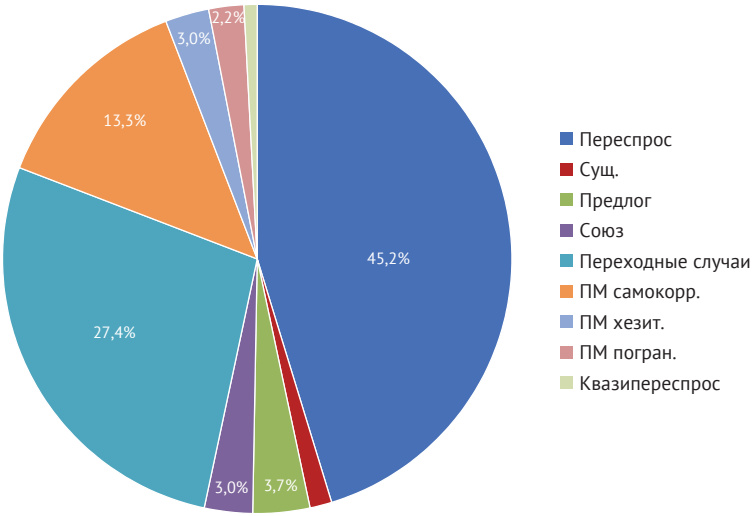


Рис. 1. Общее распределение типов употребления формы *в смысле* в пользовательском подкорпусе | **Fig. 1.** General distribution of the types of use of the form *v smysle* in the user subcorpus

Видно, что почти половина всех употреблений (45,2 %) относится к переспросу. Следующая значительная по объему материала группа — особые переходные случаи, подобные тем, что были рассмотрены в примерах (6)–(9). Практически треть всех контекстов в пользовательском подкорпусе (27,4 %) было трудно идентифицировать однозначно: союз

[7] Реплику *в смысле*? вполне уместно отнести и к *речевым формулам*, которые типичны для любой устной речи, ср.: «Наличие в речевой практике говорящих на любом языке большого числа устойчивых повторяющихся выражений — факт сам по себе хорошо известный. Феномены такого рода, определяемые как “идиомы”, “устойчивые сочетания”, “речевые формулы”, “речевые штампы”, “клише”, находят в этом качестве определенное место в любом описании языка» [Гаспаров 1996: 121].

[8] Было бы интересно (в качестве перспективы исследования) провести слуховой анализ корпусного материала и проверить, есть ли интонационная разница между выделенными типами.

ли это или маркер? Представляется, что, как и было сказано вначале, точное определение статуса единицы в подобных случаях — задача, выполнение которой может привести к бóльшей ошибке, чем отказ от ее выполнения[9].

Перед тем как взглянуть на шкалу переходности, обратимся еще к одной диаграмме. На рис. 2 дано представление о количественном распределении четырех групп употреблений единицы *в смысле*:

1) словарные, канонические (существительное, предлог, союз);
2) переходные случаи;
3) в качестве прагматического маркера (хезитативного, разграничительного, самокоррекции);
4) в качестве переспроса (в том числе квазипереспроса).

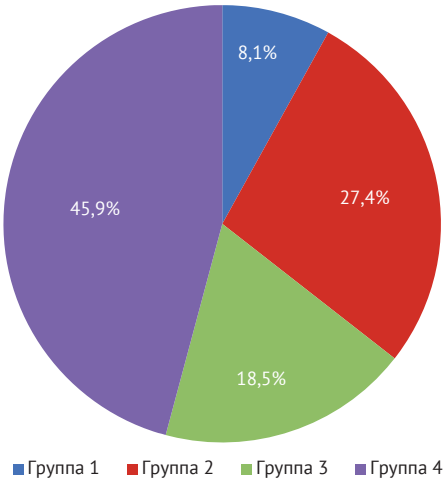


Рис. 2. Количественное распределение групп употреблений единицы *в смысле* | **Fig. 2.** Quantative distribution of groups of use of the unit *v smysle*

Полученное распределение позволяет предположить, что в русской устной речи существенно преобладают неканонические случаи употребления (91,8 %)[10]. Однако подобное предположение требует серьезной проверки на более широком материале и сравнения с данными письменной речи.

[9] Согласно Р. Барту, всякий анализ текста, как и вообще всякое его прочтение, не «конструирует» текст, но, напротив, «деконструирует» его [Barthes 1970: 21–22].

[10] Ср.: «Ненормы дают носителям языка простор для самовыражения» [Жукова 2017]: «не укладываясь в прокрустово ложе нормы, мы пишем и говорим именно ненормами» [Костомаров 2014: 122].

Таким образом, корпусный анализ позволил выявить несколько типов употребления формы *в смысле* в русском устном дискурсе (как словарных, так и неканонических), а также показал *переходность,* тесную связь между ними, и позволил построить *шкалу переходности* — см. рис. 3.

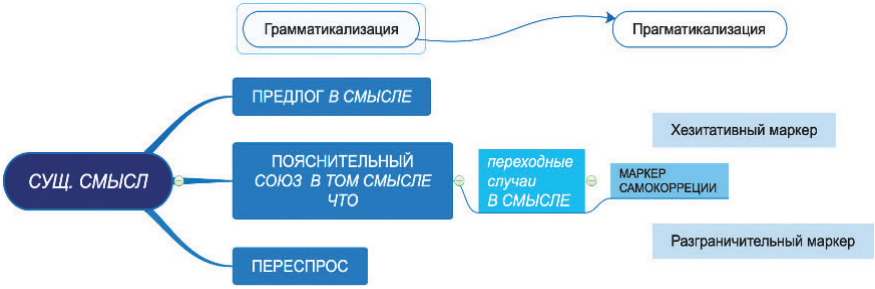


Рис. 3. Шкала переходности для единицы *в смысле* | **Fig. 3**. The scale of transitivity of the unit *v smysle*

Представляется, что подобные *шкалы* будут полезны не только при составлении словарных статей, но и для осознания непрерывности и постепенности языковой эволюции[11].

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки славянской культуры, 1995. 481 с.

Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Богуславская О. Ю., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. 557 с.

Арутюнова Н. Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / Под ред. В. М. Жирмунского, О. П. Суника. М.–Л.: Наука, 1965. С. 121–128.

Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1967. 392 с.

[11] Ср.: «В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от “прокрустова ложа” четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов» [Арутюнова 1965]; «Для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов оказываются “прокрустовым ложем”» [Бабайцева 1967: 7].

Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014а. № 3. С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В. Еще раз о законе экономии в повседневной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. 2014б. № 1. С. 241–251.

Богданова-Бегларян Н. В. Короля делает свита: о дополнительных условиях прагматикализации языковых единиц в повседневной речи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2019» / Отв. ред. В. П. Захаров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 317–324.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» / Отв. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2019. Вып. 18. С. 72–85.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка в 4 томах. Т. 4. С-Я. М.: Русский язык, 1988. 797 с.

Жукова А. Г. Ненормы в отдельных сферах общения // V Международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения). М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017 (дата обращения: 20.05.2020).

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 260 с.

Подлесская В. И., Коротаев Н. А., Мазурина С. И. Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» / Отв. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2019. Вып. 18. С. 547–561.

Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия / Отв. ред. Ф. М. Березин. М.: Высшая школа, 1981. С. 51–55.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Шклярук Е. Я. Какой такой? — об изобразительности в русской разговорной речи (на примере слова ТАКОЙ) // Русская филология. 30 / Отв. ред. М. Григорьев. Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского ун-та, 2019. С. 293–298.

Шмелев А. Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Тезисы международной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. С. 151–153.

Barthes R. S/Z, Essais. Paris: Éditions du Seuil, 1970. 278 p.

Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Yu. Active processes in modern spoken language (evidence from Russian) // Digital transformation and global society. Third International Conference, Conference proceedings DTGS 2018, St Petersburg, Russia, May 30 — June 2, 2018, Revised Selected Papers, Part II. Communications in Computer and Information Science (CCIS). Vol. 859 / D. A. Alexandrov, A. V. Boukhanovsky, A. V. Chugunov, Yu. Kabanov, O. Koltsova (eds.). Springer, Cham, 2018, pp. 391–403.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An exploratory study on sociolinguistic variation of Spoken Russian // SPECOM 2016. Lecture otes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016a, pp. 100–107.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. — SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016b, pp. 659–666.

References

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy, t. I. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works, vol. I. Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 1995. 481 p.

Apresyan Yu. D., Apresyan V. Yu., Boguslavskaya O. Yu., Krylova T. V., Levontina I. B., Uryson E. V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2003. 557 p.

Arutyunova N. D. [On the criterion for the selection of analytical forms]. *Analiticheskie konstruktsii v yazykakh razlichnykh tipov /* V. M. Zhirmunskii, O. P. Sunik (ed.). Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 121–128. (In Russ.)

Babaitseva V. V. *Perekhodnye konstruktsii v sintaksise* [Transitional constructs in syntax]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe Knizhnoe Izd-vo, 1967, 392 p.

Babaitseva V. V. [The zone of syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language]. Filologicheskie Nauki Publ, 1983, № 5, pp. 35–42. (In Russ.)

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovskii i Partnery Publ., 1993, 207 p.

Barthes R. S/Z, Essais. Paris: Éditions du Seuil, 1970. 278 p.

Bogdanova-Beglaryan N. V. [More on economy law in everyday spontaneous speech]. Kommunikativnye issledovaniya. 2014b, № 1, pp. 241–251. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. [*Followers make leaders*: Additional conditions for pragmaticalization of language units in everyday speech]. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Korpusnaya lingvistika-2019" / V. P. Zakharov (ed.). SPb.: Izd-vo SPBGU, 2019, pp. 317–324. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaya I zarubezhnaya filologiya. 2014a, № 3, pp. 7–20. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Blinova O. V., Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu., Zaides K. D., Popova T. I. [Pragmatic markers annotation in Russian speech corpus: research problem, approaches and results]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" / V. P. Selegei (ed.). Moscow, RGGU, 2019. Vyp. 18, pp. 72–85. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Yu. Active processes in modern spoken language (Evidence from Russian). Digital transformation and global society. Third international conference, Conference proceedings DTGS 2018, St. Petersburg, Russia, May 30 — June 2, 2018, Revised Selected Papers, Part II. Communications in computer and information science (CCIS). Vol. 859 / D. A. Alexandrov, A. V. Boukhanovsky, A. V. Chugunov, Yu. Kabanov, O. Koltsova (eds.). Springer, Cham, 2018, pp. 391–403.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic extension of the ORD corpus of Russian everyday speech. SPECOM 2016, Lecture notes in artificial intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016b, pp. 659–666.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An exploratory study on sociolinguistic variation of spoken Russian. SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016a, pp. 100–107.

Evgen'eva A. E. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh. T. 4. S-Ya* [Dictionary of the Russian language in 4 vol. T. 4. S-Z]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988, 797 p.

Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya.* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996, 352 p.

Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [Language of the urgent moment: norm]. SPb.: Zlatoust Publ., 2014, 220 p.

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint, 1998, 1534 p.

Martine A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh (problemy diakhronicheskoi fonologii)* [The principle of linguistic economy in phonetic changes (Problems of diachronic phonology)]. Moscow, Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1960, 260 p.

Podlesskaya V. I., Korotaev N. A., Mazurina S. I. [A Corpus study of Self-Repairs in Russian monologues and dialogues]. Komp'yuternaya lingvistika I intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" / V. P. Selegei (ed.). Moscow, RGGU, 2019. Vyp. 18, pp. 547–561. (In Russ.)

Polivanov E. D. [Where are the reasons for language evolution?]. *Istoriya sovetskogo yazykoznaniya. Nekotorye aspekty obshchei teorii yazyka: khrestomatiya* / F. M. Berezin (ed.). Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1981, pp. 51–55. (In Russ.)

Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh: kollektivnaya monografiya [Russian language of everyday communication: peculiarities of functioning in different social groups] / N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). SPb.: LAIKA Publ., 2016. 244 p.

Shklyaruk E. Ya. [*What 'takoj'?* — about pictoriality in Russian colloquial speech (the word 'TAKOJ')] // Russkaya filologiya. 30 / M. Grigor'ev (ed.). Tartu: Otdelenie Slavyanskoi filologii Tartuskogo un-ta, 2019, pp. 293–298. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Parasite words and their role in the construction of discourse]. *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury. Tezisy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg: Izd-vo URGU, 1998, pp. 151–153. (In Russ.)

Zhukova A. G. [Abnormalities in certain areas of communication]. V mezhdunarodnaya konferentsiya "Kul'tura russkoi rechi" (Grotovskie chteniya). Moscow, 2017. URL: https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017 (accessed 20.05.2020). (In Russ.)

Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech: a collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description] / N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). SPb.: Filologicheskii f-t SPbGU, 2013, 532 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 70–84

Проблемы современного русского языка

Толкование единиц религиозной лексики в общем толковом словаре русского языка

Алексей Эдуардович Цумарев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), zumarew@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170012132-4

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется практика описания семантики единиц религиозной лексики в общих толковых словарях русского литературного языка начала XXI в. Содержащаяся в них информация сопоставляется со сведениями из предшествующих лингвистических словарей и с данными энциклопедических источников. Указываются основные характеристики единиц религиозной лексики, определяющие специфику их семантического описания (сакральный характер многих обозначаемых понятий, требующий корректного в богословском отношении подхода; существенная роль энциклопедической информации в описании религиозной лексики (эта информация включается в зону толкования); взаимосвязь «нерелигиозных» и «религиозных» значений общеупотребительного слова). Обсуждаются трудности лексикографической презентации семантики данной лексики, их основные причины (сложность или нечеткость обозначаемого понятия, его историческая изменчивость, наличие конфессиональной специфики и др.). Затрагивается проблема отражения в толковании мировоззренческих установок авторов современных словарей (на примере слов *причастие* и *причащение*). В поле зрения оказываются случаи изменения значения слова (*духовенство*, *сорокоуст*), а также лексической архаизации (*дьячок*, *пономарь*). Приводятся примеры ошибочного, неточного или

неполного словарного представления словозначений сферы «Религия и церковь» (*ектения*, *епитрахиль*, *прошение*, *список*). В заключении подчеркивается необходимость более внимательного отношения лексикографов к анализируемой группе лексики. В конце публикации размещена словарная статья «Духовенство» из «Академического толкового словаря русского языка», работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный русский литературный язык, религиозная лексика, лексическая семантика, толковый словарь, толкование, энциклопедическая информация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цумарев А. Э. Толкование единиц религиозной лексики в общем толковом словаре русского языка // Русская речь. 2020. № 5. С. 70–84. DOI: 10.31857/S013161170012132-4.

БЛАГОДАРНОСТИ: Автор благодарит Л. Л. Шестакову и Ф. Б. Людоговского за обсуждение материалов статьи.

Issues of Modern Russian Language

Interpretation of Religious Vocabulary Units in the General Explanatory Dictionary of the Russian Language

Alexei E. Tsumarev, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), zumarew@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes the practice of describing the semantics of religious lexical units in the general explanatory dictionaries of the Russian standard language, published in the beginning of the 20th century. The information contained in them is compared with information from previous linguistic dictionaries and with data from encyclopedic sources. The main characteristics of religious vocabulary units that determine the peculiarities

of their semantic description are specified (the sacred nature of many designated concepts, which requires a correct theological approach; the essential role of encyclopedic information in the description of religious lexemes (this information is included in the interpretation zone); the relationship between "non-religious" and "religious" meanings of a commonly used word). The article discusses the difficulties of lexicographic presentation of the semantics of this lexicon, their main reasons (the complexity of the designated concept, its historical and confessional variability, etc.). The problem of reflection in the interpretation of the authors' worldview is touched upon (see the words *причащение* 'communion' and *причастие* 'the Blessed Sacrament'). In the field of view are cases of changing the meaning of the word (*духовенство* 'clergy', *сорокоуст* 'forty day's temple prayer for the living and the dead'), as well as lexical archaization (*дьячок*, *пономарь* 'sexton'). Examples of erroneous, inaccurate or incomplete dictionary representation of the word meanings of the sphere "Religion and Church" are given (see *ектения* 'litany', *епитрахиль* 'stole', *прошение* 'petition to God', *список* 'handwritten repetition of an ancient text, icon'). The conclusion emphasizes the need for a more attentive lexicographers' attitude to the analyzed group of vocabulary. At the end of the publication there is the dictionary entry "Clergy" from the "Academic dictionary of Russian language" (this dictionary is being developed at V. V. Vinogradov Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences).

KEYWORDS: modern Russian standard language, religious vocabulary, lexical semantics, explanatory dictionary, interpretation, encyclopedic information

FOR CITATION: Tsumarev A. E. Interpretation of Religious Vocabulary Units in the General Explanatory Dictionary of the Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 70–84. 10.31857/S013161170012132-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: The author thanks L. L. Shestakova and F. B. Ludogovsky for valuable remarks.

Настоящая статья посвящена религиозной лексике, которая не имеет узкоспециального характера и включается в общие толковые словари русского языка, содержащие комплексное описание слов и фразеологизмов общелитературного языка и предназначенные для самого широкого круга читателей. В центре внимания будут вопросы толкования единиц

этой лексики в толковом словаре (а также в лингвистических словарях, близких по жанру, и — для сверки — в словарях энциклопедических)[1].

Предполагается затронуть следующие вопросы: 1) основные характеристики единиц религиозной лексики, определяющие специфику их семантического описания, 2) отражение в толковании мировоззренческой установки авторов словаря, 3) дефекты толкования (фактические ошибки, неточности, неполнота описания) и их устранение, 4) включение в общий толковый словарь ранее не учтенных словозначений сферы «Религия и церковь».

1. Г. Н. Скляревская отмечает такие особенности религиозной лексики: «Во-первых, чрезвычайно трудны определения и дефиниции слов, относящихся к Богу и божественным сферам, поскольку человеческий язык в сути своей ориентирован на земное, а не на небесное, божественное. Во-вторых, — и это особенно важно учитывать — необходима абсолютная точность дефиниции каждого слова, точность, не допускающая употребления синонимов и близкозначных слов, поскольку замена богословского термина синонимом может привести не просто к лексикографической ошибке, а к ереси» [Скляревская 2012: 39]. Для автора общего толкового словаря задача нередко оказывается особенно сложной, трудноразрешимой: он должен представить читателю не только точное, но и доступное, «адаптированное» объяснение значения слова (упрощая, не исказить).

Еще одна характеристика семантизации религиозных слов заключается в том, что во многих случаях их описание «неизбежно включает в себя элементы энциклопедизма и представляет не только толкование значения, но и сведения о называемом понятии» [Шведова (ред.) 2003: 315–316].

Трудности, связанные с энциклопедической составляющей толкования, как правило, обусловлены сложностью обозначаемого словом понятия, его исторической изменчивостью, конфессиональной вариативностью; заметными бывают различия в интерпретации того или иного понятия и в речевой практике представителей одного вероисповедания; существенной может быть разница между специальным и обиходным употреблением.

---

[1] За пределами обсуждения остается практика объяснения значений устойчивых сочетаний, большинство из которых — составные термины. По традиции одни из сочетаний получают развернутое толкование в специально отведенной зоне словарной статьи (обычно за знаком ◊); другие, приводимые в зоне иллюстраций, — краткие пояснения в скобках, так называемые подтолкования. Скажем, в статье «Водосвятие» [Шведова (ред.) 2007] предусмотрены следующие примеры с подтолкованиями: *Великое водосвятие* (на Крещение). *Малое водосвятие* (в день храмового праздника или в какой-н. другой день).

Примечательны различия в понимании общеупотребительного термина *духовенство*, значение которого объясняется толковыми словарями XX — начала XXI в. обычно в краткой форме и предельно широко: ‘служители религиозного культа’ [Ушаков (ред.) 1935–1940], [Кузнецов (ред.) 2008] (культ здесь — ‘служение (поклонение) божеству’). Оценивая это выражение-клише как средство толкования, нужно учесть, что к «служителям культа» принадлежат и весталки, и шаманы, и под., которых, однако, трудно отнести к духовенству, духовным лицам.

Исключение в общем ряду составляет развернутое толкование ‘В монотеистических религиях: лица, отправляющие религиозные, церковные обряды, служители церкви’ [Шведова (ред.) 2002]. Использование перед толкованием ограничительной энциклопедической ремарки «В монотеистических религиях» порождает при этом вопрос об отнесении к духовенству, например, буддийских лам (говорить о монотеизме в этом случае не приходится).

Применительно к православию обращает на себя внимание наличие двух трактовок понятия «духовенство» в авторитетных церковных источниках. Согласно «Православной энциклопедии», «к духовенству принадлежат священнослужители и церковнослужители (клирики)» (то же понимание содержится и в «Большой российской энциклопедии»). В другом официальном церковном справочнике, однако, сказано: «Духовенство — священнослужители…», «…духовенство… составляет три чина: епископство (архиерейство), священство (иерейство) и диаконство» [Марк (Головков) 2007: 125]. Последнее определение, очевидно, не предполагает включения в объем понятия «духовенство» церковнослужителей, т. е. лиц, не облеченных священным саном (алтарников, псаломщиков и т. д.).

Определение, предлагаемое в «Православной энциклопедии», исторически легко объяснимо: толковые словари XIX в. истолковывают *духовенство* одинаково — как ‘сословие священно- и церковнослужителей’ (см., например, «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.). Однако такое толкование, отвечавшее сословной структуре общества в дореволюционной России, не соответствует современному речевому узусу (общепринятому употреблению), который отражен лингвистическими словарями начала XXI в. В словаре [Скляревская 2016] *духовенство* — ‘то же, что священнослужители’[2]). В «Активном словаре русского языка»

[2] Заметим, что с этим не согласуется упоминание слова *духовенство* в качестве синонима к слову *клир* (в первом значении): «**КЛИР. 1.** Совокупность всех священнослужителей и церковнослужителей; духовенство. **2.** Состав священнослужителей и церковнослужителей одной церкви; причт». Касаясь вопроса о многозначности слова *клир*, полезно привести также следующее примечание: «Под клиром принято понимать всех представителей духовенства, кроме епископов (в современном

под ред. Ю. Д. Апресяна *духовенство* определяется как ‘социальная группа, состоящая из священнослужителей, или сами священнослужители’ [Апресян (ред.) 2017].

Полезно, как кажется, привлечь и зарубежный словарный опыт: так, эквивалентная английская лексема *clergy* имеет в [Cambridge 2011] толкование ‘priests or religious leaders’ (‘священнослужители или духовные лидеры’).

Сводя воедино лингвистические и энциклопедические данные, можно сказать, что в толковании *духовенства* должна быть отражена применимость этого понятия в первую очередь к христианству и к священнослужителям, а также традиция причисления к духовенству ряда лиц, осуществляющих иную (не священнослужительскую) социально значимую религиозную деятельность (см. богословы (улемы) в исламе, раввины в иудаизме и др.).

Наконец, назовем следующее свойство анализируемой лексики: религиозные понятия выражаются в виде «особых значений общеупотребительных слов. Например: <…> *спасение* — ‘в религии: выполнение религиозных предписаний как путь к искуплению грехов’» [Шведова (ред.) 2003]. Представляется, что многочисленные факты взаимосвязи «нерелигиозных» и «религиозных» значений одного слова существенны не только сами по себе, но и при верификации выдвинутого в науке положения («теоретического постулата»), гласящего, что «о языке религиозной сферы нельзя говорить как о подсистеме, подъязыке, форме существования национального языка, как о стиле или социолекте. Этот особый, в структурном и функциональном отношении уникальный тип языка существует рядом с секулярным языком, не является его составляющей, в синхронии не смешивается с ним и воспринимается как *второй язык*», т. е. имеет место диглоссия [Скляревская 2018: 90].

Интересны случаи, когда то или другое религиозное словоупотребление не выходит за пределы «светского» значения (значения, не принадлежащего безраздельно религиозной сфере), а вместе с тем примеры такого

словоупотреблении понятие «клир» может включать в себя также епископов)» [Иларион (Алфеев) 2017: 91–92, сноска 66]. В энциклопедии [Молотков 2008] у этого слова, по существу, выделены три значения: ‘всё духовенство’, ‘духовенство за исключением архиереев’, ‘причт церковный (священно- и церковнослужители одного храма)’. Кроме того, у этого слова отмечается значение ‘церковный хор’ (ср. *клирос*), например, в [Кузнецов (ред.) 2008]. Изменение лексического значения (в том числе у наименований духовных лиц), расширение его границ иногда отмечаются автором словаря в толковании (с помощью указателей «первоначально», «вообще» и др.), например: **ПРИЧТ...** Служители и певчие в православном храме [первонач. исключая священника] [Шведова (ред.) 2002] (не приведенный здесь вариант *причет* также нормативен).

употребления (типичной сочетаемости) являются важным компонентом иллюстративной зоны словарной статьи (обычно это касается слов, которые имеют пометы *книжн.* — книжное, *высок.* — высокое, *устар.* — устарелое). Например: **СОНМ…** *Книжн.* Большое количество, множество кого-, чего-л. *С. ангелов. Сонмы мучеников за веру. Причислить к сонму кого-л.* (счесть кем-л., причислить к кому-л.) [Кузнецов (ред.) 2008]. Неслучайно, что это слово с неспецифической семантикой (ср. *сонм поклонников*, *сонм воспоминаний*) включено в словник специализированного словаря [Скляревская 2016].

2. В ряде лингвистических работ ([Купина 1995], [Петрова 2015] и др.) было тщательно изучено воздействие советской, атеистической государственной идеологии на презентацию лексики религиозной семантики в толковых словарях. В исследованиях приводятся различные примеры постсоветской деидеологизации толкований. Так, если в словаре [Ушаков (ред.) 1935–1940] *крещёный* истолковывался как ‘подвергшийся обряду крещения’, то в словаре [Шведова (ред.) 2007] используется толкование ‘принявший обряд крещения’, т. е. устраняется сема ‘принуждение’.

В диссертации [Михайлова 2004] подробно рассматриваются различные пути освобождения словарных статей от идеологического груза: возвращение «генетически первичного значения на его место» (в начало статьи), увеличение количества лексико-семантических вариантов, относящихся к религиозной сфере, обогащение толкования за счет включения в него дополнительных семантических признаков и т. д.

Вместе с тем мировоззрение авторов современных толковых словарей, принятая ими по отношению к пласту религиозной лексики установка, как свидетельствует анализ, так или иначе отражается в толкованиях соответствующих единиц. Сопоставим толкования слов *причащение* и *причастие*, предложенные читателю словарями XX — начала XXI в.

(а) **ПРИЧАЩЕ́НИЕ…** Один из обрядов (т. наз. таинств) христианской церкви — питье верующими церковного вина с кусочками просфоры или облатками; **ПРИЧА́СТИЕ²… 1.** Вино и хлеб, употр. при причащении. **2.** То же, что причащение (разг.) [Ушаков (ред.) 1935–1940].

(б) **ПРИЧАЩЕ́НИЕ…** Христианское таинство принятия причастия² (во 2 знач.); **ПРИЧА́СТИЕ²… 1.** То же, что причащение. **2.** Символизирующее кровь и тело Иисуса Христа вино в чаше с кусочками просвиры, принимаемые верующими во время церковного обряда причащения [Шведова (ред.) 2007].

(в) **ПРИЧАЩЕ́НИЕ…** Одно из семи таинств христианской церкви, состоящее в том, что верующие вкушают освящённые хлеб и вино, в которых

воплощены тело и кровь Иисуса Христа, и тем самым приобщаются к нему; евхаристия. <...> *Совершить обряд причащения*; **2. ПРИЧА́СТИЕ... 1.** = Причащение. *Обряд причастия*. **2.** Пресный хлеб и вино, олицетворяющие тело и кровь Иисуса Христа, используемые во время причащения [Кузнецов (ред.) 2008].

(г) **ПРИЧАЩЕ́НИЕ...** Центральное христианское таинство, включающее в себя пресуществление (превращение) во время евхаристического канона силою Святого Духа хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, т. е. в Святые Дары, а ткж. преподание (раздачу) Святых Даров в конце литургии верующим, к-рые, съедая их, становятся в результате участниками божеского естества; **ПРИЧА́СТИЕ[1]... 1.0.** То же, что причащение. **1.1.** Святые Дары, т. е. Тело и Кровь Христовы, принимаемые верующими под видом хлеба и вина в таинстве причащения [Морковкин и др. 2016].

Не заостряя внимания на всех отличительных сторонах приведенных толкований, укажем на следующие факты.

Во-первых, для разъяснения значения лексемы *причащение* в качестве родового слова используется либо *таинство*, либо *обряд*. Для авторов словаря советской эпохи причащение не могло быть ничем иным как обрядом (например, в [Ушаков (ред.) 1935–1940] слово *таинство* приводится в скобках, с «идеологическим маркером» *так называемое*). Для авторов словарей послесоветского времени причащение — это таинство (в [Морковкин и др. 2016] — «центральное»), но одновременно с этим восприятие причащения как обряда в двух из них (б, в) закрепляется в статье «Причастие[2]» (в составе толкования или в зоне речений); кроме того, в перечисленных современных словарях само слово *таинство* толкуется как разновидность обряда (например, ‘в христианстве: церковный обряд, предназначенный для приобщения верующего к божественной благодати’ [Шведова (ред.) 2007]), за исключением словаря [Морковкин и др. 2016], в котором таинство определяется как ‘установленное самим Иисусом Христом священное действие, с помощью которого верующим невидимым, таинственным образом сообщается благодать (т. е. спасительная сила) Божия’ (словарная статья «Обряд» в этом словаре отсутствует).

Во-вторых, сами Святые Дары предстают в толкованиях либо как «вино и хлеб», либо как символ (‘условный знак’), воплощение (‘форма выражения’) или олицетворение (‘изображение’) «тела и крови» Иисуса Христа, либо как Его Тело и Кровь[3].

---

[3] «Предельный реализм» причащения, в который верят христиане, заключается в том, что Богочеловек Иисус Христос «дал людям не хлеб и вино, а Себя Самого в виде хлеба и вина», «...все предлагали людям свое учение. Христос же предложил Самого Себя» (Г. П. Чистяков. Над строками Нового Завета).

В-третьих, важно отметить, с помощью каких глаголов описывается совершаемое верующими действие: *пить*, *принимать*, *вкушать*, *съедать*. Глагол *пить* служит десакрализации религиозного действия и дает неточную картину происходящего: верующие миряне получают из рук священнослужителя частицу просфоры, пропитанную вином (это видимая сторона таинства). В словаре [Кузнецов (ред.) 2008] используется стилистически окрашенное слово *вкушать*, сопровождаемое в словарях такими пометами, как *книжн.*, *высок.*, *устар.* (в лексикографии для толкования в обычном случае рекомендуется использовать стилистически нейтральную лексику).

В-четвертых, примечательна попытка авторов объяснительного словаря [Морковкин и др. 2016] воспользоваться для истолкования значения слова *причащение* приемом введения в толкование точного, специального богословского термина *пресуществление*, с его разъяснением в скобках.

Обобщая разговор о мировоззренческом аспекте толкования, можно напомнить, что, когда от лексикографа требуется соблюдение мировоззренческого нейтралитета, на помощь могут прийти такие обороты, как, например, ‘согласно христианскому вероучению…’, и т. п.

3. При знакомстве со словарными статьями, представляющими описание словозначений с религиозной семантикой, обнаруживаются ошибки и разного рода неточности, требующие исправления.

Прямую, фактическую ошибку содержит, например, следующее описание (в цитатах шрифтовое выделение наше. — *А. Ц.*):

ЕПИТРАХИ́ЛЬ… Часть обрядового облачения священника православной церкви в виде длинной полосы ткани с крестами, надеваемой на шею и **свешивающейся спереди и сзади** [Кузнецов (ред.) 2008]. Правильное толкование: «элемент богослужебного облачения пресвитера и архиерея: длинная лента, огибающая шею и **обоими концами спускающаяся на грудь**; соприкасающиеся края двух концов ленты скреплены пуговицами»[4] [Людоговский 2017: 70].

В лингвистических работах неоднократно отмечалось широкое использование пометы *устар.* как одного из средств идеологического смещения религиозной лексики на языковую периферию (например, в [Емельянова 2012]). Любопытно, что в изученном материале встретилось несколько обратных случаев, когда отсутствие необходимой хронологической пометы придает словарному описанию анахронический характер — выдает устаревшее слово за нейтральное. Так, не вполне корректны без пометы

[4] Последняя деталь (о скрепленных краях) неслучайна: она важна для различения православной епитрахили и католической сто́лы.

ист. (историзм) или компонента «прежнее название...» следующие определения слова *дьячок*: ‘то же, что псаломщик’ [Шведова (ред.) 2002]; ‘в православной церкви: низший служитель, псаломщик’ [Шведова (ред.) 2007]. Сравним: «ДЬЯЧОК — старинное, вышедшее из употребления название псаломщика» [Мень 1991: 177].

Аналогичная ситуация со словом *пономарь*, которое дается в толковых словарях без хронологической пометы, тогда как в специальном источнике говорится: «Должность пономаря упразднена в Русской Церкви в XIX веке, его функции в настоящее время до некоторой степени исполняют алтарники (общепринятое к концу XX в. именование мужчин-мирян, помогающих священнослужителям в алтаре)» [Марк (Головко) 2007: 154].

В связи с изменением практики словоупотребления также, по-видимому, уже нуждается в уточнении традиционная семантическая характеристика слова *сорокоуст*: ‘в православной церкви: чтение молитв **об умершем** в течение сорока дней после смерти’ [Кузнецов (ред.) 2008]. В словаре [Скляревская 2016] близкое толкование снабжено комментарием: «В современной церковной практике сорокоустом называют также сорокадневную молитву о здравии». Приведем различные современные тексты: *Накануне трансплантации мама заказала в трех церквях* ***сорокоуст*** *за здравие сына* («Комсомольская правда», 11 дек. 2006); — *Записываются имена жертвователей* [*на строительство нового собора*], *за этих людей совершается* ***сорокоуст*** (из интервью с митр. Пензенским Вениамином, 17 апр. 2013 г., www.patriarchia.ru).

В корректировке может нуждаться словарное представление, конечно, не только христианской лексики. Так, в научной литературе обсуждаются случаи ошибочного или недостаточно точного, полного описания лексики ислама. В частности, указывается на некорректность истолкования экзотизма *дервиш* при помощи слова *монах*, поскольку «в исламе отсутствует институт монашества»; неверно отождествление в толковых словарях понятий «газават» и «джихад», т. к. «*газават* имеет в исламе лишь значение ‘священная война’, а слово *джихад* имеет значения ‘священная война против неверных’ и ‘внутренняя борьба человека со своими пороками’» [Рагасова 2017: 220].

4. Наконец, коснемся задачи отражения не зафиксированных толковыми словарями значений из области «Религия и церковь».

В ряде случаев словарные статьи общего толкового словаря полезно пополнить некоторыми отмеченными в специализированных словарях значениями, поскольку их употребление выходит за рамки узкоспециальной сферы функционирования (при сохранении ими терминологической окраски необходимо использовать ограничительную помету: общую —

спец. ‘специальное’ или частную — *иск.* ‘термин искусства’ и т. п.). Обратимся к примерам.

Принятое в толковых словарях объяснение одного из значений слова *список* таково (с небольшими вариациями): «**1.** Воспроизведенный с оригинала текст, рукописная копия» [Шведова (ред.) 2007] (ср.: *список жития*). Наряду с этим известно, что списком называется также повторение почитаемого иконописного образа, поэтому семантическое описание должно охватывать область не только литературного, но и художественного творчества (не следует забывать, что иконопись представляет собой актуальное направление искусства). Причем важно подчеркнуть, что списки (ни литературные, ни иконописные), строго говоря, не являются копиями — ‘точно соответствующими подлиннику воспроизведениями чего-л.’ [Кузнецов (ред.) 2008]. Так, в отношении икон специалист пишет: «*До XVI в. иконы списывались, но не копировались: если взять списки, например, с икон Владимирской Богоматери или святого Николая, самого почитаемого на Руси святого, — двух одинаковых вы не найдете*» (Архим. Зинон (Теодор). Беседы иконописца).

Дадим еще один пример. Богослужебный термин *ектения* получил в словаре [Шведова (ред.) 2007] такое толкование: ‘молитвенные прошения, одно за другим произносимые дьяконом или священником при богослужении от имени верующих’. Если слово *прошение* использовано (в роли опорного) в толковании, то хорошо было бы отразить его церковное значение в словарной статье «Прошение». Однако эта статья имеет следующий вид: **ПРОШЕ́НИЕ…** (устар.). Письменное ходатайство.

Церковное значение не упоминается, и слово представлено только как архаизм.

Все приведенные в нашей статье примеры небезупречного семантического описания единиц религиозной лексики (число подобных примеров может быть увеличено) свидетельствуют, что эта лексика по-прежнему нуждается в более внимательном отношении лексикографа: встречаются неоправданные разноречия между словарями, несогласованность словарных статей в одном словаре, несоответствие толкования описываемой реалии, живому общелитературному узусу.

Толкование каждого словозначения, относящегося к сфере религии и церкви, необходимо сопровождать тщательно подобранными (доказательными и показательными) речениями (типичными словосочетаниями) и цитатами: «иллюстративные примеры должны содействовать более полному раскрытию значения» [Инструкция 1953: 67].

Задача более точного и полного описания религиозной лексики в числе других задач ставится авторами разрабатываемого в Институте

русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Академического толкового словаря русского языка» [Крысин (ред.) 2016]. Далее приводится словарная статья «Духовенство», предназначенная для очередного, третьего тома словаря[5].

ДУХОВЕ́НСТВО, -а, *ср.*, *собир.* Священнослужители в христианстве и других религиях; лица, осуществляющие духовное руководство членами религиозного сообщества[6]. *Православное духовенство. Католическое духовенство. Мусульманское духовенство. Иудейское духовенство. Буддийское духовенство. Высшее духовенство. Сельское духовенство. Духовенство монастыря.* ▫ *Самые знатные лица Самарканда — главный судья (кади), глава духовенства шейх-уль-ислам и старейшие хранители мечетей — имамы — устроили ночное совещание, решив покорно сдаться* [*монголам*]. В. Ян. Чингиз-хан. *Будущий владыка был однажды приглашен на престольный праздник в собор, куда прибыло духовенство из разных епархий. У престола все должны вставать «по старшинству» — архимандриты, протоиереи, священники*. Архим. Августин (Никитин). Митрополит глазами иподиакона. || *Ист*. На Руси и в дореволюционной России: священнослужители и церковнослужители как представители духовного сословия. *Приглашено уже духовенство, то есть соборный протоиерей с причетом ---, чтобы освятить обновленное жилище*. Т. Шевченко. Близнецы. *В родне этого купца было духовенство: священники, дьяконы, дьячки*. Г. Успенский. Новые времена.

◊ **Белое духовенство** *см*. белый. **Черное духовенство** *см*. черный.

Литература

Апресян Ю.Д. (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 3: Д–З. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.

Большая российская энциклопедия. В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru

[5] В основе этого словаря лежит четырехтомный словарь [Евгеньева (ред.) 1981–1984], или, иначе, Малый академический словарь. В новом словаре сохранена традиция выделения оттенков значений (после знака ||), т. е. «более тонких и детальных смысловых делений внутри значения» [Инструкция 1953: 31]. Предложенная вниманию читателя словарная статья «Духовенство» подготовлена автором данной публикации, членом коллектива словаря [Крысин (ред.) 2016].

[6] В большом толковом или специализированном словаре это толкование может быть расширено за счет компонента ‘сведущие в решении вопросов, связанных с вероучением и соблюдением религиозных норм’.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1981–1984.

Емельянова О. Н. Квалификация конфессиональной лексики в толковых словарях русского языка // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 2 (20), Красноярск, 2012, с. 317–322.

Иларион (Алфеев), митр. Волоколамский. Катехизис. Краткий путеводитель по православной вере. М.: Издательский дом «Познание», 2017. 256 с.

Инструкция для составления «Словаря современного русского языка» (в трех томах). М.: Институт языкознания АН СССР, 1953. 94 с.

Крысин Л. П. (ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять. Т. 2: Вина — Гяур. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 672 с.; 680 с.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Уральского ун-та, 1995. 144 с.

Людоговский Ф., свящ. Церковнославянский словарик. Третья ступень: богослужение. М.: Никея, 2017. 160 с.

Марк (Головков), еп. Егорьевский. Церковный протокол. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2007. 184 с.

Мень А., прот. Православное богослужение. Таинство, Слово и образ. М.: СП «Слово», 1991. 191 с.

Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2004. 20 с.

Молотков С., свящ. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. СПб.: Сатисъ Держава, 2008. 330 с.

Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1456 с.

Петрова О. О. Культурно-идеологические созначения в лексической семантике: на материале основных толковых словарей русского языка XIX — начала XXI в.: автореферат дис. … канд. филол. наук. Калуга, 2015. 24 с.

Православная энциклопедия / Под общ. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II (с 2009 — патриарха Московского и всея Руси Кирилла). М., 2000– [Электронный ресурс]. URL: https://pravenc.ru

Рагасова С. Слова исламской тематики в словарях русского языка // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 217–221.

Скляревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 36–40.

Скляревская Г. Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.

Скляревская Г. Н. О статусе религиозного языка в современном русском языке // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 84–92.

Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т русского языка. Т. I., Т. III. М.: Азбуковник, 2002. 807 с.; 2003. 720 с.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Cambridge leaner's dictionary. English — Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 1066 pp.

References

Apresyan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Vol. 3: D–Z. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Cambridge leaner's dictionary. English — Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 1066 p.

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of the Russian language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, Russkii Yazyk. Poligrafresursy Publ., 1981–1984.

Hilarion (Alfeyev), mitr. Volokolamskiy. *Katekhizis. Kratkii putevoditel' po pravoslavnoi vere* [Catechism. A short guide to the Orthodox faith]. Moscow, Poznanie Publ., 2017. 256 p.

Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovarya sovremennogo russkogo yazyka" (v trekh tomakh) [Instructions for compiling the dictionary of Modern Russian (in three volumes)]. Moscow, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1953. 94 p.

Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1: A — Vilyat'; Vol. 2: Vina — Gyaur. Moscow, Yazyki Slavyanskih Kul'tur Publ., 2016. 672 p.; 680 p.

Kupina N. A. *Totalitarnyi yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reactions]. Yekaterinburg; Perm: Ural University Publ., 1995. 144 p.

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2008. 1536 p.

Lyudogovsky F., priest. *Tserkovnoslavyanskii slovarik. Tret'ya stupen': bogosluzhenie* [Church Slavonic dictionary. The third stage: Worship]. Moscow, Nikea Publ., 2017. 160 p.

Mark (Golovkov), bishop of Egorievsk. *Tserkovnyi protocol* [Church protocol]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2007. 184 p.

Men' A., protopriest. *Pravoslavnoe bogosluzhenie. Tainstvo, Slovo i obraz* [Orthodox service. Sacrament, Word and Image]. Moscow, Slovo Publ., 1991. 191 p.

Mikhailova Yu. N. [Religious Orthodox vocabulary and its fate (according to the explanatory dictionaries of the Russian language): autoabstract of PhD thesis]. Ural State University. Yekaterinburg, 2004. 20 p.

Molotkov S., priest. *Prakticheskaya entsiklopediya pravoslavnogo khristianina. Osnovy tserkovnoi zhizni* [Practical encyclopedia of the Orthodox Christian. Fundamentals of Church life]. Saint-Petersburg, Satis Derzhava Publ., 2008. 330 p.

Petrova O. O. [Cultural and ideological meanings in lexical semantics: on the material of the main explanatory dictionaries of the Russian language of the XIX — beginning of the XXI century: autoabstract of PhD thesis]. Kaluga, 2015. 24 p.

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia] / Patriarch of Moscow and all Russia Alexy II (since 2009 — patriarch of Moscow and all Russia Kirill) (ed.). M., 2000–. Available at: https://pravenc.ru

Ragasova S. [Words of Islamic themes in dictionaries of the Russian language]. Bulletin of Kostroma state University. 2017. Vol. 23. No. 4. Pp. 217–221. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings]. Vol. I, Vol. III. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 807 p.; 2003. 720 p.

Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slova* [The explanatory dictionary of the Russian language including information on word origin]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Sklyarevskaya G. N. [Lexicon of Orthodoxy in modern Russian: experience of lexicological analysis and lexicographic description]. Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11, issue 9: Philology, pp. 36–40. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya. Tolkovo-entsiklopedicheskii slovar'* [Lexicon of modern Russian Orthodoxy. Explanatory and encyclopedic dictionary]. Saint-Petersburg, Kontrast Publ., 2016. 688 p.

Sklyarevskaya G. N. [On the status of religious language in modern Russian]. Linguoculturological research. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures / Ed. by N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moscow, Gnosis Publ., 2018, pp. 84–92. (In Russ.)

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Inostrannyh i Nacional'nyh Slovarej Publ., 1935–1940.

Yemelyanova O. N. [Qualification of confessional vocabulary in explanatory dictionaries of the Russian language]. Bulletin of the KSPU named after V. P. Astafiev. 2012. № 2 (20), Krasnoyarsk, 2012, pp. 317–322. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 85–98

Из истории русского языка

Обработка конопли, прядение и некоторые элементы ткачества в первой половине XX в. (на примере говора с. Подгорное Воронежской области)

Любовь Виниаминовна Недоступова, Воронежский государственный технический университет (Россия, Воронеж), nedostupowa2009@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170012134-6

АННОТАЦИЯ: В статье представлены некоторые процессы обработки конопли, прядение и элементы ткачества, существовавшие в первой половине XX в. в селе Подгорном Воронежской области. Они являлись важными составляющими традиционной народной культуры. Проанализирована речь представителей старшей возрастной группы и действия людей при выращивании и переработке конопли, начиная с возделывания и заканчивая изготовлением ткани для пошива одежды и разнообразных предметов быта. Представлена лексика, описывающая посадку, жатву, вязание в снопы, сушку, вымачивание, толчение, чесание, прядение, процесс ткачества, отбеливание ткани из конопли и другое. В работе рассмотрены некоторые элементы ручной прялки, указана ее роль в домашнем хозяйстве сельских жителей. Значение зафиксированных диалектных лексических единиц определено по «Словарю русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее — Малый академический словарь), «Словарю русских народных говоров» и «Словарю воронежских говоров». Указаны территории распространения этих лексем и в диалектах других областей. Констатирован факт, что в XXI в. ткачество в домашних условиях уже не осуществляется, а происходит на производстве

в промышленных масштабах. Домашнее прядение практически перестает быть необходимым и постепенно уходит в прошлое. Проведенное исследование дополняет уже имеющиеся региональные научные работы языковым материалом, новыми сведениями и вносит свой вклад в изучение воронежских говоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обработка, прядение, ткачество, диалектная лексика, особая картина мира

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Недоступова Л. В. Обработка конопли, прядение и некоторые элементы ткачества в первой половине XX в. (на примере говора с. Подгорное Воронежской области) // Русская речь. 2020. № 5. С. 85–98. DOI: 10.31857/S013161170012134-6.

From the History of the Russian Language

Hemp Processing, Spinning and Some Elements of Weaving in the First Half of the 20th c. (On the Example of a Sub-dialect of Podgornoe Village in Voronezh Region)

Lyubov V. Nedostupova, Voronezh State Technical University (Russia, Voronezh),
nedostupowa2009@yandex.ru

ABSTRACT: The article tells about hemp processing, spinning and weaving that existed in the village of Podgorny, Voronezh Region, in the first half of the 20th century. They were important components of traditional folk culture. The article analyses the speech of the older age group representatives and the actions of people during the cultivation and processing of hemp, from cultivation to production of clothes and various household items from mature plants. The paper describes vocabulary, which reflects the following

stages: planting, reaping, sheaving, drying, soaking, crushing, scratching, spinning, weaving, bleaching hemp fabric, etc. The paper discusses some of the elements of a hand spinning wheel, indicates its role in the household of rural residents. The meaning of fixed dialectal lexical units is determined by the Small Academic Dictionary, the Dictionary of Russian Folk Dialects and the Dictionary of Voronezh dialects. The paper indicates the territories of distribution of these lexemes in the dialects of other regions as well. In the 21st century weaving at home is no longer carried out and hemp material is produced on an industrial scale. Home spinning ceases to be necessary and gradually becomes a thing of the past. The study complements the existing regional scientific works with language material, new information and contributes to the study of Voronezh dialects.

KEYWORDS: processing, spinning, weaving, dialect vocabulary, a special picture of the world

FOR CITATION: Nedostupova L. V. Hemp Processing, Spinning and Some Elements of Weaving in the First Half of the 20th c. (On the Example of a Sub-dialect of Podgornoe Village in Voronezh Region). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 85–98. DOI: 10.31857/S013161170012134-6.

Исконно русская лексика привлекала и привлекает внимание ученых, занимающихся изучением народных говоров. Бесспорно, «настало время для переосмысления и таких краеугольных понятий диалектологии, как диалект, говор, крестьянский диалект, социальный диалект, а также место и предмет диалектологии в кругу других гуманитарных дисциплин» [Герд (отв. ред.) 2004: 5]. Во время стремительно развивающихся технологий мы становимся свидетелями разных языковых процессов, в том числе глобального проникновения литературного языка во все сферы человеческой деятельности и появления в нем массива заимствованных слов. Однако стоит помнить о настоящем народном слове, о его ценности и самобытности.

Воронежские диалектологи ведут исследовательскую работу по описанию традиционной культуры и хозяйственной деятельности человека, отраженной в речи носителей народного языка. Особое внимание заслуживает трудовая деятельность и промысловая терминология.

Естественно, представления жителей сельской местности формировались под воздействием разных факторов окружающей действительности.

Наше исследовательское внимание обращено к одному населенному пункту, который в начале XX в. входил в состав Рамонского района Воронежской области.

Подгорное — бывшее село, ныне микрорайон Воронежа[1]. Местный краевед В. А. Прохоров об особенностях заселения Подгорного писал: «Вскоре после основания города Воронежа служившие в нем атаманы и казаки получили в окрестных местах придаточные (дополнительные) земли, на которых поставили дома на приезд. Сами эти люди землю не пахали, а селили на ней крестьян, свободных от службы. Вот так в нескольких верстах к западу от Воронежа в конце XVI века возникла деревня Подгорная. Она упоминается в "Дозорной книге" 1615 г. Тогда здесь было 2 двора казачьих и 15 дворов бобылей, которые пахали казачью землю. В 1714 г. после сооружения церкви Подгорное становится селом. Подгорное было поселено около одноименного озера — старицы Дона, которое так называлось по местоположению "под горою". От озера получило название село» [Прохоров 1973: 247–248].

Одними из важных составляющих традиционной культуры первой половины XX в. являлись процессы обработки конопли, прядение и ткачество. Им принадлежало одно из ведущих мест в сельскохозяйственных работах, в быту и духовной жизни русского народа. Женщины на разных территориях нашей страны занимались перечисленными видами трудовой деятельности. Обратим внимание, что «домашнее крестьянское ткачество было неразрывно связано с земледельческим трудом и лучше всего сохранялось в черноземной полосе, где меньше были развиты кустарные и отхожие промыслы» [Лебедева 1956: 461].

Безусловно, Воронежская область в этом смысле не стала исключением, т. к. конопля достаточно долго возделывалась жителями сельских местностей. Следует заметить, что «данные Словаря русских народных говоров и картотеки Лексического атласа русских народных говоров свидетельствуют о значительном репертуаре наименований конопли в русских говорах» [Киселева 2011: 205].

Целью настоящего исследования является представление некоторых процессов обработки конопли, прядения и элементов ткачества, существовавших в первой половине XX в., и лексики, их сопровождающей.

Материалом анализа послужили записи речи жительниц села Подгорное: Козловой Ксении Григорьевны, 1916 года рождения, необразованной, и Яновой Натальи Алексеевны, 1927 года рождения, имеющей образование 7 классов. Они хранятся в Центре лингвистических исследований Воронежского государственного педагогического университета. Работа

[1] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Подгорное_(Воронеж)

выполнена в рамках Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров, разработанной Российской академией наук.

Несомненно, диалектная лексика, функционирующая в речи представителей старшей возрастной группы, охватывает разные сферы жизни и реалии, значимые для сельского человека. Она отражает особую картину мира. Для полноты и объективности представления о ней мы зафиксировали лексику, обозначающую процессы обработки конопли, прядения и некоторые элементы ткачества.

Необходимо уточнить, что коноплю раньше сажали в индивидуальных хозяйствах. Из воспоминаний информантов становится очевидным следующее: *Были тада единаличнасти, иш калхоза не была. На лугах бывала пасеють эту канаплю, вить вырашивали канаплю. Сеить сеили, а палоть йие ни палоли*. (Следует отметить, что в статье используется упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.)

В конце лета — начале осени, когда конопля вызревала, начинался сбор урожая. Он состоял из нескольких этапов: жатва, вязание в снопы и сушка растения: *А патом вот суды перит осинью фсю йие выбирають, выдергывають. Жали сирпом, пуки визали. Там вот ани снапы пастановють, ана высахня фся.*

Трудоемким был процесс вымачивания конопли в водоеме. Нужно было удалить вещества, которые склеивали между собой волокна и древесину стебля: *Тада была речка прям харошая, и вот спицальна была пристань такая для канапли. Щас вот сапаги, а бывала лапти абують и йие кладуть мачить. Мачили, вы ж знаите, ана далжна вымакнуть канапля. Нада ж вымыть, вымакня.* Вымачивание конопли было связано с климатическими условиями, поскольку летний период в Подгорном был достаточно жарким. Из уст респондентов становится понятно, что этот процесс осуществлялся в сентябре и октябре.

Далее вылежавшиеся стебли конопли еще раз сушили: *Патом йие вытаскывають, высушивають йие, эту канаплю. Ана высахня*.

Немаловажное значение здесь придавали этапу толчения высушенного растения: *Такия были бальшия мялки. И вот ани бывала мяли йие. Пряма ана так харашо высахня, ну а патом пряма памнуть йие фсю. Как палки астаютца, как труха. А патом йие визли. У нас вот тут за Симилуки ездили, там спицальна мяли. Ни мяли, а талкли йие там. Ага, талкли. Бывала фсю паталкуть йие, а патом привозють йие назат дамой.*

Затем следовал процесс чесания конопли на гребенках. Отметим, что чесали коноплю, удаляя сорные примеси и делая волокно мягким: *Нада чисать канапи, гребни были такия, грибёнки. Ана такая мяхкая, харошая палучаитца.* Лексическая единица ***гребёнка*** в Малом академическом

словаре трактуется в отличном от функционирующего в говоре значении: «продолговатая пластинка с рядом зубьев с одной стороны для расчесывания волос или для скрепления и украшения женской прически» [Евгеньева (ред.) 1999]. В «Словаре русских народных говоров» (далее — СРНГ) находим: «***Гребёнка*** — приспособление в виде деревянного гребня для обработки (расчесывания) льна, конопли, шерсти» с указанием Рязанской, Тульской, Липецкой, Тамбовской, Воронежской и Ярославской областей [Филин (гл. ред.) 1972: 121].

Следующим этапом было *прядение* — процесс превращения волокна в нить, пряжу. Здесь любопытна точка зрения О. И. Блиновой о том, что «терминология прядения и ткачества… обслуживает исчезающий вид хозяйственной деятельности носителей говора, что обязывает спешить в изучении названной терминологии» [Блинова 1964: 49]. «Данная терминология является очень древней, в известной степени единой» [Блинова 1964: 55].

Укажем, что прядением в Подгорном женщины начинали заниматься в период, когда заканчивались все полевые работы: *А патом уш йие зимой, када уш тут дялоф ня будя, начинають прясть. Дефки пряли.* Их именовали *прядильщицами*. Интересно, что, например, в костромских говорах функционировало несколько лексических единиц для называния женщины, которая прядет: «*непряха* — плохая прядильщица или совсем не умеющая прясть; *прядея* — женщина, которая занимается ручным прядением, умеет прясть; *прядейка* — ласк.-снисходительное» [Громов 2012: 51–52]. Необходимо подчеркнуть, что для женщины процесс приготовления пряжи представлял длительную и трудоемкую работу, которая требовала терпения и выдержки.

Прядильщица в Подгорном работала с *веретеном* — заостренной палочкой длиною от 30 до 50 см с утолщением посредине — для кручения и наматывания нити: *На виритине пряли вот эту пряжу, канапи тоже пряли. А виритино ана ж бис пряхи щас работаить.* В костромских говорах отмечена лексема *веретёнце* как ‘умен.-ласкат. к *веретено*’ [Громов 2012: 38].

Нами зафиксировано, что волокно, приготовленное для прядения, именовали ***куде́ля.*** Вот что об этом рассказывают наши диалектоносители: *Куделя да куделя, эт вот то канапи, а эт куделя назывались. Эти канапельки, эти вот куделя. Как куделя-та панаделали, кудели — эта называютца канапи. Пряли на куделях, вить ана видишь, визде па-разнаму. У нас так, а в другом сяле фсё па-другому. Куделя эта кагда сматають, становють в рагачок, а патом из ниго прядуть. Сначала в адну, а патом в две йие пановаму складаишь.* В «Словаре русского языка» находим: ***куде́ль*** — волокно льна, пеньки, обработанное для приготовления пряжи [Евгеньева (ред.)

1999]. СРНГ отмечает следующее значение лексемы ***куде́ля*** — ‘пучок льна (конопли или шерсти), приготовленный для прядения’. Территория функционирования этого слова обширна: Московская, Брянская, Смоленская, Курская, Воронежская, Рязанская, Пензенская, Ростовская, Краснодарская, Самарская, Тверская, Калининградская, Новгородская, Ленинградская, Архангельская и др. области [Филин (гл. ред.) 1980: 7]. Только нить хорошего качества могла стать основой ткани и пряжи, которые впоследствии шли на изготовление одежды и необходимых в домашнем хозяйстве предметов быта (прочных мешков, веревок, шнуров и т. д.).

Завершающим этапом обработки конопли являлось *ткачество*. Оно считалось обычным занятием подгоренцев, потому что в каждом доме ткали. «Лексика семантического поля “ткачество” чаще всего находится в пассивном запасе» [Зинковская 2018: 93], по этой причине в диалектных текстах «традиция фиксируется не в момент ее свершения, а в ситуации воспроизведения ее в процессе воспоминания, извлечения из ментальной картины мира говорящего» [Трегубова 2015: 68].

В речи диалектоносителей зафиксирована следующая информация о некоторых элементах ткачества: *Папрядуть йие, а патом такия станы были, станки. Были такия длинныи, ткали на них, на станках-та халсты. Шили, халсты назывались. Фсида-та чоить панапрядуть. А патом такия ишшо были халсты канопныи.* Лексема ***холст*** трактуется как «узкая (40–60 см) льняная суровая или беленая ткань полотняного переплетения кустарной или фабричной выработки» [Евгеньева (ред.) 1999].

Коно́пный (холст) — сделанный, изготовленный из семян или волокна конопли. Эта лексическая единица имела распространение в говорах Воронежской, Рязанской, Московской, Куйбышевской и Амурской областей [Филин (гл. ред.) 1978: 268].

Итак, далее холст необходимо было *отбелить*, чтобы придать ткани белый цвет. Для этого использовали народные методы и приемы. Процесс длился несколько дней и требовал определенных стараний. Безусловно, качество ткани напрямую зависело от приложенных усилий: *А патом бывала, када напрядуть и выткуть, мы уш на речку. Ну там речка блиска, и мы хадили йие целый день бялили. Прям падём, укуним в речку йие. А патом бугарок у нас такой. И мы расстилали значит халсты, расстелим эти халсты, приходя мама либа на вечир. Так вот с систрою была. Ну сабирають, а патом йие в речку. Прям намочуть и гвяздями калотють. Калотють, а патом дамой апять высушвать. И утрам апять такжа, и ана прям высахня.*

Следует отметить, что при соблюдении всех существующих правил в процессе переработки волокон конопли результат был поразительным: *И ну белая, белая зделаитца, щас нету этих халстоф кипельных. Эта была када халсты ишшо были. Ох и белыи.* Лексическая единица ***ки́пельный***

в значении «очень белый» отмечена в говорах Пензенской, Рязанской и Ставропольской областей [Филин (гл. ред.) 1977: 215].

Цель, которую подгоренцы ставили перед собой весной, сажая коноплю, достигнута зимой, когда всем членам большой семьи была соткана одежда хорошего, во всех смыслах этого слова, качества. Преимущество ее заключалось именно в том, что она изготавливалась из природного материала: *Бывала насили и рубашки канопныи, и какой-та ситец. Вот я была малинькая, мне бывала мама сошьет этаю рубаху канопную. Я хадила ф канопнай рубахи, мужукам рубахи тожа шили. И мы насили, пат платье надивали.* Лексема ***рубаха*** в значении ‘крестьянская рубашка (мужская или женская)’ распространена в говорах Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Воронежской, Рязанской, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Казанской, Пермской и Оренбургской областей [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 213]. Обратим внимание, что селяне трудились во благо своего окружения: для удовлетворения семьи (с помощью примитивных орудий).

Уточним, что кроме женской и мужской одежды ткали и предметы быта. Обязательными составляющими скромного интерьера каждого крестьянского жилища считались домотканые половики. Они были любимы в народном быту начала XX в., функционально значимы, создавали уют. В Подгорном их именовали ***дерюжками***: *Тада фсё ткали, и дярюшки на пол ткали. Щас палавики стелють, а тады дярюшки были. Прям разныи ис канапи. У мине адна уцилела, я вон пастилаю йие ф сенцах. Разныи были, и такии широкии были.* В «Словаре русского языка» А. П. Евгеньевой находим: ***дерю́жка*** — это уменьш. к дерюга: вид грубой ткани из низкосортной ржи; половик, подстилка и т. п. из грубой ткани, из толстых сученых охлопков [Евгеньева (ред.) 1999]. На функционирование лексемы в названном значении на территории Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Тульской, Самарской, Пензенской и Костромской областей указывает СРНГ [Филин (гл. ред.) 1972: 27].

Продемонстрированный материал дает право утверждать, что, в связи с появлением фабричных изделий для пола, домотканые половики и другие предметы быта остались традицией только узкого семейного круга жителей старшей возрастной группы сельской местности.

Нами зафиксирована информация о том, что для ручного прядения нити из овечьей шерсти и козьего пуха раньше каждая крестьянская семья имела в своем хозяйстве прялку. В Подгорном ее называли ***пря́хой***: *Пряхи были, пряли на пряхах. Бувала ночью прядуть, а пряха уш старая, давношняя. Ну и на ние, на этаю вот пряху, вот эти вот фтыкаишь и прядешь. Ухватишь вот так рукой, брали пачутачку. Вот видишь, как прядешь. Так и пряли, и вот шерсть, и канапи, так рани делали, и сматвали ф клубок.*

В литературном языке лексема ***пря́ха*** имеет значение ‘женщина, умеющая прясть, занимающаяся ручным прядением’ [Евгеньева (ред.) 1999]. В функционирующем в Подгорном значении, отличном от литературного языка, слово *пряха* имеет огромный ареал распространения: Пермская, Вятская, Кировская, Костромская, Ярославская, Тверская, Тульская, Калужская, Брянская, Орловская, Курская, Воронежская, Ростовская, Краснодарская, Куйбышевская, Свердловская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Красноярская и др. области [Сороколетов (гл. ред.) 1999: 96]. Интересно, что «прялку девушке обычно дарил жених, делая ее большей частью сам, и в ее изготовление вкладывал все свое мастерство… Некоторые прялки были украшены росписью» [Лебедева 1956: 489]. Мы не зафиксировали в Подгорном формулы, используемые женщинами в ситуации прядения. Однако они отмечены в вологодских говорах как пожелания успеха: «*Пряди на здоровье! Ты пряди, прядеюшка! С миру по нитке!*» [Зорина 2012: 66].

Интересны составляющие элементы пряхи, которые информанты описывают так: *Эта вот называитца мотовись. Эта вот надиваитца на ние, на матовись. А этат вот уш забыла как йие звать-та. А эт вот вилка называитца. Эта вот скалка называитца, эти паужи наматвали на скалки. Ды я бувала скатала в этат ф клубок. Вот матаю я, прям вот пряху паставлю, а с пряхи наматаю ф клубок. А када можна, дажа и в маток йие. А эт вот крух, он такой. А эт вот прискалень, да эт шут йие знаить. И вот так вот фсё надиваишь. Эта калясо.* ***Мото́висем*** именовали орудие для сматывания пряжи с веретен и вьюшек. Толковый словарь приводит в данном значении лексему *мотовило* [Евгеньева (ред.) 1999]. В СРНГ рассматриваемая лексическая единица не отражена. Лексема ***вилка*** в значении ‘верхняя часть прялки, на которой укрепляется кужель (кудели, шерсти)’ распространена в Воронежской области [Филин (гл. ред.) 1969: 281]. «Словарь воронежских говоров» приводит в качестве территории функционирования этой лексической единицы Павловский, Калачеевский и Репьёвский районы [Ковалев (ред.) 2004: 220]. ***Ска́лка*** — в значении ‘катушка на веретене для наматывания пряжи, цевка’ — кроме подгоренского отмечена и в других говорах Курской, Воронежской, Калужской областей, Краснодарского края [Сороколетов (гл. ред.) 2003: 376]. Лексическая единица ***приска́лень*** не отражена в современных толковых словарях, но в СРНГ она приведена в значении ‘деревянное колесико на одном стержне с катушкой’ с указанием распространения в говорах Липецкой, Воронежской и Томской областей и юго-востока Кубани [Сороколетов (гл. ред.) 1997: 384]. Лексема ***круг*** в значении ‘колесо’, функционирующая в подгоренском говоре, отмечена также в донских, воронежских, вологодских и олонецких диалектах [Филин (гл. ред.) 1979: 291].

Рассмотрим процесс *ссучивания* нити. Со слов респондентов, он выглядел следующим образом: *А тут такая пряха. Вот крутишь йие, ана и ссучивая, када я пряду. И можна рассучить йие, если када крута дюжа.* Малый академический словарь дает следующие значения лексической единицы ***ссу́чивать***: ‘скрутить, свить несколько прядей в одну нить’, ‘изготовить скручиванием, свиванием (нитки, волос и т. п.)’ [Евгеньева (ред.) 1999]. В СРНГ находим слово ***сучить*** в значении ‘навивать, наматывать (пряжу, нитки) на цевки’ с указанием Костромской, Новгородской и Ярославской областей [Сороколетов (гл. ред.) 2010: 34].

Иногда в качестве вспомогательного приспособления использовали деревянный стул в перевернутом виде. На четыре его ножки женщины наматывали готовую нить: *Стул пастановишь так вот рядам и кругом яво наматваишь. Щас-та у людей прях пашти нету, а узнали, што я пряду, глядишь и приносють мне шерсть, пух. Я пряла и шерсть, ну вот напряду и наски павывиду.* Лексическая единица ***вывязти*** в значении ‘связать, изготовить вязкой (о чулках, кружевах и т. п.)’ имеет распространение в говорах Тверской, Тамбовской и Новгородской областей. Воронежский ареал не называется [Филин (гл. ред.) 1970: 260].

Укажем, что, например, в Новгородской области «был обычай кататься на последний день Масленицы с гор на прялках и сжигать отбросы от прядева, причем пряхи выражали радость по поводу окончания длительного процесса прядения, требующего большого терпения и выдержки» [Лебедева 1956: 490].

Представляется целесообразным отметить, что и в настоящее время в современной деревне ручная прялка еще используется в домашнем хозяйстве некоторыми женщинами старшей возрастной группы. Конечно, теперь она не выполняет ту роль, которую играла почти столетие назад. И все же еще можно увидеть прядение на прялке в домах старожилов села, чего, например, уже не скажешь о ткацком станке. Теперь он исполняет роль экспоната краеведческого музея. И сейчас нет тех людей, которые смогли бы на нем работать так, как это делали в прошлом веке.

Заслуживает внимания тот факт, что выращивание конопли в домашних условиях законно наказуемо на всей территории Российской Федерации. Но в Краснодарском научно-исследовательском институте сельского хозяйства больше сорока лет занимаются выведением безнаркотических сортов и поэтому хорошо знают, что неправильно считать наркотиком само это растение. Из конопли сегодня можно изготовить более 25 тысяч видов самых разных изделий[2]. И то, что само растение

[2] Конопля в законе. Как легально заработать на запретном растении. URL: //https:aif.ru/money/business (дата обращения: 01.10.2019).

является прекрасным антисептиком и одежда из этого волокна гипоаллергенна, вполне доказуемый факт…

В то же время следует констатировать, что в XXI в. ткачество в домашних условиях уже не осуществляется, а происходит на производстве в промышленных масштабах. Домашнее прядение практически перестает быть необходимым и постепенно уходит в прошлое. Перечисленные явления находят отражение в языке. И здесь уместна точка зрения Громова, считавшего, что «исчезают многие слова и выражения, относившиеся к этим видам труда, так как стали ненужными в повседневном обиходе, поэтому перед диалектологами встала актуальная задача — собрать и сохранить с максимальной полнотой и точностью для потомства, для науки, что еще можно сохранить» [Громов 2012: 3].

Подобные работы, осуществляемые диалектологами, дополняют уже имеющиеся региональные исследования воронежских ученых новыми интересными сведениями. Более того, мы получаем яркий фрагмент мировоззрения, который репрезентируется через речь носителей народного языка, и представление о составляющих традиционной культуры сельских жителей начала XX в.

О ценности обращения к народному слову прошлого столетия К. Д. Ушинский писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка…» [Ушинский 2014: 17].

Так сохраним эту сокровищницу, эти бесценные сведения о русской традиционной культуре, полученные из речи диалектоносителей, для будущих поколений.

Литература

Блинова О. И. Лексика обработки льна, прядения и ткачества в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби // Лингвистический сборник (Труды ТГУ им. В. В. Куйбышева. Серия лингвистическая. Т. 174). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. С. 48–58.

Википедия «Подгорное» [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Подгорное_(Воронеж) (дата обращения: 01.10.2019).

Ганцовская Н. С. Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А. В. Громова как источник ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Нестор-История, 2012.

С. 135–140 [Электронный ресурс]. URL: https://iling.spb.ru/periodicals/larng/2012/book.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

Герд А. С. (отв. ред.). Севернорусские говоры. Вып. 8: Межвузовский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 286 с.

Громов А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: Учебное пособие. Изд. 3-е, испр. Кострома: Инфопресс, 2012. 118 с. [Электронный ресурс]. URL: https://kostromka.ru/gromov/ (дата обращения: 01.10.2019).

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://feb/mas/MAS-abc/Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 01.10.2019).

Зинковская Л. С. Тематическая разметка «Ткачество» в региональном диалектном корпусе Среднего Прииртышья // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 92–95.

Зорина Л. Ю. Русские диалектные благопожелания в ситуациях льноводства, прядения и ткачества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 5. С. 66–69.

Киселева Г. В. Наименования конопли и ее разновидностей в воронежских говорах // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сборник научных трудов / отв. редактор Г. Ф. Ковалев. Вып. 2. Воронеж: ВГУ, 2011. С. 205–209.

Ковалев Г. Ф. Словарь воронежских говоров. Вып. 1. А — Вячать. Воронеж: ВГУ, 2004. 304 с.

Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник: труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 31. Москва: АН СССР, 1956. С. 459–540.

Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1973. 366 с.

Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 31. СПб.: Наука, 1997. 432 с.; Вып. 33. СПб.: Наука, 1999. 360 с.; Вып. 35. СПб.: Наука, 2001. 360 с.; Вып. 37. СПб.: Наука, 2003. 415 с.; Вып. 43. СПб.: Наука, 2010. 349 с.

Трегубова Е. Н. Многоуровневая тематическая разметка как инструмент этнолингвистической репрезентации диалектного дискурса в электронном текстовом корпусе // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 66–77.

Ушинский К. Д. Воспитать ребенка как? М.: АСТ, 2014. 23 с. [Электронный ресурс]. URL: https://iknigi/net/avtor-konstantin ushinskiy…vospitat…kak…ushinskiy/read… (дата обращения: 01.10.2019).

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л.: Наука, 1969. 355 с.; Вып. 5. Л.: Наука, 1970. 342 с.; Вып. 8. Л.: Наука, 1972. 355 с.; Вып. 13. Л.: Наука, 1977. 358 с.; Вып. 14. Л.: Наука, 1978. 376 с.; Вып. 15. Л.: Наука, 1979. 399 с.; Вып. 16. Л.: Наука, 1980. 376 с.

References

Blinova O. I. [Vocabulary for flax processing, spinning and weaving in old-fashioned dialects of the middle part of the river basin Obi]. *Lingvisticheskii sbornik (Trudy TGU im. V. V. Kuibysheva. Seriya lingvisticheskaya. T. 174)* [Linguistic collection (Proc. TSU named after V. V. Kuibyshev. Linguistic Series. Vol. 174)]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1964, pp. 48–58. (In Russ.)

Evgen'eva A. P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: https://feb/mas/MAS-abc/Фундаментальная электронная библиотека (accessed 01.10.2019).

Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 355 p.; Iss. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 355 p.; Iss. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 358 p.; Iss. 14. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 376 p.; Iss. 15. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 399 p.; Iss. 16. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p.

Gantsovskaya N. S. [Dictionary "The vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects on the Unzhe river" by A. V. Gromov as a source of LARFD]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2012]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 135–140. (In Russ.) Available at: https://iling.spb.ru/periodicals/larng/2012/book.pdf (accessed 01.10.2019).

Gerd A. S. (ed.). *Severnorusskie govory.* Vyp. 8: Mezhvuzovskii [North Russian dialects. Vol. 8. Interuniversity]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2004, 286 p.

Gromov A. V. *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe: Uchebnoe posobie* [Dictionary. Vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects on the Unzhe River: Tutorial]. 3rd ed. Kostroma, Infopress Publ., 2012. 118 p. Available at: https://kostromka.ru/gromov/ (accessed 01.10.2019).

Kiseleva G. V. [The names of hemp and its varieties in Voronezh dialects]. *Voronezhskoe lingvokraevedenie: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Voronezh linguistic local history studies: Interuniversity collection of scientific works]. Ed. G. F. Kovalev. Iss. 2. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2011, pp. 205–209. (In Russ.)

Kovalev G. F. *Slovar' voronezhskikh govorov* [Dictionary of Voronezh dialects]. Vol. 1. A — Vyachat. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2004. 304 p.

Lebedeva N. I. [Spinning and weaving of the Eastern Slavs]. *Vostochnoslavyanskii etnograficheskii sbornik: trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya* [East Slavic ethnographic collection: Proc. of the N. N. Mikloukho-Maklai Institute of Ethnography]. Vol. 31. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1956, pp. 459–540. (In Russ.)

Prokhorov V. A. *Vsya Voronezhskaya zemlya. Kratkii istoriko-toponimicheskii slovar'* [All Voronezh land. Brief historical and toponymic dictionary]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe Knizhnoe Publ., 1973. 366 p.

Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 31. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 432 p.; Iss. 33. St. Petersburg, Nauka Publ.,

1999. 360 p.; Iss. 35. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 360 p.; Iss. 37. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 415 p.; Iss. 43. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 349 p.

Tregubova E. N. [Multilevel thematic markup as a tool for ethnolinguistic representation of dialect discourse in an electronic text corpus]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya, 2015, no. 1 (33), pp. 66–77. (In Russ.)

Ushinskii K. D. *Vospitat' rebenka kak?* [How to raise a child?] Moscow, AST Publ., 2014. 23 p. Available at: https://e-libra.ru›read›534206-vospitat-rebenka-kak.html (accessed 1.10.2019).

Zinkovskaya L. S. [Thematic marking "Weaving" in the regional dialect corps of the Middle Irtysh]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 26–28 oktyabrya 2018 g.* [Actual problems of Russian dialectology. Proc. of the Int. Conf. October 26–28, 2018]. Moscow, Russian Language Institute RAS Publ., 2018, pp. 92–95. (In Russ.)

Zorina L. Yu. [Russian dialect well-wishes in situations of flax growing, spinning and weaving]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, no. 5, 2012, pp. 66–69. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 99–110

Из истории русского языка

История слова *интервенция* в русском языке

Елена Яковлевна Шмелева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), eshkind@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012135-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается история слова *интервенция* в русском языке начиная с XVIII в. и до наших дней. Вначале у слова *интервенция* были примерно те же значения, что у слова *l'intervention* во французском языке — вмешательство в спор, в чьи-то дела или в какую-либо ситуацию; дипломатическое или военное вмешательство, финансовая интервенция. В 20-е гг. XX в. *интервенция* стало названием исторического события — военной интервенции западных стран во время Гражданской войны в России. В русском языке советского времени, судя по данным словарей и Национального корпуса русского языка (НКРЯ), у слова осталось одно значение — *вооруженная интервенция*, при этом у него появились отрицательные коннотации, отсутствующие у слова в языке-источнике. Однако начиная с 90-х гг. в НКРЯ появляется все больше примеров, в которых *интервенция* имеет значение вмешательства во что-либо с целью воздействия на ситуацию и не имеет отрицательных коннотаций: *валютная*, *товарная*, *зерновая интервенция*, *гуманитарная интервенция* и др. Особенно наглядно изменение значения слова *интервенция* видно на примерах из газетного подкорпуса НКРЯ. Даже если речь идет о военной интервенции, у слова могут отсутствовать отрицательные коннотации, ср. *военные интервенции в сопредельные страны с целью защиты законного правительства от террористической угрозы*. Высказывается гипотеза, что изменение значения слова *интервенция* в русском языке новейшего времени произошло под влиянием английского языка — значения и употребления английского слова *intervention*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история слова, семантический анализ, заимствованные слова, изменения значения, коннотации, Национальный корпус русского языка

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шмелева Е. Я. История слова *интервенция* в русском языке // Русская речь. 2020. № 5. С. 99–110. DOI: 10.31857/S013161170012135-7.

From the History of the Russian Language

The History of the Word *Interventsiya* in Russian

Elena Ya. Shmeleva, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), eshkind@mail.ru

ABSTRACT: The paper deals with the history of a Russian word *interventsiya* from 1700s till present time. In the beginning, the word had almost the same meaning as the word *l'intervention* in French — intervention in a dispute, in someone's business, or in some situation; diplomatic or military intervention or financial intervention. In 1920s it became the name of a certain historical event, namely, the military intervention of the Western countries during the Civil War in Russia. In Soviet Russian, judging by the information from the dictionaries and Russian National Corpus, it had only one meaning — military intervention (with a negative connotation). Note that the French word *intervention* has no negative connotations. However, since 1990s it has often been used to refer to any situation when a person is involved in a certain issue or problem in order to influence what happens. In particular, in such collocations as *gumanitarnaya interventsiya*, *valyutnaya interventsiya*, *tovarnaya interventsiya*. A sure proof of these semantic shifts is the data of the Modern Newspapers Subcorpus of the Russian National Corpus. Even when the word refers to a military intervention, it may have no negative connotations (e.g. *voennye interventsii v sopredel'nye strany s tsel'yu zashchity zakonnogo pravitel'stva ot terroristicheskoi ugrozy*; note that the collocation *gumanitarnaya interventsiya* often refers to a military intervention). This fact may be due to the influence of English language and the meaning and usage of the word *intervention* in English.

KEYWORDS: history of the word, semantic analysis, borrowed words, semantic shifts, connotation, Russian National Corpus.
FOR CITATION: Shmeleva E. Ya. The History of the Word *Interventsiya* in Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 99–110. DOI: 10.31857/S013161170012135-7.

В многих европейских языках есть восходящие к латинскому глаголу *intervenire* (с прозрачной внутренней формой *inter* 'между' + *venire* 'идти') глаголы со значением 'вмешиваться', ср., например, французское *intervenir*, немецкое *intervenieren*, английское *to intervene* и производные отглагольные имена *intervention*, *Intervention*, *intervention*. В конце XVIII века слово *intervention / интервенция* появилось и в русском языке — первый пример из «Сборника Русского исторического общества» датирован 1783 г. (см. [Епишкин 2010])[1]. Еще в течение долгого времени слово это не воспринималось как вполне освоенное русским языком, недаром оно записывалось в русском тексте то латиницей, то кириллицей не только в начале XIX века, но и в самом его конце, ср.:

> Шутки в сторону, спросишь себя и других: вы так привыкли к праву de **l'intervention** во все мои дела, чувства и помышления, что про себя и дышать не смею (П. Вяземский — А. Тургеневу. 1823).

> Слѣдственно они хотятъ сраженія; слѣдственно они будутъ разбиты, слѣдственно **интервенція** Франціи опоздаетъ, слѣдственно Графъ Паскевичъ удивительно щастливъ (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому. 14.08.1831).

> Под влиянием графа д'Артуа решено было отправить в Испанию французские войска на защиту Фердинанда VII, и предложивший такое вмешательство Франции, **intervention**, в дела чужой <страны>

[1] Мы вслед за «Историческим словарем галлицизмов русского языка» [Епишкин 2010] рассматриваем слово *интервенция* как французское заимствование, хотя оно также могло восприниматься и как заимствованное из другого языка, ср.:

> Он сказал: «Нон-интервенция». Я сказал: «А!» Нон-интервенция?.. Это, без сомнения, немецкое вывороченное слово, — подумал я себе, — и если б отогнуть его назад, то, может быть, выйдет по-нашему — «комедия» (О. И. Сенковский. Сентиментальное путешествие на гору Этну. 1833).

Этот и целый ряд следующих примеров взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Шатобриан, с согласия императора Александра, получил портфель министра иностранных дел (Д. Н. Свербеев. Записки, т. 2. 1899).[2]

О неполной освоенности слова *интервенция* русским языком может также косвенно свидетельствовать и тот факт, что его нет в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, хотя многие относительно новые заимствования, такие, как *вульгарный*, *деликатный* и др., в него включены.

В каких значениях использовалось слово *интервенция* в русском языке досоветского времени? Приведем (в сокращении) словарную статью этого слова из [Епишкин 2010]:

ИНТЕРВЕНЦИЯ и, ж. intervention f. **1**. *устар. Вступление в дело, в обсуждение какого-л. вопроса*. Сия эпиграмма подействовала и его <министра> успокоила; он больше об интервенции не говорит, почему и думаю я, что попытка была от него личная. 1783. Сборник Русского исторического общества. **2.** *устар. Вмешательство*. В салоне стало весело: остряки подробно вычисляли полет чайника и смехотворно выведали, у кого и что должно быть обваренным, если бы не смелая интервенция Михаила. О. Форш. 1924–1925. **3.** *фин*. [3] «Русские курсы» стремительно полетели вниз. Министру финансов пришлось устраивать экстренное совещание с представителями банков, оживлять деятельность так называемого «Красного креста», усиливать интервенции. Русское богатство. 1914. || *Вступление третьего лица при обеспечении векселя для его принятия или платежа.* Комм. сл. 1898. **4.** *Вмешательство, преимущественно вооруженное, одного государства во внутренние дела другого государства*. В виду сведений о том, что будто бы поляки не перестают питать надежды на возстановление Польши путем интервенции западных держав. 1869. Щукинский сборник, вып. 2. **5.** *В картах. Вход в торговлю после открытия противника.* Бридж для всех. — *Лекс.* Толль 1864.

Даже до середины XX в. в речи некоторых представителей старшего поколения слово *интервенция* иногда употребляется в значении ‘вмешательство’, ср.:

Когда я уезжал из Сорренто, Тихонов, несмотря на все **интервенции** Горького, все еще не был освобожден, причем Горький мне говорил, что «Русский современник» — только придирка, на самом же деле

[2] Пример из [Епишкин 2010].

[3] В словаре [Епишкин 2010] нет толкования этого значения, однако из пометы *фин*. и приведенных примеров можно понять, что речь идет о *валютной интервенции* — операциях, которые проводят денежные власти (центральный банк или министерство финансов) для воздействия на внешнюю стоимость национальной валюты, то есть ее валютный курс.

Зиновьев держит Тихонова в тюрьме по другой причине: предполагает, что у Тихонова где-то спрятаны письма Ленина к Горькому, и хочет эти письма из Тихонова «выжать» (В. Ф. Ходасевич. Горький. 1938).

Никон и епархиальных архиереев поддерживал в тех же претензиях на независимость от царских **интервенций** (А. В. Карташев. Очерки по истории церкви, т. 2. 1959).[4]

Однако это значение было редким и маргинальным. В основном слово *интервенция* использовалось в значениях 3 и 4, ср.:

Это падение <курса> совершается несмотря на **интервенции**, т. е. покупку бумаг частными и государственными банками (Современник. 1914 // [Словарь галлицизмов]); Дипломатическая **интервенція** въ дѣлѣ мира между Японіею и Китаемъ (Сѣверный вѣстник: журнал литературно-научный и политическій. 1895).

Вооруженная **интервенція** на берегахъ Мааса имѣла бы для Бельгійцевъ очень подозрительный характеръ, и за нею послѣдовала бы, по всей вѣроятности, такая же демонстрація съ французской стороны (Сын отечества: историческій и политическій журнал. 1848).

При этом во всех значениях, в том числе и в значении ‘вооруженное вмешательство одного государства в дела другого’, слово *интервенция* было безоценочным, нейтральным словом, можно было считать такое вмешательство предосудительным, а можно — необходимой мерой, которую предпринимает страна, ср.: ***Интервенція*** *Французовъ в пользу папы. Безусловная сдача Палермо и покореніе Сициліи Неаполю. Приготовленіе и вѣроятная* ***интервенція****, по соглашенію съ Австрійскимъ кабинетомъ нашего двора, для подавленія возстанія Венгріи* (Русский архив. 1888).

В двадцатые годы прошлого века слово *интервенция* стало использоваться как название исторического события — военного вмешательства стран Согласия (Антанты) и Центральных держав (Четверного союза) в Гражданскую войну в России на стороне белого движения: *Вооруженная* ***интервенция*** *империалистских государств Запада займет, безусловно, одно из выдающихся мест в истории Октябрьской революции*. (П. Рассказов. Записки заключенного. 1920). В книге С. И. Карцевского «Язык, война и революция» среди новых иностранных слов, «проникших в русский язык» в 1914–1922 гг., есть словосочетание *интервенція союзническая* [Карцевский 1923: 42]. В первом томе «Толкового словаря русского языка»

[4] Пример из [Епишкин 2010]. Заметим, что последний обер-прокурор Св. Синода, историк русской церкви и богослов А. В. Карташев (1875–1960) с 1919 г. жил в эмиграции. В советском языке того времени такое употребление было уже маловероятным.

[Ушаков (ред.) 1935] у слова *интервенция* отмечено только одно значение с пометой *полит*. ‘Вмешательство, преимущественно вооруженное, иностранцев во внутренние дела какой-л. страны’. Это значение остается единственным значением слова *интервенция* во всех толковых словарях русского языка советского времени, при этом в толковании слова *интервенция* появляются отрицательно окрашенные слова — *насильственное*, *агрессивное*, ср.: ‘насильственное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела какой-л. страны (с целью захвата территории, подавления революционного или национально-освободительного движения и т. п.)’ [Евгеньева (ред.) 1981, т. 1]; ‘агрессивное вмешательство одного или нескольких государств, преимущ. вооруженное, во внутренние дела какой-нибудь страны’ [Ожегов 1981]; ‘насильственное вмешательство (открытое или замаскированное) одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства с целью подавления революционного и национально-освободительного движения, изменения общественного и политического строя, захвата территории, установления своего политического господства, экономического порабощения (экономическая и.), приобретения привилегий и т. п.’ [Словарь иностранных слов 1981].

Интересно сравнить определение слова *интервенция* в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1890–1907) и в «Большой советской энциклопедии» (1969–1978). У Брокгауза и Ефрона слову *интервенция* посвящена короткая отсылочная статья:

> **Интервенция** (юрид.) — 1) см. Вмешательство; 2) см. Посредничество по векселям[5].

В «Большой советской энциклопедии» слову *интервенция* посвящена пространная статья, которую приведем в сокращении:

> **Интервенция,** в международном праве вмешательство одного государства во внутренние дела другого государства или в его взаимоотношения с третьими государствами. Современное международное право запрещает И. и рассматривает её как международный деликт. <…> И. поставлена вне закона рядом международных договоров и соглашений, в том числе Уставом ООН <…> Несмотря на категорическое запрещение И. современным международным правом, империалистические державы, и прежде всего США, постоянно вмешиваются во внешние дела других государств и народов»[6].

Корпусные данные подтверждают словарные толкования. В основном корпусе НКРЯ (по состоянию на 1 мая 2020 г.) было 1136 вхождений слова

[5] См. [Брокгауз, Эфрон 1894].

[6] См. [Менжинский 1972].

интервенция, подавляющее большинство вхождений до девяностых годов XX в. — в значении ‘вооруженное вмешательство одного государства во внутренние дела другого государства’, при этом, как правило, с отрицательной оценкой. Даже если с точки зрения автора-нонконформиста *интервенция* может быть представлена как нечто желательное (наряду с бомбами и магазинами), слово все равно сохраняло и свое значение, и отрицательные коннотации:

> Никто в эту ночь не спал. Всех захватил энтузиазм, все глядели в небо, ждали норвежских бомб, открытия магазинов и **интервенции** и воображали себе, как будет рад Владислав Гомулка и как будет рвать на себе волосы Юзеф Циранкевич… (Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки. 1970).

Американские историки даже считают, что одной из причин разного отношения русских и американцев к вводу американских войск в Россию в 1918 году было различие в коннотациях слов *интервенция* и *intervention*. Вот что сказано в написанной по-русски магистерской диссертации американского аспиранта Макса Шелтона: «Как в каждом конфликте между народами, говорящими на разных языках, язык играл большую роль в российско-американском конфликте из-за разных интерпретаций самого слова “интервенция”. Разумеется, значение слова отражает то, как обе стороны смотрели на конфликт. Можно предполагать, что слова “незаконное насильственное вторжение” являются синонимом *интервенции* на русском языке, то есть у слова отрицательное значение. Наоборот, на английском языке “интервенция” — более гибкое по значению слово и может означать что-то положительное, то есть даже может иметь значение “спасение”. Таким образом, непонимание целей и желаний обеих сторон уже началось до того, как интервенция произошла. Русские смотрели на американскую интервенцию как на вторжение, вмешательство в их внутренние дела, в то время как американцы думали, что они пришли в Россию, чтобы спасать российский народ от угрозы коммунизма» [Shelton 2015][7].

Поскольку в языке советской пропаганды интервенцию всегда осуществляют «империалистические» страны, советское вторжение в Чехословакию в 1968 году или в Афганистан в 1980 году невозможно было назвать *интервенцией*. Вот как вспоминает о событиях 1980 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Когда собрался Всемирный Совет Церквей, чтобы выразить отношение к действиям Советского Союза на территории соседнего государства, я был одним из авторов проекта

[7] Ср.: «Собственно говоря, слово “интервенция”, запущенное еще в советские времена, не точно» (Россия уже не та: прах генерала Деникина возвращается на родину // РИА Новости. 29.09.2005).

итоговой резолюции. Сам вызвался участвовать в ее написании, поскольку понимал, что в противном случае излишней политизации не избежать. Из трех слов “агрессия”, “вторжение” и “вмешательство”, которые предлагались для описания случившегося, я настоял на последнем, по-английски — intervention, интервенция. Мне казалось, это лучше, чем инвазия или агрессия, как предлагали другие делегаты. Но я не учел, что в восприятии наших людей слово “интервенция” звучит слишком уж резко и определенно. В Москве именно так к этому и отнеслись…» (Интервью информационному агентству ТАСС, 10 марта 2015 г.). По данным НКРЯ, уже в 1991 году можно было назвать *интервенцией* ввод советских войск:

> Ю. Андропов подал голос за **интервенцию** в Чехословакии в 1968 году (В. Кардин. К вопросу о белых перчатках // Огонек. № 3. 1991).

В дальнейшем такое словоупотребление уже становится вполне обычным, однако и в этих примерах отрицательная оценка в самом слове *интервенция* сохраняется, ср. пример из газетного подкорпуса НКРЯ:

> Периоды ослабления напряженности в международной обстановке, связанные с заключением серии договоров с США, ФРГ и другими странами, а также с разработкой мер по безопасности и сотрудничеству в Европе, сменялись резким обострением международных противоречий; была предпринята **интервенция** в Чехословакию (1968) и в Афганистан (1979) (19 декабря // РИА Новости. 19.12.2005).

Судя по данным НКРЯ, начиная с 90-х годов прошлого века слово *интервенция* все чаще начинает употребляться в другом значении — ‘вмешательство в товарные, рыночные денежные и др. отношения в целях воздействия на цены, рынок, ситуацию’: *финансовая*, *товарная*, *зерновая интервенция*, *словесная, культурная интервенция*; *интервенция программ*, *бензина, интервенция криминального языка* и др. Такое вмешательство может по-разному оцениваться говорящим, но при этом само слово *интервенция* в этих словосочетаниях теряет отрицательную оценку, становится нейтральным, ср. несколько примеров:

> Если же давление на доллар возникнет в результате увеличения денежной массы, то ЦБ на данный момент располагает вполне достаточными резервами для **интервенций** (С. Викторов. Уравнение со всеми известными // Коммерсантъ-Власть. 1999).

> …усовершенствовать механизм проведения закупочных и товарных **интервенций** для регулирования рынка зерна, другой продукции в целях повышения стабильности цен на сельскохозяйственную продукцию (Н. Харитонов. Весна. Село в тревоге // Советская Россия. 01.09.2003).

Для этого предлагаются самые разные ходы — от **интервенции** отечественных программ на мировой рынок до создания точек общественного доступа в Интернет (А. Латкин. Отключить или подключить. Информационная безопасность страны под угрозой // Известия. 10.02.2002).

Можно было бы, как с рублем, делать **интервенции** бензином, чтобы сгладить возможные негативные последствия от возникновения дефицита (Д. Манохин, С. Сухова. «Цена на бензин еще подрастет» // Огонек. 2014).

Пока словесные **интервенции** отечественных чиновников заметно опережают реальные дела (Рубль плавно укрепляется // Эксперт. 2013).

Особенно наглядно виден рост таких употреблений слова *интервенция* в газетном подкорпусе НКРЯ, отражающем язык российских средств массовой информации в XXI веке (1811 вхождений по состоянию на 1 мая 2020 г.)[8]. Конечно, в русском языке советского времени также можно обнаружить словосочетания *валютная* или *товарная интервенция*, но они не были общеупотребительными, встречались преимущественно в специальных текстах и терминологических словарях, поэтому и не фиксировались толковыми словарями русского языка. Но уже в 1998 г. в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина у слова *интервенция* наряду с первым значением ‘агрессивное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства’ отмечается второе значение с пометой *фин*. ‘операции центрального эмиссионного банка по скупке или продаже той или иной валюты для поддержания ее курса’.

В русских текстах последних лет появляется даже невозможное ранее сочетание положительно окрашенного слова *гуманитарный* и слова *интервенция* (раньше *гуманитарной* могла быть только *помощь*).

Такое откровенное позиционирование сепаратистов подтверждает, что в последнее время они сделали ставку не на мусульманский экстремизм, а на превращение Чечни в аналог сербского Косово, откровенно лоббируя сценарий, включающий в себя гуманитарную **интервенцию**, ввод международных миротворцев и последующее отторжение Чечни от России (Н. Серова. Самоубийство Масхадова // ПОЛИТКОМ. РУ. 28.03.2003).

«Гуманитарная **интервенция** привела к нормальному существованию стран, гораздо больше людей пострадали от режима Слободана Милошевича», — сказал он «Труду» (И. Петрушев. В Сербии вновь звучат сирены // Труд-7. 25.03.2009).

[8] Заметим, впрочем, что около 100 из них — это название фильма «Интервенция».

Заметим, впрочем, что, поскольку для многих людей в значении слова *интервенция* сохраняется отрицательная оценка, это словосочетание ощущается ими как неправильное, поэтому ставится в кавычки, сопровождается словами «так называемая» и др.:

> Очевидно, что они считают новую систему противоракетной обороны своего рода зонтиком, позволяющим проводить «гуманитарные **интервенции**» в системе складывающегося «нового мирового порядка» (Д. Регентов. Треугольник с четырьмя углами // Воздушно-космическая оборона. 15.07.2001).

> Так называемая «гуманитарная **интервенция**» недалеко ушла от Средневековья (Д. Асламова. А. Рар: Запад ведет себя так же, как и Советский Союз // Комсомольская правда. 06.05.2012).

Очевидно, однако, что процесс переосмысления значения и утраты отрицательной оценки запущен, недаром даже уже и в сочетании *военная интервенция* слово *интервенция* может иметь безоценочное значение:

> Перед зданием грузинского парламента сходка в поддержку президента Саакашвили и его **интервенции** (И. Найденов. Мы вышли с поднятыми руками // Русский репортер. № 31 (61), 21–28 августа 2008).

> …военные **интервенции** в сопредельные страны с целью защиты законного правительства от террористической угрозы (Б. Межуев. Русские горки // Известия. 04.03.2014).

Как и следовало ожидать, этот процесс коснулся и других слов похожей семантики, таких, как *экспансия* и *эскалация*. Ср., например, комментарий биографа академика Сахарова Г. Горелика к высказыванию Дмитрия Рогозина, в котором слово *экспансия* не имеет отрицательной оценки: «Смысл нашей жизни, как я уже говорил, цитируя Сахарова, это наша **экспансия**. **Экспансия** в космосе, на земле, на коммерческих рынках». Г. Горелик писал:

> Эту «цитату Сахарова» сочинил в «лихие 90-е» покойный Березовский. Вышеупомянутый афоризм противоречит всему, во что Андрей Сахаров верил. В его текстах слово «**экспансия**» всегда имеет отрицательный смысл, часто идет с эпитетом «тоталитарная» и соседствует со словами «агрессия» и «милитаризм».

Вообще есть целая группа заимствованных слов, которые приобрели в русском языке советского времени значение отрицательной оценки, отсутствующее в соответствующем слове в языке источнике, и которые в русском языке новейшего времени приобретают нейтральное или даже

скорее положительное значение (см. [Шмелева 2012]). В чем причина таких изменений? Как известно, в русском языке XXI века не только появилось много новых заимствованных слов, но и многие давно освоенные русским языком заимствованные слова приобрели новые значения, например *интервью*, *меню, митинг* и многие другие. Ср.: *интервью* — традиционное значение ‘предназначенная для печати (или передачи по радио, телевидению) беседа с каким-н. лицом’ [Ожегов 1981] и новое значение ‘собеседование при приеме на работу’; *меню* — традиционное значение ‘подбор кушаний, а также листок с их перечнем’ [Ожегов 1981] и новое значение ‘набор опций, отображаемый на экране компьютера или другого электронного устройства’; *митинг* — традиционное значение ‘массовое собрание для обсуждения политических и других неотложных вопросов текущей жизни’ [Ожегов 1981] и новое значение ‘деловая встреча’. Поскольку новые значения этих слов, как правило, соответствуют значениям соответствующих слов в современном английском языке, по-видимому, можно с высокой долей вероятности говорить о вторичных заимствованиях. Возможно, что и появление у слова *интервенция* новых значений, и утрата отрицательных коннотаций могут объясняться не «возвращением к истокам», а влиянием английского языка, в котором слово *intervention* не только является нейтральным, но и часто употребляется с оттенком одобрения, например: *Without NATO intervention, they probably would have remained second-class citizens within Serbia* ‘Без вмешательства (помощи?) НАТО, они, вероятно, по-прежнему оставались бы гражданами второго сорта в Сербии’; *His intervention generally caused the incidents to subside* ‘Его вмешательство, как правило, приводило к уменьшению количества инцидентов’.

Литература

Брокгауз А. Ф., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 13 (25). Петербург: АО «А. Ф. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1894. 480 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Художественная литература, 1935. 723 с.

Евгеньева А. Е. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981. 696 с.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. 5140 с.

Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1923. 72 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 846 с.

Менжинский В. И. Интервенция // Большая Советская энциклопедия. Т. 10 Ира — Италики, 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 318–319.

Ожегов С. И. Словарь русского языка, 13-е изд. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
Словарь иностранных слов, 8-е изд. М.: Русский язык, 1981. 622 с.
Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1935. 1562 стб.
Шелтон М. Причины, обстоятельства и последствия интервенции американских войск во время русской Гражданской войны 1917–1920 гг. Миддлбери, 2015. 26 с. Рукопись.
Шмелева Е. Я. О словах *компромисс* и *бескомпромиссный* // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 196–203.

References

Brokgauz A. F., Efron I. A. *Entsiklopedicheskii slovar' v 86 t.* [Encyclopedic dictionary in 86 v.]. V. 13 (25). Peterburg: AO "A. F. Brokgauz — I. A. Efron" Publ., 1894. 480 p.
Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. V. 1, Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1935. 723 p.
Epishkin N. I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language]. Moscow, Slovarnoe Izdatel'stvo ETS Publ., 2010. 5140 p.
Evgen'eva A. E. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. V. 1. 2nd edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 696 p.
Kartsevskii S. I. *Yazyk, voina i revolyutsiya* [Language, war and revolution]. Berlin, Russian University Publ., 1923. 72 p.
Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1998. 846 p.
Menzhinskii V. I. [Intervention]. Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. V. 10 Ira — Italiki, 3rd edition. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1972, pp. 318–319. (In Russ.)
Ozhegov S. I. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of Russian language]. 13th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 816 p.
Shelton M. *Prichiny, obstoyatel'stva i posledstviya interventsii amerikanskikh voisk vo vremya russkoi Grazhdanskoi voiny* 1917–1920 gg. [Reasons, circumstances, and consequences of the intervention of American troops during the Russian Civil war of 1917–1920]. Middlbury, 2015. 26 p. Manuscript.
Shmeleva E. Ya. [About words *kompromiss* and *beskompromissnyj*]. *Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury* [Evolution of concepts in the light of the history of Russian culture]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2012, pp. 196–203. (In Russ.)
Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. 8th edition, Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 622 p.
Ushakov D. M. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1, Moscow, Soviet Entsiklopediya Publ., 1935. 1562 columns.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 111–119

Язык художественной литературы

Союз «но» как спутник чеховского героя (на материале рассказа «Дама с собачкой»)

Николай Венальевич Капустин, Ивановский государственный университет (Россия, Иваново), nkapustin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170010739-1

АННОТАЦИЯ: Автор статьи исходит из того, что свойственные чеховским героям сомнения, колебания, внутренние конфликты не могут не иметь соответствующего речевого выражения. Одним из его важнейших проявлений является союз «но», основным (инвариантным) значением которого является противительность. На материале чеховского рассказа «Дама с собачкой» показано, что семантика данного союза многое объясняет как в судьбе персонажей, так и в конкретных ситуациях, раскрывающих те или иные стороны их внутренней жизни. При помощи «но» оформляются контексты, указывающие на нереализованность тех начал личности Гурова, которые в нем потенциально присутствовали, смягчается категоричность отдельных высказываний героя, формируется сюжетное движение, обозначается движение времени, привносятся тонкие психологические подробности. По мнению автора статьи, более объемное исследование, созданное на материале разнородных в тематическом плане произведений, способно показать, что союз «но» — одна из тех универсалий в мире Чехова, которые в высшей степени высвечивают своеобразие его писательской индивидуальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чехов, «Дама с собачкой», союз «но», персонаж, психологизм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Капустин Н. В. Союз «но» как спутник чеховского героя (на материале рассказа «Дама с собачкой») // Русская речь. 2020. № 5. С. 111–119. DOI: 10.31857/S013161170010739-1.

The Language of Fiction

Conjunction "But" as a Speech Characteristic of Chekhov's Character (Based on the Material of the Story "The Lady with the Dog")

Nikolai V. Kapustin, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo), nkapustin@mail.ru

ABSRACT: The author states that doubts, hesitation and internal conflicts, typical for Chekhovs' characters, are surely expressed in the speech of his characters. The author analyzes the conjunction "but" , the main meaning of which is adversity. However, article deals with different functions of the conjunction in Chekhov's story "The Lady with the Dog". It is shown that semantics of 'but' helps us understand more about the past of the characters and some situations that tell readers about the interior lives of the characters.

The paper lists the following functions of "but":

— it shows potential peculiarities of Gurov's personality which were not fulfilled;
— it makes some expressions of the main character less categorical;
— it helps to create a plot of the story;
— it marks the movement of the time as well as the psychological features of the character.

Further investigation of the usage of "but" in Chekov's works could prove that it is his typical feature, which strongly emphasizes his individuality as a writer.

KEYWORDS: Chekhov, "The Lady with the Dog", conjunction "but", character, psychologism
FOR CITATION: Kapustin N. V. Conjunction "But" as the Companion of Chekhov's Character (Based on the Material of the Story "The Lady with the Dog"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 5. Pp. 111–119. DOI: 10.31857/S013161170010739-1.

В 1882 г. Чеховым был написан юмористический рассказ «Свидание хотя и состоялось, но...». Оказавшийся в самом конце названия союз «но», создавая сюжетную загадку, отсылает к тому, что произойдет, и одновременно содержит авторскую иронию по отношению к незадачливому герою. Однако это, кажется, единственный у Чехова пример такого использования данного союза. Доминирующими же являются случаи, когда «но» будет открывать контексты, характеризующие сложную жизнь чеховского персонажа с его сомнениями, колебаниями, противоречиями, трудностями ориентации в мире. В связи с этим без преувеличения можно сказать, что союз «но» оказывается постоянным спутником героев позднего Чехова.

Ряд существенных наблюдений над функционированием «но» в рассказах Чехова был сделан А. В. Чичериным. Один из выразительных примеров, которые он приводит, — рассказ «Страх» (1892), где «но», по словам исследователя, играет роль стилистического лейтмотива: «Это был умный, добрый, нескучный и искренний человек, но...»; «...мне чрезвычайно нравилась его жена. Я влюблен в нее не был, но...»; «по рождению принадлежал он к сословию привилегированному, но... сам говорил о своем привилегированном положении с некоторым недоверием, как о каком-то мифе»; «оно, конечно, человек я потерянный и неспособный, но...»; «ее слова и бледное лицо были сердиты, но...»; «давно уже я не переживал таких восторгов. Но все-таки далеко, где-то в глубине души, я чувствовал какую-то неловкость, и мне было не по себе... Это была большая, серьезная любовь со слезами и клятвами, а я хотел, чтобы не было ничего серьезного...». В результате формируется то свойство чеховской фразы, в которой «утверждение тут же и обрывается и опровергается, впрочем только отчасти» [Чичерин 1968: 315].

Еще чаще, чем противительные союзы, по утверждению А. В. Чичерина, просматривается у Чехова «противительная» интонация. Ее конкретные проявления (слова «какая-то», «что-то», «почему-то», «казалось»,

«зачеркивание элементарно четких представлений», «искание оттенков») манифестируют, что она связана с «трагедийным характером прозы Чехова», что в ней «накопляются противоречия весьма глубокие и весьма тягостные, прежде всего — противоречия половинчатого, измельченного чувства» [Чичерин 1968: 316].

Разумеется, противительная интонация не обходится и без союза «но», хотя она, согласно точке зрения А. В. Чичерина, на нем не замыкается, в связи с чем союз «но» не является главным предметом внимания исследователя. Между тем жизнь этого союза в рассказах Чехова требует к себе самого пристального внимания, что особенно ощутимо в сегодняшней ситуации, когда идет поиск конкретных путей филологического анализа текста, подразумевающего синтез литературоведения и лингвистики. К этому давно подталкивают и работы Н. А. Кожевниковой [Кожевникова 1999; 2011], в которых наблюдения над языком подводят к более глубокому пониманию законов построения чеховских произведений.

К настоящему времени лингвистами осмыслен большой материал, касающийся разных сторон функционирования слова «но» в речи. Рассмотрено не только инвариантное — противительное — значение этого союза, но и конкретные, формируемые в том или ином контексте значения (см. об этом: [Милованова 2016: 112–126]), что нами, безусловно, учитывалось. Вместе с тем справедливо отмечалось, что контекстов употребления «но» — «бесконечное множество — столько, сколько самих жизненных ситуаций» [Милованова 2016: 113]. По этой причине описать все случаи функционирования «но» в творчестве Чехова невозможно, а потому в центре внимания только один рассказ — «Дама с собачкой» (1899). Союз «но» встречается здесь 27 раз (18 в речи автора-повествователя, пять в косвенной и четыре в прямой речи героев). Но самое главное не частотность употребления, а семантическая нагруженность этого союза: его противительная семантика многое объясняет как в судьбе персонажей вообще, так и в конкретных ситуациях, раскрывающих те ли иные стороны их внутренней жизни. При этом мы не стремились подвести встречающееся у Чехова «частное» значение «но» к имеющимся в специальной литературе определениям («*но* противоположной оценки», «*но* ненормального следствия», «*но* нереализованного намерения» и др.). Основной акцент сделан на «но» в его соотнесенности с судьбой чеховских персонажей, их внутренним миром.

Один из наиболее значимых фрагментов, смысл которого как раз и задает союз «но», открывает соотношение прошлого и настоящего в жизни главного героя: «Гуров рассказал, что он москвич, по образованию филолог, *но* служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, *но* бросил, имеет в Москве два дома» [Чехов 1986: 130]. В обоих случаях «но»

оказывается зна́ком жизни, пошедшей не по тому пути, который поначалу виделся, и приходится только догадываться, почему склонный к гуманитарной сфере Гуров (филолог, готовившийся к тому же петь в частной опере) отказывается от своих первоначальных планов, предпочитая другое. Впрочем, это отчасти проясняет фраза «имеет в Москве два дома», выносящая на первый план материальное, которому, вероятно, и было отдано предпочтение перед невещественными, гуманитарными ценностями. В то же время данный фрагмент по-своему соотносится с авторской информацией, где со свойственным Чехову лаконизмом сообщается о другом факте биографии Гурова: «Ему еще не было сорока, *но* у него была уже дочь двенадцати лет и два сына-гимназиста. Его *женили* рано…» [Чехов 1986: 128]. Глагольная форма «женили» указывает на Гурова как на объект чужой воли, человека, плывущего по течению. Контекст проясняет гуровскую самохарактеристику («по образованию филолог, *но* служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, *но* бросил…»), в которой заложено указание если и не на внутренний конфликт, то, по крайней мере, на нереализованность тех начал личности героя, какие потенциально присутствовали и оказались заглушены.

Это по-своему определяет образ жизни Гурова, в котором на первый план выдвигаются отношения с женщинами — «низшей расой», как он их называет. Впрочем, категоричность такого определения несколько смягчается включением конструкций с «но», вводящих нюансировку: «Ему казалось, что он достаточно научен горьким опытом, чтобы называть их как угодно, *но* все же без "низшей расы" он не мог прожить и двух дней. В обществе мужчин ему было скучно, не по себе, с ними он был неразговорчив, холоден, *но* когда находился среди женщин, то чувствовал себя свободно и знал, о чем говорить с ними и как держать себя; и даже молчать с ними ему было легко» [Чехов 1986: 128–129].

Таковы разбросанные по тексту подробности биографии Гурова, оформляемые при помощи союза «но». Несколько текстовых фрагментов, подаваемых через «но», важны и для понимания Анны Сергеевны. Среди них особенно значимы ее характеристика мужа — «Мой муж, быть может, честный, хороший человек, *но* ведь он лакей!» [Чехов 1986: 132] — и признание о накопившейся психологической усталости на грани с отчаянием, заставившее ее поехать в Ялту: «…вы этого не понимаете, *но*, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда…» [Чехов 1986: 132]. В этом ряду существенную роль играет и, казалось бы, чисто информационная фраза «А от нее он [Гуров] узнал, что она выросла в Петербурге, *но* вышла замуж в С., где живет уже два года…» [Чехов 1986: 130]. Читателю, конечно, остается только гадать, почему выросшая

в Петербурге Анна Сергеевна оказалась в городе С. Резонно предположить, впрочем, что перед нами тот самый случай, когда союз *но,* сигнализируя о «нарушении аксиологической гармонии» [Арутюнова 1999: 220], как и в случае с Гуровым («филолог, *но* служит в банке…»), оказывается знаком пошедшей не по тому руслу жизни. В таком случае судьба Анны Сергеевны по-своему близка судьбе Гурова, и их встреча в Ялте при внешней случайности оказывается закономерной.

Однако роль слова «но» значительна и при изображении событий, происходящих в настоящем.

Так, на отталкивании от расхожих историй, рассказывающих о ялтинских любовных приключениях, и в то же время не без влияния формируемых ими стереотипов, что также оформляется при помощи «но», дается завязка сюжета: «В рассказах о нечистоте местных нравов много неправды, он [Гуров] презирал их и знал, что такие рассказы в большинстве сочиняются людьми, которые сами бы охотно грешили, если бы умели, *но*, когда дама села за соседний стол в трех шагах от него, ему вспомнились эти рассказы о легких победах, о поездках в горы, и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестною женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им» [Чехов 1986: 129].

В финале рассказа при помощи «но» будет дан мотив приближающейся старости, движения времени: «Плечи, на которых лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Он почувствовал сострадание к этой жизни, еще такой теплой и красивой, *но*, вероятно, уже близкой к тому, чтобы начать блекнуть и вянуть, как его жизнь» [Чехов 1986: 142]. Ощущаемое Гуровым *сострадание* при взгляде на Анну Сергеевну далеко выводит его чувство за рамки того, что у него было когда-то и что опять-таки манифестируется союзом «но»: «Время шло, он знакомился, сходился, расставался, *но* ни разу не любил; было все что угодно, *но* только не любовь» [Чехов 1986: 143].

Однако то, что Гуров будет испытывать к Анне Сергеевне в финале рассказа, возникает не сразу. При прощании с нею в Ялте испытываемое им чувство противоречиво, и не случайно, что в данном случае вновь появляется фиксирующий эту противоречивость союз «но»: «Он был растроган, грустен и испытывал легкое раскаяние; ведь молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится, не была с ним счастлива; он был приветлив с ней и сердечен, *но* всё же в обращении с ней, в его тоне и ласках сквозила тенью легкая насмешка, грубоватое высокомерие счастливого мужчины, который к тому же почти вдвое старше ее» [Чехов 1986: 135].

Эта «тень» исчезнет только в Москве, когда свойственная Чехову ситуация «казалось/оказалось» вновь предопределит появление союза «но»: «Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом и только изредка будет сниться с трогательной

улыбкой, как снились другие. *Но* прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти всё было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера» [Чехов 1986: 136]. Ср. также: «И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями. *Но* дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома — не с кем» [Чехов 1986: 136].

При помощи «но» вводятся Чеховым и несколько тонких психологических подробностей в тех эпизодах рассказа, когда Гуров окажется в городе С. Поначалу это сцена со знакомым по Ялте шпицем: «Гуров хотел позвать собаку, *но* у него вдруг забилось сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица» [Чехов 1986: 138]. Психологически наполнен союз «но» и в том эпизоде рассказа, когда Гуров неожиданно для Анны Сергеевны появляется в театре. Прерывая ситуацию минутного оцепенения, усиливая психологизм и без того напряженной сцены, «но» из чисто служебного речевого средства превращается в физически ощутимое, неотделенное от движения Анны Сергеевны слово: «Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно, борясь с собой, чтобы не упасть в обморок. <…> *Но* вот она встала и быстро пошла к выходу; он — за ней…» [Чехов 1986: 139–140]. Если исключить «но» из приведенной фразы, она приобретет совсем иной, линейно-последовательный характер, и та порывистость движения, достигаемая сочетанием «но» с другими словами («*но* вот она встала»), исчезнет, а вместе с ней исчезнет и психологизм, который в данном случае без «но» не существует.

Значительна психологическая нагрузка «но» и в ответе Гурова на вопрос Анны Сергеевны: «Зачем вы приехали?» Внешне противительная семантика союза обретает дополнительные семантические ореолы, подразумевающие смыслы, о которых логически определенно рассказать невозможно. «*Но* поймите, Анна, поймите… — проговорил он вполголоса, торопясь. — Умоляю вас, поймите…» [Чехов 1986: 140]. За этим «но» в сочетании с усиливающим его значение трижды повторенным «поймите» не столько возражение, сколько и оправдание, и невыразимость чувства, которое испытывает Гуров. В свою очередь, на психологически емком противоречии желания и боязни его приезда строятся реплики Анны Сергеевны, в одной из которых многомерность семантики «но» расширяет дважды повторяющееся слово «зачем»: «Я всё время думала только о вас, я жила мыслями о вас. И мне хотелось забыть, забыть, *но* зачем, зачем вы приехали?» [Чехов 1986: 140].

Наконец, в одной из сцен в театре «но» возвращает к сюжетным ситуациям рассказа, вводя контрастность по отношению к тем ялтинским эпизодам, когда для Гурова еще был важен сторонний взгляд («поцелуи

среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел»). Ср. в новой ситуации: «Повыше, на площадке, два гимназиста курили и смотрели вниз, *но* Гурову было всё равно, он привлек к себе Анну Сергеевну и стал целовать ее лицо, щеки, руки» [Чехов 1986: 140].

Таков лишь один из рассказов Чехова, где противительная семантика союза «но» в ее контекстуально заданной нюансировке оказывается весьма существенной при создании образов персонажей. Между тем «Частотный грамматико-семантический словарь языка А. П. Чехова…» фиксирует впечатляющие данные: союз «но» встречается 6510 раз в 535 чеховских произведениях (671 раз в драматургии и 5839 в повествовательном творчестве) [Поликарпов (ред.) 2012: 448]. Более объемное исследование, созданное на материале разнородных в тематическом и жанровом плане произведений, способно показать, что этот союз — одна из тех универсалий в мире Чехова, которые в высшей степени высвечивают своеобразие его писательской индивидуальности.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Кожевникова Н. А. Язык и композиция произведений А. П. Чехова. Н. Новгород: б. и., 1999. 103 с.

Кожевникова Н. А. Стиль Чехова. М.: Азбуковник, 2011. 487 с.

Милованова М. С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа. 2-е изд. М.: Флинта, 2016. 348 с.

Поликарпов А. А. (ред.). Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / О. В. Кукушкина, Е. В. Суровцева, Л. В. Лапонина, Д. Ю. Рюдигер. М.: Макс Пресс, 2012. 571 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1986. 492 с.

Чичерин А. В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1968. 374 с.

References

Arut'unova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of man]. 2nd ed. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1999. 896 p.

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Vol. 10. Moscow, Nauka Publ., 1986. 492 p.

Chicherin A. V. *Idei i stil'. O prirode poeticheskogo slova* [Ideas and style. About poetical word]. 2nd ed. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1968. 374 p.

Kozhevnikova N. A. *Yazyk i kompozitsiya proizvedenii A. P. Chekhova* [Language and composition of A. P. Chekhov's works]. N. Novgorod, 1999. 103 p.

Kozhevnikova N. A. *Stil' Chekhova* [Chekhov's style]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 487 p.

Milovanova M. S. *Semantika protivitel'nosti: opyt strukturno-semanticheskogo analiza* [The semantics of the adversatory: Semantic structure analysis]. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2016. 348 p.

Polikarpov A. A. (ed.). *Chastotnyi grammatiko-semanticheskii slovar' yazyka khudozhestvennykh proizvedenii A. P. Chekhova s elektronnym prilozheniem* [Frequency grammar-semantic dictionary of the language of A. P. Chekhov's works of fiction with an electronic application]. Comp. O. V. Kukushkina, E. V. Surovtseva, L. V. Laponina, D. Yu. Rudiger. Moscow, Maks Press Publ., 2012. 571 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 120–123

Наука в лицах

Замечательный школьный учитель Михаил Викторович Панов

Science and Persons

Wonderful School Teacher Mikhail V. Panov

Шел 1947 год. После трехлетнего перерыва я вновь пришла первого сентября в московскую школу № 235, где я училась в 3-м и 4-м классах, но теперь это был уже 8-й класс. Волнуюсь — новые лица в классе, новые учителя. Первый урок — литература. В класс входит невысокий, худощавый молодой мужчина. Представился: Михаил Викторович. Сказал, что будет нашим классным руководителем. Класс напряженно, выжидательно замер. Учителей-мужчин, тем более молодых, в то время в школе практически не было.

Повернулся к доске. Начал писать тему урока левой рукой, какими-то странными, не связанными между собой буквами. Мелькнула догадка — фронтовик, был ранен. Но о годах, проведенных на войне, Михаил Викторович никогда не говорил, и ни наград, ни наградных планок никогда не демонстрировал.

М. В. Панов — классный руководитель. *Москва, 1948 г., шк. № 235, 9 кл.*

Голос тихий, взгляд пронзительных умных глаз — напряженный. На нервном лице порой вспыхивает румянец. Тему не помню, но отчетливо запомнила, что он сразу заинтересовал необычной манерой подачи материала. И этот интерес не исчез до дня расставания.

Так началось мое знакомство с этим необыкновенным человеком, замечательным педагогом, сумевшим за три года так много рассказать, объяснить, столь многому научить, что этого багажа, помноженного на дальнейшую учебу, хватило на долгие годы. Он подстегнул наш интерес к чтению не только художественной, но и критической литературы, притом далеко за пределами школьной программы. Пробудил интерес к изучению того исторического периода, когда создавались изучаемые произведения, а еще настроений, царивших в различных слоях общества. Мы никогда не ограничивались учебником, прилежно штудировали статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Стасова. Обращались и к современным авторам. Помню, с каким интересом я читала Б. Мейлаха «А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества».

Темы сочинений были сложные, но очень интересно сформулированные. Чтобы соответствовать повышенным требованиям, готовились заранее, много читали. Михаил Викторович так преподнес нам «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, что это произведение отнюдь не показалось

скучным. Помню, с каким энтузиазмом я писала сочинение о снах Веры Павловны. Он очень любил Маяковского и привил эту любовь тем, кто откликался на его рассказы. Прежде чем начать знакомить нас с творчеством Блока, Михаил Викторович целый урок читал нам его стихи, чтобы мы прониклись музыкой блоковской поэзии.

Все три года Михаил Викторович вел у нас литературный кружок. Он с энтузиазмом знакомил нас с авторами и произведениями, не входившими в школьную программу. Мы узнали и полюбили Кюхельбекера, Вяземского, Дельвига, Батюшкова, Фета — всех не перечислишь. Все три года мы писали не только сочинения, но и труднейшие диктанты, разбирали предложения. В вузы поступали без репетиторов. Михаил Викторович, интеллигентный, всесторонне образованный человек, заботился и о нашем художественном воспитании, водил нас на различные лекции. Мы прослушали курс лекций в Третьяковской галерее. Это было необычайно интересно: в зал, где проходила лекция, приносили множество картин из запасников, расставляли их вдоль стен, и мы замирали, слушая рассказы о творчестве наших прекрасных живописцев. Записи этих лекций хранятся у меня до сих пор.

Те, кому посчастливилось учиться у Михаила Викторовича Панова в школьные годы, должны быть благодарны судьбе, поскольку такой Учитель — это явление.

Мы с моей школьной подругой навестили Михаила Викторовича в его маленькой квартире, забитой книгами настолько, что жизненного пространства там осталось лишь для его спального места и небольшого столика, в середине 1980-х годов. Я тогда жила в Танзании и приехала в Москву в отпуск. Зная, что Михаила Викторовича посещают его многочисленные ученики-студенты, в том числе и бывшие, я привезла ему доску черного дерева с вырезанной надписью на суахили «Карибуни», что означает «Добро пожаловать!». Мы пили заваренный мною крепкий танзанийский чай «Гордость Африки», вспоминали школу, говорили о литературе. Он ходил по комнате, не глядя, доставал с многочисленных полок нужные книги, чтобы прочитать нам что-то важное. Шутил, был в отличном настроении, смотрел на нас очень ласково. Справедливости ради нужно сказать, что к нам с подругой он и в школе относился очень хорошо. Он уже тогда серьезно занимался фонетикой. Поскольку я сменила много мест жительства, мое произношение его не интересовало, а вот мою подругу он в школьные годы заставлял читать какие-то тексты и делал пометки своими загадочными значками. Узнав, что Панов написал учебник по фонетике, мы приобрели его и с интересом прочитали.

После школы подруга Галя отучилась в Политехническом и стала редактором, я же окончила МГИМО и выпустилась с дипломом специали-

ста по международным отношениям стран Запада (весьма расплывчатая квалификация). Но качественного образования (и особенно — школьной его базы) мне хватило и для работы в Министерстве внешней торговли СССР, и для преподавания английского языка в МГУ им. Ломоносова на международном отделении географического факультета, и для работы редактором-переводчиком в «Литературной газете». Выйдя на пенсию, я три года редактировала книги в крупном московском издательстве. А еще говорят, что нас раньше плохо учили!

Валентина Юкалова

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2020
С. / Pp. 124–127

Наука в лицах

Памяти Леонида Леонидовича Касаткина (1926–2020)

Science and Persons

In Memory of Leonid L. Kasatkin (1926–2020)

13 сентября 2020 года не стало Леонида Леонидовича Касаткина — выдающегося лингвиста, крупнейшего специалиста в области русской фонетики и русской диалектологии, доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом диалектологии и лингвистической географии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН с 1998 по 2012 гг., участника Великой Отечественной войны, сильного и мужественного человека.

Леонид Леонидович прожил долгую, насыщенную, яркую жизнь, его биография вместила все трагедии и надежды XX века. 30 декабря ему исполнилось бы 94 года. Нам, кто имел счастье научного и человеческого общения с ним, на профессиональные интересы которых оказали влияние авторитет и личность Леонида Леонидовича, казалось, что он был и будет всегда, — так детям кажется, что родители вечны и их, детей, не коснется сиротство…

Научное наследие Л. Л. Касаткина огромно, оно включает около 400 работ. Среди них монографии по русской литературной и диалектной

фонетике, вузовские учебники современного русского литературного языка с написанными им главами по фонетике, фонологии, орфоэпии, графике и орфографии, учебники фонетики, русской диалектологии, лингвистические справочники, фундаментальный «Большой орфоэпический словарь русского языка», статьи, расшифровки рассказов крестьян о своей жизни.

Леонид Леонидович Касаткин.
Фото А. Л. Касаткиной. Май 2015 г.

Любовью всей научной жизни Леонида Леонидовича были русские говоры. Его первая диалектологическая экспедиция состоялась в 1953 г., когда он, 27-летний преподаватель Моршанского учительского института, на грузовике вывез группу студентов изучать тамбовские говоры. «Диалектологический экспедиционный стаж» Леонида Леонидовича насчитывает 63 года, причем за один полевой сезон ему случалось бывать не в одной, а в нескольких экспедициях. Он объездил почти всю Россию — от Белого моря до Черного и от границы Калужской и Брянской областей до Забайкалья и Хабаровского края, побывал и у русских крестьян-старообрядцев в других странах: на Украине, в Румынии, Молдавии, Болгарии, Польше, Эстонии, США. Он собрал огромный материал магнитофонных, а потом диктофонных записей диалектной речи — рассказов о жизни русских крестьян при советской власти. В русских говорах Л. Л. Касаткин обнаружил многие и многие неизвестные ранее диалектные явления и сделал фундаментальные описания их. Последняя экспедиция, в старообрядческое село Новоплоское Одесской области, состоялась в октябре 2015 г. Ему было почти 89 лет…

О том, что любовь к диалектологии определила не только научную, но и личную судьбу Л. Л. Касаткина, свидетельствует такой малоизвестный факт. Р. О. Якобсон, прочитавший его статью «Русская диалектная и историческая фонетика в работах Р. О. Якобсона» (она была опубликована в 1977 г. в сборнике к юбилею маститого ученого), будучи в Москве, попросил одного московского лингвиста познакомить его с автором статьи. При встрече с Леонидом Леонидовичем Якобсон предложил ему подумать о возможности переезда в США и работе в одном из университетов. Эми-

грантом, как мы знаем, Касаткин никогда не был. Причину он объяснил просто: «А что бы я там делал? Мое дело — это русские говоры».

С середины 1990-х гг. Леонид Леонидович начал активно заниматься изучением говоров старообрядцев, в том числе живущих за пределами России. Эти говоры привлекали его тем, что в них обнаруживаются интереснейшие диалектные черты, утраченные в других, не старообрядческих, говорах. Он сделал описания говоров старообрядцев Молдавии, Болгарии, Румынии, Украины, Северной Америки, а также Забайкалья и Дона, опубликовал рассказы старообрядцев об их жизни в России и за рубежом, сопроводив их подробными лингвистическими комментариями. Изучение языка старообрядцев позволило Л. Л. Касаткину установить важнейшие для диалектологии и истории русского языка явления, например: взгляд на диссимилятивное аканье как отражение особой ритмики слова; последовательные этапы развития диссимилятивного яканья и роль предударного *е* в этом процессе; два этапа в истории ударного «ять» и др. Однако интерес к старообрядчеству был вызван не только лингвистическими причинами: Леониду Леонидовичу был чрезвычайно близок и понятен характер старообрядцев, в котором главное — верность своим убеждениям, неподчинение неправедной власти, стойкость к жизненным невзгодам, чувство собственного достоинства и трудолюбие. Это — свойства самого Касаткина.

Благодаря Леониду Леонидовичу изучением говоров старообрядцев стали заниматься лингвисты других стран — Польши, Эстонии, Германии. По инициативе Л. Л. Касаткина в 2008 г. на XIV Международном съезде славистов в Охриде была создана Комиссия по исследованию старообрядчества, в которую вошли исследователи разных научных специальностей из многих стран и которую он возглавлял до 2018 г.

Он мужественно и красиво завершил свой жизненный путь: успел проститься с Одессой — родным городом своей матери и городом своего отрочества, опубликовал воспоминания о родителях и семейную переписку (Л. Л. Касаткин. История одной семьи // Новый мир. 2016. № 3), подготовил к изданию двухтомник своих работ объемом 88 авторских листов (Л. Л. Касаткин. Избранные труды. В 2 т. М.: Издательский дом «ЯСК», 2017). И ни разу, ни разу не пожаловался на тяжелую болезнь, перенося ее стойко и молчаливо…

17 сентября мы ехали на прощание с Леонидом Леонидовичем в скорбном настроении, но, когда увидели в траурном зале его фотографию, скорбь отступила на время: он встречал нас открытой улыбкой и приветливым взглядом. Прощание с ним было очень теплым, мы вспоминали много доброго и веселого — он и сам любил пошутить.

Мы получили много слов соболезнования из разных городов и стран — от людей, близко знавших Леонида Леонидовича и встречавшихся с ним изредка, на научных конференциях. Вот один из откликов: «Леонид Леонидович оставил о себе светлую память как человек и как образец профессионализма. В наше расхристанное, с господством дилетантов время уход таких людей — это уже невосполнимая потеря». А это — голос его любимых старообрядцев: «Бог да простит его и упокоит в чертогах праведников. Золотой был человек».

Прощайте, наш дорогой Леонид Леонидович, низкий поклон Вам. Будем помнить Вас — памятью светлой и благодарной.

О. Г. Ровнова

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*
Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*
Корректор *В. Л. Цумарева*
Верстка *С. В. Родионовой*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 15.10.2020 г.
Формат 60×88 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 285 экз.
Зак. 18/5а
Цена свободная

УЧРЕДИТЕЛИ:
Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬ:
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.

ГАУГН-ПРЕСС

осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия

Ключевые направления:

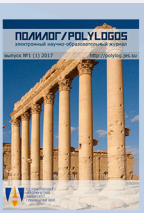
- **формирование учебно-методических комплексов**
- **внедрение мировых стандартов научной периодики и коммуникации**
- **популяризация науки**

Принципы деятельности:

- **сетевое взаимодействие ведущих научных центров**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **интеграция науки и образования**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru